

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Челябинский государственный университет»

**Челябинский
гуманитарий**

Ч

**НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ**

Основан в 2006 году
№ 2 (55) / 2021

Главный редактор

М. В. Загидуллина – доктор филологических наук, профессор, Челябинский государственный университет (Челябинск, Россия).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бобькина Ирина Александровна, доктор педагогических наук, заведующий кафедрой делового иностранного языка, Челябинский государственный университет (Челябинск, Россия).

Головин Юрий Алексеевич, доктор культурологии, доцент, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия).

Доманский Юрий Викторович, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия).

Зубанова Людмила Борисовна, доктор культурологии, профессор, Челябинский государственный институт культуры (Челябинск, Россия).

Коханая Ольга Евгеньевна, доктор культурологии, доцент, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия).

Распопова Светлана Сергеевна, доктор филологических наук, доцент, Московский политехнический университет (Москва, Россия).

Репин Сергей Арсеньевич, доктор педагогических наук, профессор, Челябинский государственный университет (Челябинск, Россия).

Савиных Владимир Леонидович, доктор педагогических наук, профессор, Курганский государственный университет (Курган, Россия).

Фаустов Андрей Анатольевич, доктор филологических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия).

Учредитель: ФГБОУ ВО «Челябинский
государственный университет»
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-78897 от 28.08.2020

Редактор *А. Р. Медведева*
Компьютерная верстка *А. Р. Медведева*

Подписано в печать 05.08.21.
Выход в свет 12.08.21.
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 11,0. Уч.-изд. л. 10,2.
Тираж 50 экз. Заказ 381.
Цена договорная

Отпечатано в Издательстве Челябинского
государственного университета. 454021,
г. Челябинск, ул. Молодогвардейцев, 57 Б

ISSN 1999-5407

Редколлегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание статей и качество перевода аннотаций несут авторы публикаций.

Журнал публикует статьи по культурологии (5.10.1. Теория и история культуры, искусства); филологии (5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации; 5.9.3. Теория литературы; 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика), педагогике (5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования; 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования); 5.8.7. Методология и технология профессионального образования).

Адрес издателя:
454001, Челябинск, ул. Бр. Кашириных,
129 Адрес редакции:
454084, Челябинск, пр. Победы 162в, 408
Тел.: (351)799-70-29
e-mail: chelgum@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Синецкая Т. М.* Творчество композиторов Южного Урала
в социокультурном пространстве региона7
- Shub M. L.* Memory-identity in the urban identity context:
the variety and distinctive aspects17

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Александров Л. Г.* Несколько слов о мистической топографии, географии
и космографии Михаила Булгакова (к юбилею писателя)23
- Асмус Н. Г., Полетаева Н. Д.* Несколько слов о мистической топографии, географии
и космографии Михаила Булгакова (к юбилею писателя)34
- Вечканова М. С.* Визуализация и интерактивность
как тенденции современной социальной журналистики43
- Зыховская Н. Л., Топольская В. П.* «Памяти памяти: романс» Марии Степновой:
коммеморативные стратегии взаимодействия с читателем50
- Рыкова О. В.* Медиафрейминг эпидемии в контексте социально-экономических
последствий для города56
- Сафонов Е. А., Кузьмина М. А.* Особенности спортивного онлайн-репортажа
в специализированных пабликах социальных сетей Мордовии
(на примере сообщества «Футбол Мордовии»)66

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Горшкова К. В., Лубожева Л. Н.* Обеспечение личностно ориентированного
характера обучения иностранному языку в вузе
посредством метода «перевернутый класс»72
- Рудакова Ю. А., Бобыкина И. А.* Формирующее оценивание
как перспективная технология оценочной деятельности
в высшей школе79
- Информация для авторов88

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 7.067

DOI: 10.47475/1999-5407-2021-10201

**ТВОРЧЕСТВО КОМПОЗИТОРОВ ЮЖНОГО УРАЛА
В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА¹****Т. М. Синецкая***Челябинский государственный институт культуры, Челябинск*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Челябинской области в рамках научного проекта № 20-412-740017

В статье анализируется вклад композиторов Южного Урала (деятельность челябинского отделения Союза композиторов России) в развитие социокультурного пространства региона и инфраструктуру городской жизни. Автор показывает, как отражается образ региона в музыкальном творчестве композиторов, подчеркивает связь их произведений с фольклорными традициями. При обращении к актуальному полю культуры, обобщает функции, реализуемые композиторской организацией во взаимодействии с различными сферами социальной жизни.

Ключевые слова: композиторы, творческие союзы, музыкальная культура, регион, социокультурное пространство, Южный Урал

Введение

Новый XXI век быстро отмерил свои первые двадцать лет, и эти начальные десятилетия в сфере композиторского творчества вновь подтвердили не только работоспособность, но и высокую планку мастерства, профессиональное и общественное признание композиторов Южного Урала, их органичную включённость в современное социокультурное пространство региона. Каждое пятилетие (отчётные периоды деятельности союза композиторов происходят каждые пять лет) отмечено не только яркими сочинениями разных жанров, но и новыми творческими тенденциями, индивидуальными эволюционными процессами, формированием интересных тандемов композиторов и исполнителей, масштабными синтетическими проектами, расширением географии исполнений. Все названные особенности требуют осмысления, а созданная за этот период музыка – своего анализа и оценки её исполнительской судьбы. Однако цель данной статьи – не в музыковедческом анализе созданных произведений, а в фиксации вклада композиторской организации в развитие социокультурного пространства региона – ментальности и идентичности жителей, ценностного поля культуры и инфраструктуры городской жизни.

Современный Челябинск и сегодня остаётся крупнейшим промышленным мегаполисом, деловым центром, стратегически важным транспортным узлом, соединяющим Южный Урал со всем евразийским континентом. Вместе с тем, сегодня – это один из ведущих научных и культурных центров России, в котором сформирован значительный потенциал искусства, в том числе, и музыкального; город, который обладает не только оперным театром, филармонией, разнообразными творческими коллективами, ценнейшим капиталом в лице высокопрофессиональных творческих работников разных специальностей, но и соответствующими творческими

¹ Статья подготовлена в июне 2021 года, публикуется впервые.

союзами, воплощающими цеховую, профессиональную солидарность тех, кто производит художественные ценности. Это союзы писателей, художников, композиторов, театральных деятелей, архитекторов, журналистов; областные общественные объединения – «Фонд культуры» и «Музыкальное общество». Все названные организации возглавляют известные в регионе профессионалы. Не случайно, за челябинской областью закрепились характеристика литературного, музыкального, театрального края.

Представители творческих профессий не только сделали Южный Урал одним из важнейших объектов своего внимания, создав самобытную художественную летопись о нём, но и вписали своим творчеством уникальные страницы в общий процесс развития российского искусства, естественно вошли в европейское и мировое пространство (театральные спектакли, выставки, исполнения музыкальных произведений, публикации и др.), внесли вклад в профессиональную педагогику, художественную критику, эстетическое воспитание подрастающего поколения и др.

Своё место в этом ряду занимает Челябинское отделение Союза композиторов России – 39-я по счёту российская композиторская организация, созданная в мае 1983 года. Необходимо при этом уточнить тот факт, что профессиональные композиторы начали работать в Челябинске с 1961 года (с приездом композитора М.Д. Смирнова после окончания Уральской консерватории) и постепенно сформировали весьма работоспособную группу (шесть членов СК СССР, входящих в состав Уральской композиторской организации). Эта группа и стала основой Челябинского отделения Союза композиторов России: Евгений Георгиевич Гудков (в союзе – с 1966), Михаил Дмитриевич Смирнов (1967); Вадим Яковлевич Семенов (1977), Татьяна Михайловна Синецкая (1978, музыковед), Владимир Павлович Веккер (1981), Юлий Евгеньевич Гальперин (1983).

Позднее членами союза стали композиторы Анатолий Давидович Кривошей (1993), Татьяна Юрьевна Шкербина (1994), Лариса Валерьевна Долганова (1997), Елена Михайловна Поплянова (1998), Алан Рудольфович Кузьмин (2002), Евгений Николаевич Кармазин (2011), Полина Геннадьевна Сергиенко (2018); музыковеды Светлана Зейликовна Губницкая (1985), Наталья Владимировна Парфентьева (1995), Ольга Фёдоровна Ширяева (2007), Наталья Валерьевна Растворова (2011). Председателями Челябинского отделения СК России в разное время являлись М. Д. Смирнов (1983–1993), В. П. Веккер (1993–1994), Т. М. Синецкая (1994–2011), Т. Ю. Шкербина (1911 по настоящее время). Состав организации со временем менялся, в основном, в связи с отъездами в другие регионы и пополнением новыми членами.

За годы существования композиторской организации созданы сочинения разных жанров: более 20 опер и балетов; 85 оркестровых сочинений: симфоний и симфонических произведений других жанров, в том числе – концертов для разных инструментов и оркестра, произведений для камерного оркестра; более 40 произведений кантатно-ораториального жанра и хоровых сюит; сотни произведений камерно-инструментальной, вокальной и хоровой музыки. Обширна музыкальная литература, созданная для оркестра русских народных инструментов и отдельных инструментов. Значительные художественные накопления сделаны в сферах музыки для детей и юношества, театральной музыке (более 80 спектаклей драматических театров шли или идут с музыкой челябинских композиторов). Практически, всё созданное исполнено в публичных концертах (а также – отрецензировано в региональной и общероссийской прессе, монографических изданиях [7]). Накоплен и активно используется музыкальный материал для программ разных жанров: серьёзных и популярных, для взрослой и детской аудитории.

Согласимся с известным исследователем региональной культуры И. Я. Мурзиной, видящей в музыкальной культуре духовно-интегрирующее начало жизни любой

территории: «Она становится своеобразным связующим звеном между высшими достижениями мировой культуры и их бытием в «близком» пространстве региона: через приобщение к культурным традициям разных стран и народов, включая свои, региональные, через музыкальное исполнительство, через обращение авторов к мировому художественному опыту и актуализацию смыслов отечественной и региональной культуры» [5. С. 6].

В настоящей статье мы остановимся на двух обобщающих основаниях региональной культуры: *мемориальном* – или культурной памяти (воплощенной в концептах региональной идентичности и фольклорной традиции), репрезентированной в музыке челябинских композиторов и *актуальном* – функциях композиторской организации в современном инфраструктурном пространстве.

Культурная память региона в музыкальной репрезентации челябинских композиторов

Важным аспектом видится нам роль профессионального музыкального искусства композиторов в укреплении региональной идентичности, удержании связи с истоками жизни региональной культуры [6], ее фольклорными традициями [3; 11].

Образ «малой Родины», всегда был и остаётся объектом притяжения для писателей, музыкантов, художников, скульпторов, градостроителей. Воплощение в музыке уральской темы, имеет в качестве первоисточника уральскую литературу: поэзию и прозу разных жанров. Подобное взаимодействие усиливает «региональную» ноту, объединяя не только возможности слова и звука, но и образное восприятие разных художников: поэта (писателя) и композитора.

Для композиторов образ Южного Урала становится сквозным и воплощается в разных жанрах. В синтетических театральных произведениях подчёркивается концептуальность подхода, разнообразие драматургического развёртывания. Так, исторический сюжет положен в основу опер Е. Гудкова «Ущелье крылатых коней» и В. Веккера «Аносов» (по пьесе «Отечество мы не меняем»). В обоих случаях – обращение к драматургии Константина Скворцова, основанной на подлинных событиях, происходивших на Южном Урале в первой половине XIX века и связанных с открытием секретов знаменитой уральской плавки стали и изготовления украшенного оружия. Герои названных опер: и Павел Петрович Аносов, выдающийся русский горный инженер, крупный организатор горнозаводской промышленности на Южном Урале, исследователь природы этого уникального региона; и Иван Николаевич Бушуев, талантливый златоустовский оружейный мастер, увековечивший на металле образ стремительного, дерзкого и прекрасного полёта легендарных крылатых коней, – исторические личности, реализовавшие себя на Южном Урале.

Балет «Аркаим» Т. Шкербиной (либретто Константина Рубинского, премьера 2007) – художественное воплощение в искусстве крупнейшего научного открытия XX века, самого древнего города, найденного в России. Обнаруженный в процессе археологических раскопок на Южном Урале в 1982 году, ныне Аркаим является научным и туристическим объектом международного значения. Развитие сюжета в балете основано на сопоставлении духовных ценностей, представлений о любви, смерти, взаимоотношениях людей цивилизации древних ариев и наших современников.

Огромную известность в России в первой половине XX века получило творчество П. П. Бажова, уральца по рождению, писателя, журналиста, исследователя фольклора. Кладезь его сказов, сосредоточенный в главной книге жизни – «Малахитовая шкатулка» – интереснейшее художественное повествование об Урале, красоте его природы, трудолюбивых и бескорыстных людях-мастерах. Для уральских композиторов это имя стало символическим, а знаменитые: «Сказ о каменном цветке», «Медной горы

хозяйка», «Огневушка-поскакушка», «Синюшкин колодец» и др. явились литературной основой для разных музыкальных жанров: опер, балетов, оркестровой и хоровой музыки. Безусловным лидером по числу использования стал уральский сказ «Серебряное копытце».

В наследии челябинских композиторов, особенно, старшего поколения, также есть произведения, созданные на сюжеты уральских сказов. Это – опера-балет «Серебряное копытце» Е. Гудкова, Первая симфония памяти П. Бажова, симфонические картины «Огневушка-поскакушка» и «По сказам Бажова» М. Смирнова. Интерес к творчеству уральского писателя выходит далеко за рамки региона и вовлекает в свою орбиту имена таких отечественных композиторов как С. Прокофьев (балет «Каменный цветок» – 1954, Москва, Большой театр); К. Молчанов (опера «Сказ о каменном цветке» - 1950, Москва, театр им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко); Д. Батин (опера «Малахитовая шкатулка» – 2012, Пермский академический театр оперы и балета им. П. И. Чайковского) и др. Узнаваемый, поэтический и, одновременно, реально-точный, богатый наблюдениями, воплощёнными в народной, своеобразно интонируемой лексике, стиль Бажова, его слог, звучание словосочетаний способен вызвать аллюзию ароматов, пространства, звукового наполнения, плотности и нежности – невероятного многообразия ощущений и представлений, которые он описывал. Тексты его сказов, несомненно, музыкальны, ибо это было его природным свойством (хотя сам Бажов это категорически отрицал, называя себя «тугоухим»).

Продолжая тему взаимодействия уральской музыки и литературы на Южном Урале, выделим сочинения Е. Гудкова на стихи Л. Татьянической (вокально-хоровая музыка), В. Сорокина, Н. Рубинской (кантатно-ораториальный жанр); М. Смирнова – на тексты Л. Чернышова, Г. Суздалева, Л. Кузнецова (кантатно-ораториальный жанр); А. Кривошей на стихи М. Шанбатуева (вокальный цикл «Земля Уральская», Н. Шилова (хоровые сюиты); Е. Попляновой на стихи Н. Пикулевой, А. Середы, Н. Шилова, С. Ашировой (песни для детей) и др.

Разнообразно представлен образ Южного Урала в многочисленных песнях челябинских композиторов. Этот мобильный и лаконичный жанр способен воплощать самые разные темы, характеры, ситуации – от наиболее обобщённых до предельно конкретных.

Среди них особое место принадлежит гимнам-символам: «Гимн Челябинской области» (М. Смирнов, В. Алёшкин), «Гимн г. Копейска» (А. Кривошей, А. Бурьянов), «Гимн г. Сатка» (Л. Долганова, Н. Ягодинцева), «Гимн городу» (А. Кривошей, Н. Рубинская); песням об уральских городах: «Песня о Снежинске» (Л. Долганова, А. Воронов), «Посвящение Челябинской области» (Л. Долганова); «Челябинск – ты моя любовь» (В. Веккер, А. Куницын), «Молодые города» (В. Веккер, Л. Татьяничева), «Песня о Магнитке» (В. Веккер, А. Павлов), «Три города» (Е. Гудков, И. Тарабукин), «Город мечты и труда» (А. Кривошей, Ю. Жук). Есть посвящение Челябинску, воплощённое в крупной симфонической форме – поэма «Мой город» Гудкова с поэтическим вступлением Игоря Пальмова. Есть песни о рабочих династиях: «Шагай, сынок» (И. Тарабукин) из вокального цикла «Песни рабочего края» Е. Гудкова, о конкретных любимых местах: «Алое поле» (А. Кривошей, Н. Рубинская), «Челябинский Диснейленд» (А. Кривошей, К. Рубинский); «Бабьи пески» (Ю. Гальперин, А. Еранцев); Реквием «Золотая гора» для русского народного оркестра (М. Смирнов); есть даже песня о любимой челябинцами хоккейной команде, однозначно мотивирующая на победу – «Трактор – шайбу!» (Е. Гудков, В. Гудков). Есть песни лирико-эпические – «В Урале Русь отражена» (Е. Гудков – Л. Татьяничева) и героико-патриотические – «Танкоград» (Е. Гудков, Л. Рахлис); песни о любви к женщине – «Полюби меня, Алёнка» (М. Смирнов, А. Гольдберг), «Любовь не стареет с годами» (М. Смирнов, Л. Чернышов), «Простая песня» (А. Кривошей, М. шанбатуев) и о любви к Родине – «Пою о России моей»

(В. Веккер, Л. Татьяничева), «Что шумишь, берёзонька?» (М. Смирнов, Ю. Ключников).

Неотъемлемым свойством музыки челябинских композиторов была и остаётся связь с фольклором, разнообразие принципов включения особенностей музыкальной народной культуры в профессиональную музыку разных жанров. Освоению фольклора челябинскими композиторами способствовал доступ к оригинальным образцам, которые привозились из экспедиций, исследовались специалистами, публиковались в специальных изданиях, включались в репертуар действующих фольклорных коллективов. Своеобразные фольклорные «библиотеки» (фонды записей и расшифровок) создавались при учебных заведениях, где работали специалисты и исполнители-носители фольклора (ЧГИК, Челябинский гос. университет, Культурно-просветительное училище). Среди энтузиастов-собирателей, исследователей фольклора – А. Лазарев, Л. Лазарева, А. Глинкин, В. Хоменко и др. Урал – многонациональный регион, основанный на взаимодействии разнообразных национальных культур. Это обстоятельство определило ведущую черту традиционного фольклора районов Южного Урала как «смещение разнородных поэтических (и – музыкальных – Т. С.) стилей, занесённых из разных центров народного творчества: на юге Урала сильно сказывалось влияние, помимо среднерусской традиции, Дона, Кубани, а также казачьего Яика» [2. С. 154]. Вместе с тем исследователями подчёркивается способность фольклора Южного Урала к изменениям и обновлению под влиянием новых условий жизнедеятельности разных групп населения в этом регионе, в частности – формирование рабочего фольклора на промышленных производствах Южного Урала.

Анализ музыки наших земляков позволяет говорить о разных способах воплощения фольклора в профессиональных музыкальных жанрах: в виде цитирования (А. Кривошей «Золотая трубонька» для саксофона, симфонического оркестра и казачьего хора, где оригинальный народный образец завершает всё произведение; кантата «Казачий круг» (сл. народные) для казачьего хора и камерного оркестра, где использовано 10 подлинных казачьих песен); в качестве обработки аутентичных образцов (П. Сергиенко «Деревушка немалая, казаками занятая», «Забелели снежки», «Пошла в огород»); как сочетание разных подходов, где узнаваемость подлинных фольклорных попевок или ритмов объединяются с авторским материалом, что создаёт новое качество и новую образность сочинения; как авторский материал, написанный в духе народного, использующий совокупность стилевых особенностей того или иного народно-песенного или танцевального жанра, где совокупность стилевых особенностей формирует аллюзию народного искусства, народного духа, атмосферы. Такой подход (традиция великого М. И. Глинки) является преобладающим, свидетельствует о глубоком усвоении композитором природы народного мышления и способности её воссоздать в собственном творчестве (Ю. Гальперин «Бабы пески»; Е. Гудков «Времена года», А. Кривошей «Идут белые снеги», Т. Шкербина «Мыши водят хоровод», Е. Поплянова «Уральские посиделки», Л. Долганова «Отзвуки песни», П. Сергиенко «Вокализ»). Всё сказанное поддерживает народную традицию, подчёркивает глубину влияния народного искусства на профессиональное творчество, способствует адаптации массового восприятия к современному музыкальному языку академических жанров.

Описанный выше музыкальный пласт композиторского творчества не только позволяет фольклору обрести новую, разнообразную жизнь в современном музыкальном пространстве, но и позиционировать творчество современных композиторов, презентовать это творчество как одну из важнейших и самобытных характеристик региона. В союзе уральской музыки и литературы созданы яркие произведения, совокупность которых даёт возможность охватить и понять Южный Урал и в его уникальном прошлом, и в ярком и перспективном настоящем; акцентировать внимание на неповторимых явлениях,

важных событиях, определяющих исторические вехи развития, отношение к региону как целостному феномену и запечатлённому в конкретных событиях индивидуального восприятия художника.

Актуальное поле культуры региона: многообразие функциональных позиций композиторской организации

Каким образом деятельность челябинских композиторов и, в целом, творческих союзов в регионе отражает уровень качества жизни и способна влиять на него; оказывает ли эта деятельность воздействие на воспроизводство человеческих ресурсов? Создают ли творческие союзы предпосылки для конкурентоспособности региона? Какое участие принимают они в расширении информационного пространства региона и взаимодействии с внешним миром, и какую роль играют в укреплении имиджа Южного Урала и, конкретно, Челябинска в стране и за рубежом? Попробуем в лаконичной форме ответить на эти вопросы.

Члены творческих союзов – это люди, имеющие, как правило, хорошее (эталонное и эксклюзивное) образование, привносящие в регион не только талант, но и символы профессиональных школ ведущих образовательных учреждений России (консерваторий, театральных и художественных вузов и др.). Их назначение – не только создавать художественные ценности, но и заниматься воспроизводством творческой прослойки общества. Композиторский класс (ныне композиторское отделение) в Южноуральском государственном институте искусств им. П. И. Чайковского, художественное училище, факультеты журналистики в челябинских университетах; консерваторский, театральный, хореографический факультеты в Челябинском государственном институте культуры стали возможны только благодаря профессионалам соответствующих отраслей деятельности; литературными объединениями руководят профессиональные поэты и писатели. Профессию, школу, художественную традицию можно передать только «из рук в руки», только через живое общение. В этом плане сохранение и укрепление союзов представляется очень важным именно с точки зрения статуса профессионального искусства в стране и дальнейшего его развития.

С этим связана и вторая функция – поддержки творческих поисков, новаторства, нетривиальных творческих идей, способных обогатить язык и формы искусства.

Каждый художник уникален и в большинстве случаев творит в одиночку (скульптор, живописец, писатель, композитор); творческие союзы же стали не только формой организованного единства профессионалов, но самое главное – они превратились в уникальный способ накопления и развития профессиональной культуры: не только создания ценностей; не только воспитания профессионалов культуры, но и зрителей, слушателей, читателей; они стали местом сохранения традиций, опыта, достижений, методов и т.п.

Познавательное эмоциональное, эстетическое, коммуникативное поле воздействия искусства очень широко, и, если бы мы смогли сегодня иметь количественные показатели хотя бы за пять последних лет о людях, посетивших концерты, выставки, спектакли, прочитавших книги или прослушавших стихи челябинских профессионалов, это была бы весьма внушительная цифра. Эмоциональный след делает эту картину и более объёмной, и более стабильной по результату воздействия. Достаточно вспомнить авторские концерты Михаила Смирнова с Пятой симфонией в театре оперы и балета, Анатолия Кривошея в ЮУрГИИ, фестиваль «Композиторы России – детям» в Челябинске и регулярные концерты детской музыки из произведений композиторов-южноуральцев, «Аркаим», «Дюймовочку» и «Смерть чиновника...», поставленные на филармонической сцене и охватившие огромную зрительскую аудиторию; персональные выставки художников, богатейшую палитру драматических спектаклей, чтобы согласиться

с этим тезисом. За всем сказанным стоит впечатляющая просветительская работа, формирование культуры современного слушателя и зрителя, развитие всех органов чувств, способности к сопереживанию. Об этой «зеркальности» творчества и восприятия писал в своё время известный европейский врач, писатель, музыкант Альберт Швейцер: «Не только творчество комплексно; искусство восприятия комплексно не в меньшей мере. Во всяком подлинном художественном восприятии принимают участие все чувства и представления, на которые человек способен. Этот процесс многосторонен, хотя только в очень редких случаях воспринимающий догадывается, как разнообразны элементы, составляющие его фантазию, и сколько обертонов звучит, присоединяясь к основному тону, на который в данный момент обращено всё внимание» [10. С. 328].

Если говорить о главной составляющей – творчестве – то, фактически, в регионе идёт интенсивная работа по созданию российского искусства разных направлений и жанров. Работа, в которой обобщены накопления мирового и отечественного искусства, подчёркнута особенность уральского региона. Эта работа расширяет предложение на художественном рынке, увеличивает возможность выбора людьми, что, само по себе создаёт дополнительный комфорт для населения. Через песни, хоровые сочинения, симфонии наших композиторов; пейзажи Н. Третьякова, Б. Смирнова-Русецкого, В. Неясова, картины З. Латфулина; литературные работы К. Скворцова, Л. Татьяничевой и Б. Ручьёва, К. Шишова, Р. Дышаленковой, Н. Болдырева, Н. Годины, Н. Рубинской, С. Семянникова, Н. Ягодинцевой, многое становится понятным о нашем крае, его природе, людях, истории. Эта художественная информация – прекрасная основа для воспитания подрастающего поколения, наполнения так называемого регионального компонента в образовательном процессе, репертуарного ресурса концертных и театральных организаций; она нужна не только населению уральского края, но и интересна другим регионам, востребована другими странами.

Именно разнообразие направлений искусства, присутствие в регионе практически всех творческих союзов способствует удовлетворению художественных потребностей, а, следовательно, гармонизации вкусов и запросов разных групп населения.

Очень важна функция продвижения художественного продукта к потребителю: читателю, слушателю, зрителю; организация «обратной связи», коммуникации искусства и публики. Это общекультурная функция по отношению к человеку и обществу, ради которой работают творческие союзы. Это и возможность противостоять засилью массового искусства, пошлых, примитивных, вульгарных образцов.

Важно и то, что в периоды распада, индивидуализма, властного и структурного разделения, конкуренции – творческие союзы «удерживали целое», встраиваясь, по сути, в ключевые тренды культурной политики региона [6]. Установка на видение системы в целом, процесса в его непрерывности позволяет выполнять союзам интегрирующую роль, работать на созидание, что в наше время чрезвычайно важно.

Многофункциональность музыкального искусства – вопрос, с одной стороны, глубоко исследованный в современной науке. Еще Т. Адорно, одним из первых обозначил четкую связь музыки и социальной структуры общества [1], по сути, сам термин – социология музыки – наглядная фиксация этой над-эстетической роли. В. Н. Холопова говорит о существовании музыкально специального и неспециального «идейного» содержания музыкального искусства, реализуемого за счет этической, эстетической, коммуникативной, канонизирующей, познавательной, отражающей и преобразующей действительность функций музыки [9. С. 32]. И эта, бесспорная и безусловная в своей логичности и методологической целостности концептуальная схема, становится наполненной и диагностируемой именно в контексте погружения в реальность региональной жизни, наглядно отражающей потенциал профессионального музыкального искусства.

Заключение

Создают ли творческие союзы предпосылки для конкурентноспособности региона? Уже то, что наш регион имеет соцветие творческих союзов, что союзы работоспособны и обладают ещё не исчерпанным ресурсом, является несомненным преимуществом. Союзы делают инфраструктуру культуры полноценной и самодостаточной. Признание успехов творческой личности – немаловажная вещь. Наши художники, писатели, композиторы, театральные и кино деятели – лауреаты всевозможных профессиональных и именных конкурсов, обладатели дипломов, медалей, приглашений.

Город Челябинск, Южный Урал непременно называют всякий раз в связи с исполнителями, в репертуаре которых произведения южноуральских композиторов. И происходит это как в городах России, так и за рубежом. Произведения композиторов издаются не только в Челябинске, но и в Москве (издательский дом «Композитор»), Санкт-Петербурге, европейских издательствах.

Много это или мало? Ни на каких весах это не определишь, не взвесишь. Всё нужно попробовать, всему дать прозвучать, найти своё место в звуковом современном потоке. Об этом вечно живом и обновляющемся потоке как актуальной реальности напоминают мудрые слова о музыке незабвенного Сергея Михайловича Слонимского: «В ней целый мир взрывчатых эмоций, нервных импульсов, тончайших смысловых нюансов, выразительных звуковых фраз, красок, комплексов, линий, форм. Аполлоническое и дионисийское сплелись в музыке, как две лианы на одном стволе. Наше древнейшее искусство и укрощает, и пьянит, и доводит до иступления, и облагораживает, и потрясает, и умиляет... Божественная красота и демоническое безобразие – всё подвластно музыке. Но музыка не актёрствует, не живописует, она не столько воплощает, отражает окружающую жизнь, сколько создаёт новую, особую реальность. Воображаемый мир этот питается всеми соками сегодняшнего быта, всей исторической памятью человека» [8. С. 15].

Список литературы

1. Адорно, Т. Избранное: Социология музыки / Т. Адорно. – СПб.: Университетская книга, 1998. – Текст : непосредственный.
2. Казакова, Г. М. Культура Южного Урала: локальный вариант регионального измерения / Г. М. Казакова. – СПб., 2007. – Текст : непосредственный.
3. Калужникова, Т. И. Песенная традиция русского населения Среднего Урала в народных знаниях и музыкальной фольклористике / Т. И. Калужникова. – Тюмень: ТКИ. 2002. – Текст : непосредственный.
4. Мурзина, И. Я. Методологические аспекты изучения региональной культуры / И. Я. Мурзина. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2004. – № 2. – С. 60–64.
5. Мурзина, И. Я. Педагогический потенциал региональной музыкальной культуры / И. Я. Мурзина. – Текст : непосредственный // Педагогическое образование в России. – 2017. – № 9. – С. 5–11.
6. Ориентиры культурной политики XXI века: актуальные исследовательские тренды: коллектив. моногр. / Л. Б. Зубанова, Н. Л. Зыховская, А. Ю. Павлова, С. Б. Синецкий, М. Л. Шуб. – Челябинск: ЧГИК, 2019. – Текст : непосредственный.
7. Синецкая, Т. М. Композиторы Южного Урала / Т. М. Синецкая. – Челябинск: Челябинский Дом печати, 2003. – Текст : непосредственный.
8. Слонимский, С. М. Бурлески, элегии, дифирамбы в презренной прозе / С. М. Слонимский. – СПб.: Композитор, 2000. – Текст : непосредственный.
9. Холопова, В. Н. Музыка как вид искусства / В. Н. Холопова. – СПб.: Планета музыки, 2014. – Текст : непосредственный.

10. Швейцер, А. Иоганн Себастьян Бах / А. Швейцер. – М.: Музыка, 1965. – Текст : непосредственный.

11. Юровская, О. Л. Духовная народно-песенная традиция на Южном Урале / О. Л. Юровская. – Текст : непосредственный // Искусствознание: теория, история, практика. – 2020. – № 3. – С. 85–94.

CREATIVITY OF COMPOSERS OF THE SOUTHERN URALS IN THE SOCIO-CULTURAL SPACE OF THE REGION

T. M. Sinetskaya

Chelyabinsk State Institute of Culture, Chelyabinsk, tatsin_1@rambler.ru

The article analyzes the contribution of the composers of the Southern Urals (the activities of the Chelyabinsk branch of the Union of Composers of Russia) to the development of the socio-cultural space of the region and the infrastructure of urban life. The author shows how the image of the region is reflected in the musical work of composers, emphasizes the connection of their works with folklore traditions. When referring to the actual field of culture, it summarizes the functions carried out by the composer organization in interaction with various spheres of social life.

Key words: composers, creative unions, musical culture, region, socio-cultural space, South Ural.

References

1. Adorno, T. (1998). *Izbrannoe: Sociologija muzyki* [Favorites: Sociology of Music]. Saint-Petersburg, Universitetskaja kniga (in Russ.).
2. Kazakova, G. M. (2007). *Kul'tura Juzhnogo Urala: lokal'nyj variant regional'nogo izmerenija* [Culture of the South Urals: a local version of the regional dimension]. Saint-Petersburg (in Russ.).
3. Kaluzhnikova, T. I. (2002). *Pesennaja tradicija russkogo naselenija Srednego Urala v narodnyh znanijah i muzykal'noj fol'kloristike* [Song tradition of the Russian population of the Middle Urals in folk lore and musical folklore]. Tjumen', TKI (in Russ.).
4. Murzina, I. Ja. (2004). Metodologicheskie aspekty izuchenija regional'noj kul'tury [Methodological aspects of the study of regional culture]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2, pp. 60–64 (in Russ.).
5. Murzina, I. Ja. (2017). Pedagogicheskij potencial regional'noj muzykal'noj kul'tury [Pedagogical potential of regional musical culture]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical education in Russia], 9, pp. 5-11 (in Russ.).
6. *Orientiry kul'turnoy politiki XXI veka: aktual'nye issledovatel'skie trendy* (2019) [Cultural policy guidelines of the XXI century: current research trends]. Authors: L. Zubanova, N. Zyhovskaya, A. Pavlova, S. Sinetskii, M. Shub. Chelyabinsk, ChGIK (in Russ.).
7. Sineckaja, T. M. (2003). *Kompozitory Juzhnogo Urala* [Composers of the South Urals]. Chelyabinsk, Chelyabinskij Dom pečati (in Russ.).
8. Slonimskij, S. M. (2000). *Burleski, jelegii, diframby v prezrennoj proze* [Burlesques, elegies, praises in despicable prose]. Saint-Petersburg, Kompozitor (in Russ.).
9. Holopova, V. N. (2014). *Muzyka kak vid iskusstva* [Music as an art form]. Saint-Petersburg, Planeta muzyki (in Russ.).
10. Shvejcer, A. (1965). *Iogann Sebast'jan Bah* [Johann Sebastian Bach]. Moscow, Muzyka (in Russ.).

11. Jurovskaja, O. L. (2020). Duhovnaja narodno-pesennaja tradicija na Juzhnom Urale [Spiritual folk song tradition in the South Urals]. *Iskusstvoznanie: teorija, istorija, praktika* [Art: theory, history, practice], 3, pp. 85–94 (in Russ.).

Синецкая Татьяна Михайловна – кандидат педагогических наук, профессор, профессор кафедры истории и теории музыки консерваторского факультета, Челябинский государственный институт культуры.

tatsin_1@rambler.ru

УДК 930.85

DOI: 10.47475/1999-5407-2021-10202

**MEMORY-IDENTITY IN THE URBAN IDENTITY CONTEXT:
THE VARIETY AND DISTINCTIVE ASPECTS¹*****M. L. Shub****Chelyabinsk State Institute of Culture, Chelyabinsk*

The research's key provisions were carried out within the framework of the President of the Russian Federation program of research grants for the state support of leading young Russian scientists - doctors of sciences (Contest MD-2020), project "Culture of memory of industrial cities of the Russian province: the regional identity memorial strategies"

The article is devoted to the phenomenon of memorial identity, which is understood as the temporal connection of a person with his place of residence. The temporal connection of a person with a place can manifest itself in personalized and socialized forms. Personalized memory identity is provided by private memories associated with the city (autobiographical memory). The socialized form is associated with an assessment of the city's past through the prism of its historical fate.

Based on the results of the culturological study, the features of the identity of the inhabitants of the industrial cities of the Southern Urals were revealed: 1) the connection between the positive perception of the city and memory identity, both in its personalized (content of autobiographical memory) and in socialized (content of historical memory) forms; 2) the presentistic nature of the negative perception of the city; 3) inconsistency.

Key words: identity, temporality, memorial identity, local identity, urban identity, cultural memory.

Memory-identity in the structure of urban identity

There are dozens of different separately perceived and objectively existing connections with the place of living for each individual. The totality of these connections is conventionally referred to as "local identity". Depending on the scale and type of place of living, local identity is differentiated into regional, rural, urban, etc. According to D. A. Bell and A. de-Shalit, the urban identity has recently acquired particular importance (for science and the ordinary people). The rise of cosmopolitanism makes one feel involved and unique and "belong" [1]. Indeed, many modern (especially Western) studies of urban identity [1; 3; 4] define it through originality, individuality, uniqueness, etc.

For instance, P. Nientied defines urban identity as both a set of authentic, inherent in a particular city features and characteristics that perform an attributive function, making it unique among other cities (the standard terms for the Russian usage are "an image" or "a brand"). As well as it is defined as the actual process and result of the individual's identification with a city, based on the acceptance of its identity ("distinctiveness" as A. Cheshmehzangi calls it), emotional inclusion into its' actual and symbolic environment [8. P. 152].

Typologically, urban identity is a multifaceted phenomenon. For example, A. Cheshmehzangi, depending on the "area of influence" (the scale of prominence and significance of a particular urban symbol), identifies global, environmental, and personal types of urban identity [3]. P. Hay depending on the degree of its unalterability: perfunctory and total classes [7]. C. Rollero

¹ This article was written in April 2021 and is being published for the first time.

and N. De Piccolo depending on the source of formation and manifestation: cognitive (rational) and affective (emotional) types [11].

The cognitive type of urban identity implies attachment to a place based on logical and rational reasoning: advantageous geographical location, favorable environment, stable economic conditions, well-developed infrastructure, affordable housing, etc.

On the contrary, the affective type is the embodiment of a sensual perception of a city. It is associated with a sense of social and generational connection with the place, with the link to cherished memories, personal experiences, meaningful connections, etc., all of what P. Naintied called “a true attachment to the city”, and R. Hay called “urban insiderism”.

The most critical component of the affective type of urban identity is the temporal connection between an individual and his/her place of living. We suggest the term “memory-identity” for that case. A vivid instance of the manifestation of this type of identity is the bitter remarks of Darya, the heroine of V. Rasputin’s “A Farewell to Matyora”, on the eve of the island’s government planned flooding: “So we will leave our graves here? Graves of our own? Under the water?... If we let them be abandoned like that, no one will think twice about abandoning us. It’s inhumane and heartless! How can we be without our beloved graves?!” [10. P. 71]. The cemetery is an embodiment of the transcendental unity of ancestors and descendants, a symbol of intergenerational link, leveling the ontological gap between past and present: “Miron, her old man, did not have his own grave, where one could sit and, to bare one’s soul, to mourn, to weep, remembering what happened, and imagining what could be next” [10. P. 59].

Personalized and socialized forms of memory-identity

The temporal connection of a person with a place can manifest itself in personalized and socialized forms.

Personalized memory-identity is based on private memories about the city, or otherwise – on autobiographical memory. B. V. Nurkova defines autobiographical memory as “the highest mental function, arranged logically, operating with personally referenced experience, which provides the accumulation of a subjective history of the personal past and experience as a unique extended in time subject life path. It has a multilevel structure of interrelated units, the arrangement of which is determined by the use of different systems of socio-cultural means” [9. P. 64].

An individual retains in one’s memory a variety of personal impressions related to the urban environment: “I see rails not yet removed, flights not yet canceled, buildings not yet demolished, and undeveloped wastelands...” [14. P. 4]. This level of autobiographical memory V. V. Nurkova called the micro-level, containing memories which are “photographic” (visual), “important” (full of value), “crucial” (bifurcational in nature), and “characteristic” (typical for a particular community) [9. P. 69].

The autobiographical memory micro-level consists of “units of existential themes, various stories, ideas about one’s destiny as a whole...” [9. P. 69]. Its essence is perfectly reflected in D. Rubina’s novel “On the Sunny Side of the Street”: “It is probably characteristically human to feel an attachment to the places of one’s childhood and youth... It could be because in them, as in a mirror, as in the smooth lake’s surface, one’s image from those happy days is imprinted...” [12. P. 112].

As it was exhibited in numerous studies, both levels of autobiographical memory form a unique picture of the past, which is characterized by presentism (a present’s value domination), everyday nature (the prevalence of household and family content memories), particularity (memory full of details) [13. P. 169–170]. Also, positivity and temporal syncretism should be emphasized as the autobiographical memory’s features.

Culturological research results

The cultural study of the memory phenomenon, conducted by this paper's researcher in 2016–2018, states that “even though disappointments and loss inevitably mar any fate, the overwhelming majority of the respondents (79%), nevertheless, recalled positive events, which, in some ways, may indicate “optimism of individual memory... The human psyche's defense mechanisms regulate the memory content: they tend to level out traumatic experiences and, on the contrary, to single out the past's most enjoyable events” [6. P. 170].

The autobiographical memory temporal syncretism is expressed in the fusion of different modes of time in the space of individual memories, in the absence of clearly fixed gaps between them.

The socialized form of the urban memory-identity is connected with assessing the city's past through a perspective of its historical conditions. In this case, the past acquires the axiological properties (it is perceived as the time's most important mode), mythology (a representation mostly by symbols and images than by specific events), tragedy (an accumulation of dramatic events in the actual memory), temporal structurization (a precise distance from the present) [13].

In reality, both forms of memory-identity co-exist as communicating vessels: “In an individual's system of memories there are some that are considered exclusively one's own, related only to a personal biography. But at the same time, at certain moments a person can behave as a member of the group only, evoking and maintaining impersonal memories insofar as they affect his/her group” [5].

Thus, the individual's memory-identity is shaped, on the one hand, as a system of the urban-linked personal memories, and on the other - as one's ideas about his/her historical past. According to Halbwachs, the former performed a differentiating task and mainly directed at recording and reinforcing a person's and location's unique relationship and at one's biography unfolding in the city space recreation. By creating a common image of a past, the latter are focused on city dwellers' or particular urban communities' integration in general.

In 2021 the author of this article conducted a study of the South Urals' urban identity (in particular, in the area's industrial cities of Chelyabinsk, Magnitogorsk, Zlatoust). One of the research methods was a semi-formalized interview. Respondents were asked open-ended questions, requiring to continue the proposed phrase, which allowed them to assess the cities of their residence from various points of view:

1) the positive emotional coloring evaluations: (“I love my city, because...”, “I am proud of my city, because...”). And the negative (“I don't love my city, because...”, “I regret that in my city...”) evaluations;

2) the nature of evaluation perspective: emotional-expressive evaluations appealing to unmotivated perception (“I love...”, “I do not love...”), and rational-reflexive ones connected with conscious and socially oriented evaluation (“I am proud...”, “I am sorry...”).

The analysis of the research's outcomes revealed an exceedingly striking pattern. At first, while positively assessing their cities, respondents intuitively appealed to the memory identity. Thus, completing the sentence “I love my city because...” (a positive, personal and emotional-expressive aspect of evaluation), residents of all cities gave universal answers: “This is the city of my birth, childhood, and youth”, “Multiple memories are associated with this city” (Chelyabinsk – 86 %, Magnitogorsk – 98 %, Zlatoust – 100 %). Evaluating their cities in a more rational and socially-oriented way (completing the sentence “I am proud of my city because...”), the interviewees expressed an identical opinion as well: “Because it is the City of Labor Valor” (Chelyabinsk – 98 %, Magnitogorsk – 94 %, Zlatoust – 50 %).

It follows from the above that different urban identity features of the residents of South Ural industrial cities could be recorded.

Firstly, a city's positive evaluation is directly correlated with a memory-identity, both in its personalized (the content of autobiographical memory) and socialized (the historical memory content) forms. The past, thus, becomes a criterion for evaluating the present, and the present acquires the features of retro-orientation.

The second feature derives from the opposite phenomena: the negative assessment of the city, reflected in the completion of the phrases "In my city, I do not like...", "I regret that in my city...", has a clearly expressed presentist character. It appeals to the present and the existing environmental (Chelyabinsk and Magnitogorsk) and socio-economic (Zlatoust) issues.

The urban identity's inconsistency could be identified as its' third feature.

First, on the one hand, respondents are proud of their cities, which vastly contributed to the victory in the Great Patriotic War. On the other hand, they are highly dissatisfied with the long-lasting environmental conditions in the region. However, it is apparent that one is a consequence of the other: the cities of the Chelyabinsk area made a significant contribution to the victorious end of the Great Patriotic War thanks to their developed industrial complex, which, in turn, is the leading cause behind environmental disadvantage.

Secondly, on the one hand, respondents identify their attachment to the city with personal memories, with the image of roots and origins, thus turning them into the basis of the urban identity. On the other hand, as the outcomes of the mass survey (part of the same research) demonstrate – the area's residents do not exhibit commemorative activity on a personal level. Thus, the most popular answer to the question "Are there such places in your city that are associated with your personal history, which you visit to maintain your dearest memories" was "There are such places, I just keep them in my memories, but I do not visit those" by residents of all three cities. Besides, among the suggested options for preserving memories of the familial past, the research participants prefer those that did not require a high level of activity, active participation, travel, were not time-consuming, intellectually challenging, etc. Among mentioned are "preservation of family albums, letters" and "celebration of important family events, memorable dates".

References

1. Bell, D. A. and de-Shalit, A. (2011). *The Spirit of Cities, Why the Identity of a City Matters in a Global Age*. Princeton, PrincetonUniversityPress, 412 p.
2. Berger, T. (2016). *Place, Imaginary, Identity: Place Ethnography in Truth or Consequences, New Mexico*. Ph.D. Thesis, Albuquerque, The University of New Mexico, 459 p.
3. Cheshmehzangi, A. (2015). Urban Identity as a Global Phenomenon: Hybridity and Contextualization of Urban Identities in the Social Environment. *Journal of Human Behaviour in the Social Environment*, 5, pp. 391–406. DOI: 10.4236/cus.2018.61008.
4. Elden, S. (2003). The fate of place: a philosophical history. *Political geography*, 22 (3), pp. 335–337. DOI:10.1016/S0962-6298(02)00024-0.
5. Hal'bvaks, M. (2005). Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' [Collective and historical memory]. *Neprikosnovennyj zapas* [Emergency reserve], 2–3 (40–41), available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html>, accessed 13.06.2021 (in Russ.).
6. Hal'bvaks, M. (2007). *Social'nye ramki pamyati* [Social framework of memory]. Moscow, New publishing house, 348 p. (in Russ.).
7. Hay, R. (1998). Sense of Place in Developmental Context. *Journal of Environmental Psychology*, 18, pp. 5–29.
8. Nientied, P. (2018). Hybrid Urban Identity –The Case of Rotterdam. *Current Urban Studies*, 6, pp. 152–173. DOI: 10.4236/cus.2018.61008.

9. Nurkova, V. V. (2010). Avtobiograficheskaya pamyat' v optike kul'turno-istoricheskoy i deyatel'nostnoj metodologii [Autobiographical memory in the optics of cultural-historical and activity methodology]. *Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2, pp. 64–82 (in Russ.).
10. Rasputin, V. (2021). *Proshchanie s Materoj* [Farewell to Matera]. Moscow, Veche, 560 p. (in Russ.).
11. Rollero C., and De Piccoli, N. (2010). Place Attachment, Identification, and Environment Perception: An Empirical Study. *Journal of Environmental Psychology*, 30, pp. 198–205. DOI: 10.1016/j.sbspro.2012.07.014.
12. Rubina, D. (2021). *Na solnechnoj storone ulicy* [On the sunny side of the street]. Moscow, Publishing house E, 432 p. (in Russ.).
13. Shub, M. L. (2018). *Kul'turnaya pamyat': sushchnostnye osobennosti i sociokul'turnye praktiki bytovaniya* [Cultural memory: essential features and socio-cultural practices of being]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State Institute of Culture, 303 p. (in Russ.).
14. Zorin, L. (2014). *Pokrovskie vorota* [Pokrovskie gates]. St. Petersburg, Azbuka-SPb, 416 p. (in Russ.).

МЕМОРИ-ИДЕНТИЧНОСТЬ В СТРУКТУРЕ ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: СПЕЦИФИКА И ФОРМЫ БЫТОВАНИЯ²

М. Л. Шуб

Челябинский государственный институт культуры, Челябинск, shubka_83@mail.ru

Ключевые положения исследования осуществлены в рамках программы грантов Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих молодых российских ученых – докторов наук (Конкурс МД-2020), проект «Культура памяти индустриальных городов российской провинции: мемориальные стратегии региональной идентичности»

Статья посвящена феномену мемориальной идентичности, под которой понимается темпоральная связь человека с местом его проживания. Темпоральная связь человека с местом может проявляться в персонализированной и социализированной формах. Персонализированная тотогу-идентичность обеспечивается личными воспоминаниями, связанными с городом (автобиографическая память). Социализированная форма связана с оценкой прошлого города через призму его исторической судьбы.

По результатам культурологического исследования были выявлены особенности идентичности жителей промышленных городов Южного Урала: 1) связь между позитивным восприятием города и тотогу-идентичности, как в ее персонализированной (содержание автобиографической памяти), так и в социализированной (содержание исторической памяти) формах; 2) презентистский характер негативного восприятия города; 3) непоследовательность.

Ключевые слова: идентичность, темпоральность, мемориальная идентичность, локальная идентичность, городская идентичность, культурная память.

² Статья подготовлена в апреле 2021 года, публикуется впервые.

Список литературы

1. Зорин, Л. Покровские ворота / Л. Зорин. – СПб.: Азбука-СПб, 2014. – 416 с. – Текст: непосредственный.
2. Нуркова, В. В. Автобиографическая память в оптике культурно-исторической и деятельностной методологии / В. В. Нуркова. – Текст : непосредственный // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2010. – Т. 7. – № 2. – С. 64–82.
3. Распутин, В. Прощание с Матерой / В. Распутин. – М.: Вече, 2021. – 560 с. – Текст: непосредственный.
4. Рубина, Д. На солнечной стороне улицы / Д. Рубина. – М.: Издательский дом Э, 2021. – 432 с. – Текст: непосредственный.
5. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс. – Текст: электронный // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2-3 (40-41). – URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (дата обращения 13.06.2021).
6. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с. – Текст: непосредственный.
7. Шуб, М. Л. Культурная память: сущностные особенности и социокультурные практики бытования: моногр. / М. Л. Шуб. – Челябинск: ЧГИК, 2018. – 303 с. – Текст: непосредственный.
8. Bell, D. A. & de-Shalit, A. The Spirit of Cities, Why the Identity of a City Matters in a Global Age / D. A. Bell, A. de-Shalit. – Princeton: PrincetonUniversityPress, 2011. – 412 p. – Текст : непосредственный.
9. Rollero, C., & De Piccoli, N. Place Attachment, Identification, and Environment Perception: An Empirical Study / C. Rollero, N. De Piccoli. – Текст : непосредственный // Journal of Environmental Psychology. – 2010. – № 30. – P. 198–205.
10. Berger, T. Place, Imaginary, Identity: Place Ethnography in Truth or Consequences / T. Berger. – New Mexico. Ph.D. Thesis, Albuquerque: The University of New Mexico, 2016. – 459 p. – Текст : непосредственный.
11. Cheshmehzangi, A. Urban Identity as a Global Phenomenon: Hybridity and Contextualization of Urban Identities in the Social Environment / A. Cheshmehzangi. – Текст : непосредственный // Journal of Human Behaviour in the Social Environmen. – 2015. – № 5. – P. 391–406.
12. Elden, S. The fate of place: a philosophical history / S. Elden. – Текст : непосредственный // Political geography. – 2003. – № 22 (3). – P. 335–337.
13. Hay, R. Sense of Place in Developmental Context / R. Hay. – Текст : непосредственный // Journal of Environmental Psychology. – 1998. – № 18. – P. 5–29.
14. Nientied, P. Hybrid Urban Identity –The Case of Rotterdam / P. Nientied. – Текст : непосредственный // Current Urban Studies. – 2018. – № 6. – P. 152–173.

Шуб Мария Львовна – доктор культурологии, доцент, заведующая кафедрой культурологии и социологии, Челябинский государственный институт культуры.
shubka_83@mail.ru

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 80

DOI: 10.47475/1999-5407-2021-10203

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МИСТИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ, ГЕОГРАФИИ
И КОСМОГРАФИИ МИХАИЛА БУЛГАКОВА (К ЮБИЛЕЮ ПИСАТЕЛЯ)*Л. Г. Александров**Челябинский государственный университет, Челябинск*

Статья содержит герменевтическое прочтение «Мастера и Маргариты» и других сочинений М. Булгакова в поиске структурно-функциональных соответствий гипотетическим прототипам и архетипам. Особое внимание автор уделяет топонимическим мистификациям Булгакова, предполагая наличие в булгаковских текстах и контекстах географической и астрономической символики, характерной для мифопоэтического пространства, в том числе «утопического». Как и ряду других исследователей, важным средневековым источником мистической символики булгаковских романов автору представляется «Божественная Комедия» Данте.

Ключевые слова: текст, структура, символика, мистика, пространство, топос, космос, дом, путь.

У каждого читателя (и исследователя) «свой» Булгаков, который уже давно стал общим достоянием русской, советской и, чего греха таить, мировой литературы. Кому-то ближе его достоверные рассказы, вместившие врачебный опыт его молодости, кто-то в восторге от научно-фантастических повестей, кого-то больше волнует его драматургия или публицистика. Но закономерно, что большинство любителей творчества Булгакова не обходят вниманием его великолепные романы – воистину эпического масштаба.

В романах Михаил Афанасьевич разноплановый и «многоликий», парадоксально совмещающий мистические и сатирические элементы, расставляющий в пространстве текста смысловые и символические параллели. Чего стоит один лишь «хитрый» структурно-композиционный принцип «романа в романе», используемый в сюжете «Мастера и Маргариты». И если присмотреться, можно заметить, что он использован не единожды – ведь и сюжет «Театрального романа» завуалированно содержит тот эпизод биографии писателя, когда он переделывал в пьесу свой роман «Белая гвардия».

Герменевтическое прочтение романов, интерпретацию булгаковских мистификаций, используют такие исследователи, как Б. Гаспаров, А. Эткинд, В. Руднев, М. Шатин, А. Семенов и др. Основным занятием в их работах становится угадывание прототипов персонажей, которым писатель, как известно, любил придумывать замысловатые фамилии. В шифрах его ономастики мы найдем аллюзии к творчеству почти всех русских классиков – от Грибоедова и Пушкина до Достоевского и Чехова.

Многие персонажи «Мастера и Маргариты» – собирательные образы, но исследователей с самого момента публикации романа не покидает искушение обнаружить и обосновать признаки присутствия в романе современников.

Так, в фигуре Мастера усматривали детали, указывающие не только на самого Булгакова, но и на М. Горького, который, периодически приезжая в конце 20-х годов из-за границы, где он «оздоравливался», совершал публичные вояжи по стране. Окончательно он вернулся в 1931 году и до самой смерти «от рук врагов-троцкистов» работал над пьесами для театра (как и Булгаков) и автобиографическим романом «Жизнь Клима

Самгина». До сих пор не вполне прояснено отношение к нему И. Сталина, который на странице горьковского сочинения «Девушка и Смерть» оставил знаменитый автограф: «Эта штука сильнее, чем Фауст Гете».

В образе Воланда в результате герменевтического прочтения угадывался приятель Булгакова, американский посол У. Буллит, который устраивал званые вечера и хотел помочь писателю уехать за границу. Это отчасти подвигло писателя составить в 1930 году открытое письмо правительству с просьбой выслать его из СССР [13]. Применительно же к национальности Воланда, который, «пожалуй, немец», уместно вспомнить историю движения эсперантистов в Советской России, многие из которых, в том числе идейный лидер Э. Дрезен, были репрессированы в 30-х годах.

Большевики-революционеры активно вступали в организованную под эгидой эсперанто Всемирную вненациональную ассоциацию (Sennacieca Asocio Tutmonda), меняли фамилии и декларировали в паспортах свою «анациональность», а в анкетах для выезда за границу в графе о партийной и национальной принадлежности иногда указывали замысловатую и пугающую аббревиатуру «SAT AN».

Внутренний ершалаимский сюжет романа, существующий в параллельном хронотопе, иногда рассматривают в русле течения секуляризованного христианства, представленного в работах Д. Штрауса, А. Дрекса, А. Немоевского и др. [5]. В русской культуре к этой традиции примыкают, например, рассказ «Иуда Искариот» Л. Андреева и фундаментальный научный труд «Христос» Н. Морозова, изданный в постреволюционной Москве.

И хотя «Жизнь Иисуса» Э. Ренана и «Прокуратор Иудеи» А. Франса, вероятно, были в библиотеке Булгакова, он не ставит перед собой сверхзадачу показать Иисуса как человека, убрав все мистическое и апокрифическое. Скорее, мы можем говорить о ремифологизации им новозаветной истории.

В поисках глубинных смыслов «инфернального ракурса» романа И. Галинская говорит о влиянии на Булгакова сочинений Г. Сковороды («Пря Бесу со Варсавою» и «Брань Архистратига Михаила со Сатаною») и Вл. Соловьева («Три разговора» с приложением «Повести об Антихристе»). Эстетическая система первого, по ее мнению, наиболее значима для трактовки образа Мастера, а духовная философия Вечной Женственности второго – для трактовки образа Маргариты [6. С. 85–89].

Более ранние источники выводят герменевтику булгаковского текста на рыцарский роман и поэзию труверов, связанную с «альбигойской» тематикой, интерес к которой в европейской литературе XIX века был очень высок. Наиболее убедительным в этом контексте выглядит толкование образа «темно-фиолетового рыцаря» Коровьева-Фагота.

В обозначении методов интерпретации булгаковской топографии и географии, как нам представляется, вовсе не обязательна привязка автора к многочисленным течениям и направлениям в культуре XX века, будь то структурализм, постмодернизм, формализм, авангардизм, критический реализм, религиозный символизм или что-либо еще – интеллектуальный уровень мастера намного превосходит все «-измы», вместе взятые. Однако некоторые необходимые понятия – текст, пространство, топос, космос, – все же должны быть минимально разъяснены.

Мы солидарны с теми исследователями, которые полагают, что мифология «Мастера и Маргариты» как будто «играет» с пространством и временем, а сам роман сложно, тонко и многослойно сконструирован, насыщая повествование элементами интертекста и гипертекста (когда московские и ершалаимские сцены «наползают» друг на друга), что позволяет наиболее полно реализовать семантические задачи воссоздания «возможных миров» [13. С. 121].

Заметим, что на подобных мистификациях изначально «продвигался» в литературе жанр классической утопии – рассказа путешественника о посещении им удивительной

страны. Но, так или иначе, к XX веку в географическом пространстве уже, в сущности, не осталось «белых пятен» и незаселенных территорий, и замечательная придумка Т. Мора стала именем нарицательным, а модусы утопического сознания значительно изменились. Произошла «поляризация» стиля описания воображаемого общества. Возникло понятие анти-утопии, и к этому разряду жанра стали относить сочинения в духе критического реализма, порой доходящего до сатирического гротеска.

От жанра утопии «отмежевываются» в разных направлениях и социальный роман, и сказка, и фэнтези, и научно-техническая фантастика. Эти процессы происходят и в мировой, и в русской советской литературе, что отразилось, например, в изданном В. Святловским в 20-х годах «Каталоге утопий».

Пространственно-временные характеристики утопии, хронотоп ее макрокосма важно учитывать, если речь идет о крупномасштабных текстах. Сопоставимы друг с другом в этом отношении универсумы текстов Платонова и Булгакова, так же, как культовые «Поминки по Финнегану» Дж. Джойса и «Доктор Фаустус» Т. Манна: «Сложно читать «Мастера и Маргариту», не располагая картой Москвы 30-х годов, или следить за одиссеями Джеймса Джойса без карты Дублина. Читатель готов поверить в ту «вторую реальность», что сотворил автор, только сам автор вдруг поворачивает в другую сторону. Для открытия верной мифопоэтической тропы в неизвестной стране всегда нужен интеллект, сведущий в географии... В одном дне пути героев происходит полное освоение пространства жизни, что не исключает многоуровневых отсылок автора к прошлому» [14].

Уже в литературе Серебряного века топография и география начали «прорываться в космос», приобретая высокое значение и звучание. Взяв за основу гоголевские описания природы, А. Блок, Ф. Сологуб, А. Белый создавали волшебное пространство пейзажа, обладающего языческой, почти колдовской силой. В 20-х годах миф о необозримых просторах России, выстуженной ветром и занесенной снегом, соединяется с мотивом революционной бури в сочинениях Б. Пильняка, Вс. Иванова, И. Бунина, перенося в текст реальное пространство жизни [12].

В «Белой гвардии» Булгакова тоже начинает развиваться мощный апокалипсический тезис о «новом небе и новой земле», ибо прежние уже миновали, и должна наступить новая эра человечества [4. С. 60]. Эта идея зримо отражена в финале фильма «Бег» Алова и Наумова, символически соотносясь с полетом всадников в «Мастере и Маргарите».

Вовсе не случайно и обращение исследователей к теории трех миров – земного, библейского и космического, – изложенной в трактате Сковороды «Потоп змиин». В романе Булгакова первый мир представлен людьми, второй – ершалаимскими персонажами, третий – Воландом и его спутниками.

Трактат представляет собой пантеистическую концепцию, где главный мир – это Вселенная, всеобъемлющий макрокосм, придающий значение человеческому микрокосму. Каждый из миров имеет две «натуры» – видимую и невидимую, – которые соотносятся между собой как знак и символ. Библейский, «символический» мир выступает как связующее звено между макрокосмом и микрокосмом, а видимые натуры обитателей двух других миров сообщают о своих тайных формах в узнаваемых «вечных образах» [6. С. 78].

Топографические и географические параллели «романа в романе» не менее интересны, чем наполнение текста «музыкальным звучанием», начиная с исполнения Воландом романса Шуберта «Приют священный», услышанного в телефонной трубке, заканчивая хором пением темы «Славное море – священный Байкал» служащими, «загипнотизированными» Коровьевым.

Не случайность наделения персонажей «музыкальными» именами – Берлиоза, Римского, Стравинского, – дополняется возможностью интерпретации символических

параллелей. В тексте обозначены два «ученика», Левий Матвей и Иван Бездомный, что позволяет провести смысловую линию к двум пассионам Баха – «Страсти по Матфею» и «Страсти по Иоанну». Их каноническое исполнение всегда начинается с пленения Иисуса, а завершается его погребением [7. С. 28–82].

Музыка имеет косвенные связи с космологией, и в этом смысле можно предположить общее знакомство эрудированного писателя с пифагорейским трактатом «Гармония мира» И. Кеплера, подобные которому были сатирически изображены в «Сказке Бочки» Дж. Свифта.

Взаимосвязи космоса и топосов текста настолько же важны для ориентирования читателя (и исследователя), как важны звезды и светила для ориентирования на местности реального путника. Мы используем для обоснования этой позиции уже довольно стойкую традицию восприятия Данте как источника вдохновения для Булгакова, присутствующую в текстологических работах В. Лакшина, А. Асояна, И. Бэлзы. Логичным также выглядит и соседство в компедиуме «Семиосферы» Ю. Лотмана статей о «Божественной Комедии» и романе «Мастер и Маргарита».

В процессе такой компаративной демистификации исследователь неизбежно переходит к поиску и выявлению не прототипов, а архетипов мифопоэтического пространства, важнейшими из которых представляются символические образы «дома» и «пути».

У Булгакова дихотомия «своего» и «чужого» пространства очевидна в разнице оценок «дома» (домашнего очага) и «анти-дома» (коммунальной квартиры). Прежде всего, он отчетливо обозначает в текстах топографические параллели Дома Турбиных в Киеве (Андреевский спуск, 13) и Дома Эльпит-Рабкоммуна в Москве (Большая Садовая, 13), где он проживал [15].

Символ домашнего очага как центра микрокосма прослеживается во всех трех романах Булгакова, в то время как в анти-домах устраиваются чудовищные фантазмагии и господствуют «инфернальные силы». Над самыми «гнилыми» помещениями вершится символический суд: Маргарита громит квартиры критиков Мастера, Коровьев и Бегемот сжигают «Грибоедов». Все пространство города предстает скоплением псевдо-домов, окна которых пылают «адским пламенем», отражаясь в глазах Воланда.

В «Белой гвардии» гибель дома происходит тогда, когда «Капитанскую дочку» сжигают в печи [3. С. 195], так же, как Мастер роман о Пилате. В «Театральном романе» у Максудова, живущего в нищенской комнате, в минуты творчества она превращается в каюту на летящем корабле и воскрешает Дом Турбиных уже в пространстве «коробочки» Учебной сцены. Воскрешающая сила театра зеркально-симметрична разрушительной картине на магическом глобусе, показанном Маргарите: в «горячей точке» планеты маленькая коробочка вырастает до размеров дома и «взлетает на воздух». Впрочем, Коровьев рассказал и про обычного гражданина, который без всякого «пятого измерения» в процессе квартирного обмена расширял свою жилплощадь [3. С. 520].

Дом для Булгакова – важнейшая семантическая конструкция, означающая гармонию, культуру и безопасность, в то время как в анти-доме бушуют хаос и смерть, а все бытовые признаки дома утрачиваются [11. С. 320].

Архетипы пути и инфернальную символику мы без труда обнаружим в эпических сочинениях Дж. Мильтона и И. В. Гете, родившихся в эпоху, «переходную» от Реформации к Просвещению. Дуалистическая мораль прозрачно выражена уже в эпитафии к булгаковскому роману: «Я – часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо».

Можно согласиться с тем, что «фаустовский дух» вселился и в образ Мастера, смело соревнующегося с Творцом, но так или иначе «обреченного» на сделку с дьяволом, который неожиданно демонстрирует великодушие и справедливость [13]. Однако это не исключает длительного и широкого влияния Данте – и на архитектуру «Мертвых душ» Гоголя, столь любимого Булгаковым [1], и на мистическую поэтику Серебряного века –

Вл. Соловьева, В. Брюсова, А. Белого, В. Иванова. Впрочем, критически настроенный А. Блок замечал по поводу дантовской поэмы последнего «Миры возможного»: «ему свойственно миражами сверх-искусства мешать искусству» [2. С. 187].

Есть одна «естественная» методологическая проблема сопоставления стихотворного и прозаического текста. Не мешает ли она герменевтическому прочтению мистической топологии булгаковского романа? Полагаем, что нет, тем более что в XX веке уже «ходили» многочисленные прозаические переводы, переложения и подражания «Божественной Комедии».

Структурно-композиционные особенности Комедии Данте, ее геометрия и топография начали толковать уже гуманисты Ренессанса, и комментарии не прекращаются по сей день. Текст подчинен строгой ритмике, его объем в 100 песней был задан автором, а содержание насыщалось энциклопедическими знаниями средневековья в области географии, биологии, морской навигации, астрономии и теологии, взятыми в совмещенном, синтетическом виде.

Роман Булгакова состоит из 33 глав, включая эпилог, – ровно столько песней содержит и каждая из трех канттик Комедии, завершаясь строкой о «Любви, что движет Солнце и светила». Если же разверстать стихотворные терцины Данте в сплошной текст, объем страниц станет примерно на треть меньше – в этом случае и булгаковского текста «хватит» на три канттики.

Но «Мастер и Маргарита», в отличие от «Белой гвардии», разделен не жестко математически, и не на три, а на две части, соответственно, из 18 и 15 глав, связанные призывом «за мной, читатель!». В первой, собственно, заявлена «тема Мастера», во второй – «тема Маргариты». Но мы не забываем, что есть и тема Пилата из «внутреннего романа», состоящего из 4 глав, вставленных в каждую из двух частей, в первую – через рассказ Воланда и сон Ивана, во вторую – непосредственно из рукописи Мастера.

Теории «трех миров» очевидно противоречит изложенная в романе концепция «двух ведомств» (тьмы и света). В романе Воланд воплощает дух возмездия, Маргарита а становится символом милосердия, и встречаются оба «ведомства» для выяснения отношений в конце романа на крыше Пашкова дома, когда появляется Левий Матвей [4. С. 70].

Первая часть романа Булгакова изобилует ничтожными персонажами и инфернальной терминологией – в конце второй части преобладают уже романтические, идеалистические герои. Мотив обличения значим для всех канттик Данте, включая Рай, где обитают «очищенные» души. Тема возмездия за грехи главная и для романа Булгакова.

Известно, что Данте составлял текст Комедии не последовательно, а «вразброс». С учетом этого, наверное, исследователь вправе мысленно изъять главы романа о Пилате из общего текста и сделать их «приложением» или третьей частью, тем более, что дважды в конце романа персонажи из ершалаимского сюжета появляются и в XX веке – Левий Матвей в 29 главе и Понтий Пилат в 32 главе. Но в любом случае третья часть получится непропорционально малой, по отношению к первым двум, а у Данте количество терцин в канттиках одинаково. Впрочем, Христос является в Комедии также очень редко – лишь в Чистилище в облике Грифона и в финальном описании Эмпирея, где его имя ни с чем не рифмуется, кроме самого себя.

В содержательном же плане мы вполне можем рассматривать пространство булгаковского романа через призму топографии дантова пути.

Воображаемое путешествие героя по трем «мирам» – видение или сновидение – ориентировано в пространстве и времени. Оно произошло за три дня, весной 1300 года, когда церковь отмечала очередной «юбилей». Возможно и календарно-астрономическое определение даты московских событий булгаковского романа, по аналогии с ершалаимскими событиями, – финал может быть отнесен к дню Пасхи – 5 мая 1929 года [15].

Герой Комедии движется с остановками во всех трех канттиках, стремясь к созерцанию мистической Розы – сонма блаженных вокруг Христа. Комментаторы не раз обнаруживали «параллельные описания» кругов Ада, уступов горы Чистилища и космических сфер Рая. Известно, что в процессе работы над романом Булгаков изучал «Мнимости в геометрии» П. Флоренского, делая пометки там, где ведутся рассуждения об Эмпирее Данте.

В Лимб, описанный в 4 песни Ада, Данте помещает мудрецов и героев, живших в дохристианскую эпоху. Там путник встречает своего будущего проводника Вергилия. Предполагают, что это и есть тот «вечный дом», который обещан «трижды романтическому» Мастеру. Но Вергилий сопровождает Данте большую половину пути, вплоть до последних уступов горы Чистилища, и мы попробуем проследить закономерности этого пути, соотнося его с линиями развития булгаковского текста.

Путь начинается от окрестностей Иерусалима и идет по сужающейся спиралевидной воронке через широкое подземное пространство, захватывающее территорию Римской империи рубежа первых веков до нашей эры. Движение идет вглубь земли по направлению к южному полушарию, и в разговорах путешественников выясняется, что моральные и политические взгляды Данте-автора сильно расходятся – как с гражданскими законами средневекового общества, так и с доктринами католической церкви.

Московский сюжет начинается со встречи поэта Ивана Бездомного и критика Берлиоза со странной кампанией, заинтересовавшей их разговорами об Иисусе. Затем, после гибели Берлиоза, ошарашенному поэту предстоит сложный и замысловатый спуск к Москва-реке, а позже он является в Грибоедов, где ужинающие литераторы уже пустились в дикий пляс под джазовый оркестр, в жутковатой, почти «адской» атмосфере [3. С. 327].

В клинике, куда литераторы отправляют поэта, у него происходит «раздвоение личности». В это же время всю первую треть романа «плохая кампания» вскрывает разнообразные грехи москвичей, завершая все «сеансом черной магии с ее разоблачением». Лишь один раз автор отчетливо обозначает географическое движение в южном направлении – когда Степа Лиходеев «гипнозом Воланда» отправлен в Ялту.

Называя поэму «комедией», Данте имел в виду не известный жанр античной драматургии, а важную текстовую функцию со-media, т. е. быть срединным местом, средоточием, связующим звеном верха и низа.

Чистилище в тексте Данте – это остров, возникший на другой стороне Земли после низвержения Люцифера в преисподнюю (сам Сатана извивается червем, застрявши в глыбе льда где-то около центра Земли). По своей атрибутике оно соответствует библейским описаниям Эдема. Там есть Священная гора с семью террасами, на которых ангелы стирают со лба путников латинские буквы (символы грехов), а на горе возвышается Древо жизни, возле которого некогда произошла история Адама и Евы.

Вергилий и Данте ведут философские беседы с обитателями этой территории, не допущенными к вратам Эдема (в средневековье обитателей южного полушария считали «антиподами»). Но потом Вергилий оставляет героя за «стеной времени», в отличие от римского поэта Стация, дошедшего до вершины горы. Данте же на вершине преображается, совершая омовение в водах Леты и Евной, немного напоминающие ему Тигр и Евфрат. Здесь он обретает и новую проводницу – ангельскую Беатриче.

Топография земного Рая, места грехопадения человечества, – «зеркальное» отражение топографии Иудеи, где на Лысой горе состоялось искупление людских грехов. Точка, противоположная Иерусалиму, располагается в тихоокеанском архипелаге Тубуаи, но средневековая география до открытия Америки была «сжатой», «съезжившейся», как глобус Воланда, поэтому Данте относит место действия к южной оконечности Африканского континента.

Это подтверждается топографически – при отлете к экватору путник видит корабль Улисса, плывущий к месту крушения – по школьному «латинскому Гомеру», Одиссей совершал кругосветное путешествие [11. С. 309].

Какие же аналогии мы можем провести с «Мастером и Маргаритой», кроме возвышенной любви Данте к Беатриче [10]? Есть и еще одно сходство: в 20 песни Чистилища единственный раз упоминается имя младшего современника Вергилия, Понтия Пилата. Жестоким «новейшим Пилатом» назван «вторгшийся в храм» король Филипп, не раз осуждаемый в тексте.

Срединные главы булгаковского романа начинаются с появления героя и заканчиваются извлечением Мастера из клиники после «сатанинского бала», а главным действующим лицом становится Маргарита, изменившаяся, благодаря крему Азазелло. И она, и Беатриче наделены способностью летать, но природа этой способности у героинь разная. Сатирический тон повествования у Булгакова все чаще меняется на патетический, а в диалогах персонажей появляется склонность к философствованию и нравоучению.

В «золотом сечении» Комедии Данте посещает особое «видение в сновидении» – мистическая процессия с участием Грифона и большого числа других персонажей, в том числе семи пляшущих женщин в трехцветных одеждах. Завершается шествие фантазмагорической картиной трансформации «дивной повозки», привязанной к Древу жизни – так поэт аллегорически изображает средневековую христианскую историю с непростыми отношениями между Империей и Церковью.

Рыцарские походы для Данте еще «дышали» живой современностью. Ему была в чем-то близка оппозиционная идеология средневековых дуалистов – альбигойцев и катаров, «пародировавших» священные обряды. Поэтому он и осуждает в Комедии не еретиков, а «сговор» их врагов, изобразив короля Филиппа IV и папу Климента V в виде гиганта и блудницы.

Дьявольский образ Дракона, неожиданно появляющегося из-под земли и утаскивающего «оперенную колесницу» церкви в преисподнюю, завершает мистическую сцену. А Беатриче предрекает приход вождя (DVX), который накажет воровку и гиганта, за «сосуд, порушенный змеей». В каком-то смысле предсказание сбылось – оба инициатора «дела тамплиеров» погибли в 1314 году, когда завершилось судилище над орденом.

В тексте употребляется символика волшебной чаши, в которой «кровь Христа непостижимым образом превращается в чернила Мерлина» [8. С. 209]. Легенда о Граале в средневековье была наделена тайным космологическим смыслом. Ее принес в Европу из арабских стран манихей Присциллиан, большой знаток астрономии, в которой «небо и земля сливаются между собой».

Ее передавали из поколения в поколение секты богомилов, катаров и альбигойцев, она же заложена в основу «книг Христа», почитаемых русскими духоборами и известных в монастырях, издревле строившихся как земное подобие Горнего Иерусалима.

Тремя значимыми символами в легенде были чаша (нижняя полусфера), камень (центр, средоточие мира) и голубь (верхняя полусфера), который опускается на землю в ночь на страстную пятницу. В Голубиной и Животной книгах мир возникает из «частей тела» Христа, а образ Софии занимает место Святого Духа. Волшебный камень имеет три цвета, а его храмы («каморы») ориентированы по сторонам света: зеленый располагается на востоке, светлый – на западе, красный – «где пуп земли». Положение «мировой оси» табуировано – центром мира может считаться как Иерусалим, так и остров со Священной горой [9].

Булгаков в середине текста также дает некоторые географические ориентиры. Так, например, Римский, спасенный петухом от демонических сил, уезжает на запад, в Ленинград; Поплавский, претендующий на берлиозову квартиру, возвращается на

юг, в Киев; Маргарита совершает «пробный полет» на восток, судя по упоминанию «незадачливым толстяком» Енисея.

Особый смысл на балу у Воланда придается синему платку Фриды (ее имя может переводиться как «пятница»), подобно тому, как у Данте вне мистической процессии существует загадочный персонаж Мательда – единственная, кто назван по имени. Знаковым же атрибутом бала становится чаша, в которую превращается похищенная голова Берлиоза.

Понимая, что Мастеру и Маргарите не дано попасть в Рай, Булгаков, возможно, намекал, что они обретут покой в саду Эдема. В полете над Землей изменившие облик спутники Воланда приземляются на плоской вершине, где томится Понтий Пилат с его верным псом. Для его освобождения нужно лишь произнести Слово – тот Логос, прославлению которого посвящен пролог Евангелия от Иоанна, чтимого тамплиерами [4. С. 80].

В канттике «Рай» Данте и Беатриче совершают совместный полет до Эмпирея через сферы семи планет, звезд и Перводвигателя, при этом герой мистически ощущает знак Близнецов, «вбирающий» его (то есть Данте под этим созвездием родился). Последняя треть пути происходит в атмосфере понятий средневековой астрологии, утверждавшей, что на планетах обитают души известных личностей, прославившихся в разных областях.

Если в лунных пятнах богословы «угадывали» мятущуюся фигуру Каина, то на Солнце обитают два многочисленных «хоровода» мудрецов (францисканских и доминиканских схоластов), вращающиеся в разных направлениях. Эта тема «обыгрывается» позже в «Потерянном Рае» Мильтона, когда он описывает карабкающихся к райским кущам монахов, которых могучий небесный вихрь «сдувает» с «небесной лестницы».

Признаки числовой и астральной мистики мы найдем и в «аппендиксе» булгаковского «закатного» романа, где освобожденный Маргаритой прокуратор уходит по лунному лучу с отвесной скалы в небо, а Иван и ряд других персонажей (в эпилоге) тоскуют в полнолуние.

Можно мысленно возвратиться к началу романа, где говорится о том, что целью приезда Воланда было изучение рукописи чернокнижника Герберта Аврилакского, обнаруженной в Москве. Черный маг составляет астрономически точный «гороскоп» для Берлиоза, да и другие inferнальные персонажи из московского сюжета «балуются» предсказаниями. Пилат же в ершалаимском сюжете, сообразно неопознанным античным источникам, представляется автором как «сын короля-звездочета и красавицы Пилы».

«Четверичная» календарная символика заключена у Данте в образе Грифона. В «неразлучной парочке» Коровьев – Бегемот, больше всех «нашалившей» в Москве, Булгаков мог «зашифровать» и свои западно-восточные календарные знаки – он родился под звездой Тельца в год Кота.

Возможны разные толкования финальной картины полета шести всадников, стартующих с Воробьевых гор в «космическое пространство», где «в конечной точке пути Мастер, Маргарита, Понтий Пилат воочию узрели кромку грядущего Апокалипсиса, и седьмая печать легла на их души» [14].

Здесь уместно обращение к «Откровению в грозе и буре» астронома Н.Морозова, который в образном строе «последней книги» Библии доказал «парад планет», наблюдавшийся Иоанном Богословом над островом Патмос.

Движение от ада к раю мы вправе рассматривать как важнейший архетип мифопоэтического пространства Комедии, которую сам Данте предлагал прочесть четырьмя способами – буквальным, аллегорическим, аналогическим и моральным. К различиям вполне располагал мистический символизм его масштабного текста, и они продолжают понине.

Пройдя, как и Данте, «земную жизнь до половины», Булгаков начинает работу над своим эпохальным сочинением – но какова эпоха, таким и получился эпос, извините за каламбур. В XIX веке для русской литературы им была эпопея «Война и мир» Толстого,

в ранней советской литературе эпическое начало полноценно присутствует в чудесном романе Булгакова.

Список литературы

1. Александров, Л. Г. Этапы дантова пути в пространстве «Мертвых душ» Н. В. Гоголя / Л. Г. Александров. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. – Сер. 2. Филология. Искусствоведение. – 2010. – № 4. – С. 14–21.
2. Асоян, А. А. «Почтите высочайшего поэта...». Судьба «Божественной Комедии» Данте в России / А. А. Асоян. – М.: Книга, 1990. – 214 с. – Текст : непосредственный.
3. Булгаков, М. Белая гвардия. Мастер и Маргарита : романы / предисл. В. И. Сахарова. – Минск: Мастацкая літаратура, 1988. – 670 с. – Текст : непосредственный.
4. Бэлза, И. Ф. Дантовская концепция «Мастера и Маргариты» / И. Ф. Бэлза. – Текст : непосредственный // Дантовские чтения. – М.: Наука, 1989. – С. 58–90.
5. В ночь на 14 нисана: Иисус Христос. Иуда Искарот. Понтий Пилат / сост. В. А. Блинов. – Екатеринбург: Средне-Уральское книжное изд-во; Ассоциация уральских издателей, 1991. – 560 с. – Текст : непосредственный.
6. Галинская, И. Л. Загадки известных книг / И. Л. Галинская. – М.: Наука, 1986. – 128 с. – Текст : непосредственный.
7. Гаспаров, Б. М. Литературные лейтмотивы : очерки по русской литературе XX века / Б. М. Гаспаров. – М.: Наука; Восточная литература, 1993. – 304 с. – Текст : непосредственный.
8. Евзлин, М. Космогония и ритуал / М. Евзлин; предисл. В. Н. Топорова. – М.: Радикс, 1993. – 344 с. – Текст : непосредственный.
9. Лазарев, Е. Извечные тайны бытия / Е. Лазарев. – Текст : непосредственный // Наука и религия. – 1988. – № 7. – С. 46–49.
10. Лакшин, В. Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита» / В. Лакшин. – Текст : непосредственный // Новый мир. – 1968. – № 6. – С. 284–311.
11. Лотман, Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров : статьи, исследования, заметки / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство, 2000. – 1088 с. – Текст : непосредственный.
12. Нива, Ж. Возвращение в Европу : статьи о русской литературе. – Текст : электронный / пер. с франц. Е. Э. Ляминой. – URL: <http://nivat.free.fr/livres/retour/> (дата обращения: 21.01.2021).
13. Руднев, В. П. Словарь культуры XX века : ключевые понятия и тексты / В. П. Руднев. – М.: Аграф, 1997. – 384 с. – Текст : непосредственный.
14. Семенов, А. И. Мифопоэтическое пространство в литературе XX века. – Текст : электронный / А. И. Семенов. – URL: <http://www.tolkien.spb.ru/mifop.htm> (дата обращения: 21.01.2021).
15. Шатин, М. Полнолуние на Большой Садовой / М. Шатин. – Текст : непосредственный // Наука и религия. – 1989. – № 11. – С. 64–65.

**A FEW WORDS ABOUT THE MYSTICAL TOPOGRAPHY, GEOGRAPHY
AND COSMOGRAPHY OF MIKHAIL BULGAKOV
(FOR THE ANNIVERSARY OF THE WRITER)**

L. G. Alexanderov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, leonalex42@mail.ru

The article contains a hermeneutical reading of the “Master and Margarita” and other works of M. Bulgakov in the search for structural and functional correspondences to hypothetical prototypes and archetypes. The author pays special attention to Bulgakov’s toponymic hoaxes, suggesting the presence in Bulgakov’s texts and contexts of geographical and astronomical symbols characteristic of the mythopoetic space, including the utopian one. Like a number of other researchers, the author considers Dante’s “Divine Comedy” to be an important medieval source of mystical symbolism of Bulgakov’s novels.

Key words: text, structure, symbolism, mysticism, space, place, house, path.

References

1. Aleksandrov, L. G. (2010). Etapyi dantova puti v prostranstve “Mertvyih dush” N. V. Gogolya [Stages of the Dante path in the space of “Dead Souls” by N. V. Gogol]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2. Filologiya. Iskusstvovedenie* [Bulletin of the Chelyabinsk State University. Ser. 2. Philology. Art criticism], 4, pp. 14–21 (in Russ.).
2. Asoyan, A. A. (1990). “Pochtite vyisochayshego poeta...”. *Sudba “Bozhestvennoy Komedii” Dante v Rossii* [“Honor the highest poet ...”. The fate of Dante’s Divine Comedy in Russia]. M., Kniga, 214 p. (in Russ.).
3. Bulgakov, M. (1988). *Belaya gvardiya. Master i Margarita : romanyi* [The Master and Margarita: Novels]. Minsk, Mastatskaya literatura, 670 p. (in Russ.).
4. Belza, I. F. (1989). Dantovskaya kontseptsiya “Mastera i Margarityi” [Dante’s concept of the “Master and Margarita”]. *Dantovskie chteniya* [Dante readings]. M., Nauka, pp. 58–90 (in Russ.).
5. *V noch na 14 nisana: Iisus Hristos. Iuda Iskariot. Pontiy Pilat* (1991) [On the night of Nisan 14: Jesus Christ. Judas Iscariot. Pontius Pilate]. Ekaterinburg, Sredne-Uralskoe knizhnoe izd-vo; Assotsiatsiya uralskih izdateley, 560 p. (in Russ.).
6. Galinskaya, I. L. (1986). *Zagadki izvestnykh knig* [Riddles of famous books]. M., Nauka, 128 p. (in Russ.).
7. Gasparov, B. M. (1993). *Literaturnyye leytmotivy : ocherki po russkoy literature XX veka* [Literary leitmotifs: essays on Russian literature of the XX century]. M., Nauka; Vostochnaya literatura, 304 p. (in Russ.).
8. Evzlin, M. (1993). *Kosmogoniya i ritual* [Cosmogony and ritual]. M., Radiks, 344 p. (in Russ.).
9. Lazarev, E. (1988). Izvechnyye tayny byitiya [Eternal secrets of life]. *Nauka i religiya* [Science and religion], 7, pp. 46–49 (in Russ.).
10. Lakshin, V. (1968). Roman M. Bulgakova “Master i Margarita” [Roman M. Bulgakova “Master and Margarita”]. *Novyy mir* [New world], 6, pp. 284–311 (in Russ.).
11. Lotman, Yu. M. (2000). *Semiosfera. Kultura i vzryiv. Vnutri myislyaschih mirov : stati, issledovaniya, zametki* [Semiosphere. Culture and explosion. Inside thinking worlds: articles, research, notes]. SPb., Iskusstvo, 1088 p. (in Russ.).
12. Niva, Zh. *Vozvraschenie v Evropu : stati o russkoy literature* [Return to Europe: Articles on Russian Literature], available at: <http://nivat.free.fr/livres/retour/>, accessed 21.01.2021 (in Russ.).

13. Rudnev, V. P. (1997). *Slovar kulturyi XX veka : klyuchevyye ponyatiya i teksty* [Dictionary of culture of the twentieth century: key concepts and texts]. M., Agraf, 384 p. (in Russ.).
14. Semenov, A. I. *Mifopoeticheskoe prostranstvo v literature XX veka* [Mythopoetic space in the literature of the XX century], available at: <http://www.tolkien.spb.ru/mifop.htm>, accessed 21.01.2021 (in Russ.).
15. Shatin, M. (1989). Polnolunie na Bolshoy Sadovoy [Full Moon on Bolshaya Sadovaya]. *Nauka i religiya* [Science and religion], 11, pp. 64–65 (in Russ.).

Александров Леонид Геннадьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций, Челябинский государственный университет.
leonalex42@mail.ru

УДК 81+316.472.4

DOI: 10.47475/1999-5407-2021-10204

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОКРАЩЕНИЙ В ВИРТУАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ ТВИТТЕР)

Н. Г. Асмус, Н. Д. Поletaева

Челябинский государственный университет, Челябинск

В данной статье рассматриваются особенности образования и функционирования сокращений в виртуальном дискурсе. Уделяется внимание графическому типу сокращений, выделяются основные функции графических сокращений, причины их создания и основные типы этих сокращений. В результате исследования было выявлено, что в сети Интернет чаще всего используются сиглы отдельных слов и словосочетаний, которые различаются по цели высказывания, могут выступать в качестве различных членов предложения и выполнять разнообразные функции в сообщении.

Ключевые слова: виртуальный дискурс, аббревиатура, аббревиация, графические и лексические сокращения, сокращение, сигль, контрактура, суспенсия.

Объект нашего исследования – сокращения в англоязычном виртуальном дискурсе. В качестве предмета исследования выступают структурные, семантические, функциональные и прагматические особенности сокращений в современном русскоязычном виртуальном дискурсе. Цель исследования – провести анализ структурных, семантических, функциональных и прагматических особенностей употребляемых сокращений в контексте русскоязычного виртуального общения. Материалом для исследования послужили 500 постов пользователей сервиса Твиттер. В нашей работе мы применяли такие методы исследования, как синтез, описание, сопоставление, обобщение, а также компонентный анализ, семантический анализ и контекстуальный анализ для выявления особенностей функционирования русскоязычных сокращений в виртуальном дискурсе.

Во второй половине XX века словообразование получило бурное развитие как самостоятельный раздел науки о языке. Ученые, исследовавшие данную область (Е. С. Кубрякова, Н. М. Шанский и др.), определяют словообразование как «науку, занимающуюся изучением образования и строения производных слов» [13. С. 23]. Говоря об этой проблеме, часто упоминают два объекта изучения словообразования – структура производных слов и словообразовательный процесс (В. В. Виноградов, Е. С. Кубрякова и др.). Так, словообразование занимается как вопросами словопроизводства, так и изучением результатов процесса образования слов.

Г. О. Винокур сформулировал следующую мысль: слова можно разделить на две категории – производящие и производные. Так, «производящие слова представляют собой немотивированные обозначения окружающего мира, тогда как производные слова имеют мотивированное обозначение явлений и предметов реальной действительности» [4. С. 59]. Значение слова с мотивированной основой определяется через значение мотивирующей основы.

Еще одним ученым, сделавшим чрезвычайно важный вклад в развитие словообразования как отдельной дисциплины, стал В. В. Виноградов. Он поднял вопрос о месте словообразования в системе наук о языке и выявил его связь с морфологией и лексикологией [3. С. 15]. В его трудах были описаны такие важные проблемы, как продуктивность типов словообразования, особенности словообразования различных частей речи, семантические изменения слов в процессе словообразования и др.

Современное словообразование поддерживает идею важности изучения плана содержания и плана выражения и исследования формально-смысловых отношений между производящими и производными словами и основами. Однако эти отношения довольно сложны и многообразны. Словообразование, таким образом, представляет собой как лингвистический процесс, так и его результат.

На современном этапе развития общества и языка одним из самых распространенных словообразовательных процессов является аббревиация – «способ создания номинаций для тех понятий и реалий, которые были первоначально обозначены описательно, с помощью атрибутивных словосочетаний» [1. С. 204]. Аббревиация заключается в обеспечении передачи максимально возможного количества информации при минимальном использовании материальной оболочки языка, то есть в повышении эффективности коммуникативной функции языка. В основе аббревиации лежит принцип экономии речевых усилий.

А. Мартине в своём труде «Основы общей лингвистики» замечает: «Постоянное противоречие между потребностями общения человека и его стремлением свести к минимуму свои умственные и физические усилия может рассматриваться в качестве движущей силы языковых изменений», утверждая, что экономия усилий есть движущая сила эволюции языка. Также он упоминает «свойственную человеку инертность, которая влечет за собой употребление человеком ограниченного количества лексических единиц» [10. С. 29].

Б.А. Серебренников пишет, что «сокращение – это своеобразная реакция против чрезмерной затраты физиологических усилий, против всякого рода неудобств, усложняющих работу памяти» [12. С. 4]. Явление различного рода сокращений, ведущих к упрощению формальной структуры языковых единиц, часто связывают с тенденцией к экономии языковых средств, умственных усилий и совершенствованию языковой формы.

Языковая экономия определяется как рациональный способ выражения, значимый для каждого языкового уровня. А. Мартине в работе «Принцип экономии в языке» описал его как «стремление достичь равновесия между противоречивыми потребностями, подлежащими удовлетворению, с одной стороны – потребностями общения, с другой – инерцией памяти и инерцией органов речи, все же привязанными к фонетическим явлениям» [10. С. 23]. В рамках этого принципа можно сделать вывод, что графические средства сокращения в интернет-коммуникации незаменимы, т. к. именно они помогают кратко передать информацию и создать необходимый эмоциональный фон.

В современном мире общение в Интернете стало неотъемлемой частью жизни человека, а значит и новой сферой научного познания. В дисциплинах, изучающих общение в Интернете, под интернет-коммуникацией понимается «особая коммуникативно-информационная среда или коммуникативное пространство, опосредованное электронным коммуникативным каналом» [8. С. 257]. Эта среда характеризуется следующими отличительными чертами: виртуальностью, интерактивностью, гипертекстуальностью, глобальностью, креативностью, мозаичностью и анонимностью [6. С. 56]. Некоторые лингвисты добавляют к свойствам этой среды такие характеристики, как отсутствие невербальных элементов общения, размывание социальных норм и ограничений, создание новых социальных и языковых идентичностей. В силу того, что виртуальная среда подвержена автоматизации и отличается возможностью использования технологий без данных, постепенно происходит разрушение устоявшихся социальных норм и ограничений, появление новых социальных и языковых идентичностей. Но эта новая реальность не лишена и противоречий, которые влияют на формирование виртуальной личности. Полная анонимность, которая позволяет пользователю надеть маску и попробовать себя в иной роли, выбрать новое амплуа или создать образ, будоражащий воображение, граничит с публичностью социальных сетей, где авторы выставляют напоказ

подробности личной жизни, фото или откровенные размышления на разные темы, или самораскрытием личности в блоге или на личной страничке, являющимися определенным хронотопом того, что где-то, когда-то и почему-то данная личность совершила. Ряд исследователей компьютерного общения выдвигают весьма обоснованный тезис о том, что манипулятивность, анонимность и отсутствие четких границ между реальным и виртуальным приводят к постепенному пересмотру его возможностей и пределов. Это выражается в том, что коммуникация может осуществляться как «единовременно, когда доступ к сообщениям имеют только отправитель и ограниченное количество коммуникантов (в качестве примера можно привести электронную или голосовую почту, SMS сообщения и др.), так и в разное время (в форуме или в некоторых типах блогов)» [7. С. 43].

Попадая в новое коммуникативное пространство, язык приобретает определенные черты и дополнительные функции. В виртуальной среде коммуникация осуществляется не только средствами естественного языка, то есть вербально, но и при помощи аудиовизуальных средств. Невербальная информация передается посредством смайликов, графических способов (например, капитализация слов или даже целых предложений может выражать актуализацию определенных мыслей или «крик души» собеседника; редупликация букв в слове свидетельствует о демонстрации определенных чувств или настроения пользователя; отсутствие знаков препинания служит для привлечения внимания или сообщения о каком-то незначительном моменте из жизни как о невероятном событии), фото, видеороликов. Появление аудиовизуального текста, когда блогер снимает видео о своей жизни, увлечениях, комментируя при этом свои действия, эмоции, переживания, способствует расширению привычных границ текста. Наличие обратной связи и комментарии коммуникантов делают текст многомерным, политематичным, глубоким и неконечным континуумом.

Одним из самых популярных сервисов для общения в Интернете является платформа микроблога Твиттер. Он обладает рядом характерных особенностей: направленность на адресата, возможность мгновенного реагирования на медиасообщение, свобода изложения мысли [5. С. 121]. Твиттер как социальная сеть обладает определенными параметрами и техническими характеристиками виртуального пространства, но в то же время задает свои правила речевого поведения, необходимые для общения в данном сервисе. Основной характеристикой микроблога является синхронность, позволяющая собеседникам быть на связи 24/7 и мгновенно реагировать на отправленное сообщение. Такая оперативность получения и распространения информации обуславливает использование компрессии в качестве ключевого принципа организации пользовательского контента в Твиттере. Особая манера общения приводит к «смещению границ диалектных явлений, нарушению нормативно-стилистического уклада языка, позволяет употребление новых языковых средств коммуникации или трансформирует уже используемые: так, например, сленговые выражения, созданные пользователями Интернета, переходят в общеупотребительную лексику» [Там же. С. 124].

Языковую компрессию можно назвать одним из ведущих принципов организации текста в интернет-пространстве. Так, чтобы создать запись на сервисе «Твиттер», пользователь должен уместить свою мысль в 280 символов, что удается далеко не всегда. Таким компактным способом передачи информации является так называемое «фонетическое письмо», в основе которого лежит отождествление графического написания слов с их звучанием.

«Лингвистический энциклопедический словарь» предлагает следующее определение: «аббревиатура (итал. *abbreviatura*, от лат. *abbrevio* — сокращаю) — существительное, состоящее из усечённых слов, входящих в исходное словосочетание, или из усечённых компонентов исходного сложного слова» [10. С. 10]

В целом, процесс образования сокращений можно определить как замену какого-либо языкового выражения (слова, словосочетания) в устной или письменной речи более короткой единицей на базе материала первого выражения и с сохранением общего смыслового содержания. Аббревиация с точки зрения теории словообразования неоднозначно трактуется многими лингвистами. Не до конца решенным остается вопрос о том, насколько верно считать сокращение одним из способов словообразования. Для обозначения процесса создания новых словарных единиц с использованием приема сокращения часто применяют термин «словотворчество» (word-manufacturing). Как справедливо отмечает Д. И. Алексеев, «аббревиатурный способ словообразования – самый субъективный, самый искусственный среди всех способов, известных языку» [1. С. 5].

По нормам языка значение сокращения полностью совпадает со значением несокращенной формы. Однако это утверждение может быть применено только к части сокращений. Большая часть сокращенных единиц образуется и функционирует по особым правилам. Например, в зависимости от того, как написана аббревиатура или сокращение, может меняться ее значение. Очень часто значения аббревиатур и сокращений и их полных форм не совпадают, хотя графически они отличаются только тем, что написаны заглавными или строчными буквами. В некоторых случаях такая путаница приводит к непониманию или серьезным смысловым ошибкам. Существуют определенные закономерности, по которым аббревиатуры могут претерпевать различные сдвиги по сравнению со значением полных форм. Например, если полная форма обозначает какой-либо процесс, аббревиатура может приобретать значение прибора, устройства, в котором используется данный процесс. Важно отметить, что «многие сокращенные единицы являются единственным реальным выражением того или иного понятия. Полная (развернутая) форма в этих случаях не является исходной, и даже наоборот, она сама подбирается в соответствии со структурой сокращения» [11. С. 3].

Вслед за С. О. Бариновой, мы выделяем графические и лексические сокращенные единицы. «Графическое сокращение существует и употребляется только в письменной речи, в то время как лексическое, обладая внешне выраженным значением, является устоявшейся языковой единицей и может употребляться как в письменной, так и в устной речи» [2. С. 7]. Принимая во внимание особенности виртуальной коммуникации, мы выяснили, что графические сокращения преобладают над лексическими. 90% исследуемых нами примеров содержали в себе графические сокращения. Мы выделили 4 подтипа графических сокращений: сиглы, суспенсии, контрактуры, фоноидеогаммы. Среди лексических сокращений мы выделяем 3 типа: слоговые, сложнослоговые и инициальные единицы. Рассмотрим, как функционируют сокращения в виртуальной коммуникации на конкретных примерах.

@ringing_hakanai: «**лол** твит перед сном разлетелся и породил новые идеи природа удивительна»

@tvoymatharli: «**рофл** слишком затянулся, **имхо**»

В данных примерах мы видим заимствование сокращений из английского языка: «лол» – «lol» – «laughing out loud» (рус. аналог – «ржу ни магу»), «рофл» – «rofl» – «rolling on the floor laughing» («катаюсь по полу от смеха»), «имхо» – «imho» – «in my humble opinion» («по моему скромному мнению»). Эти сокращения по своей структуре являются сиглами словосочетаний – одним из самых употребляемых типов сокращений в Твиттере. Сигль – это инициальное графическое сокращение, которое складывается из первых букв слов словосочетания. Сокращение «лол» стоит в начале предложения и представляет собой вводную конструкцию. В данном контексте она принимает на себя значение личного отношения коммуниканта к ситуации – автор удивляется тому, что его запись стала популярной за короткое время, но в то же время, ему приятно это

осознавать. Во втором случае сокращение «рофл», обычно обозначающее реакцию пользователя на что-либо, превратилось в полноценное имя существительное и приобрело соответствующие признаки этой части речи: род, число, падеж, склонение. То есть, данный сигль стал словом с собственным коннотативным значением – приевшаяся шутка, издевка. Сокращение «имхо» стоит в конце предложения и является вводной конструкцией, как и «лол». Таким образом, место сокращений, функционирующих как вводные конструкции, в предложении не имеет значения, ведь роль остается той же.

@_mrmr_z_: «я же **крч** не ем фастфуд, ща зашел брат и такой, сгоняй в **мак**, **спс** просто, **спс**»

В данном примере «спс» – «спасибо» и «крч» – «короче» – контрактуры – консонантные графические сокращения, полученные из согласных букв слов. Пользователь использует слово «крч» в попытке быстро и емко рассказать о том, что его волнует. Это сокращение выполняет эмоционально-экспрессивную функцию. «Спс» заменяет частицу «спасибо» и тоже помогает коммуниканту выразить свои эмоции, в данном случае – раздражение и недовольство, даже некоторую иронию. Сокращение «мак» от «Макдоналдс» – лексическое слоговое сокращение. В этом предложении оно выступает в роли обстоятельства места и выполняет номинативную функцию, называя известный ресторан быстрого питания.

В процессе исследования было выявлено, что в русскоязычном сегменте Твиттера пользователи почти не используют такой вид графических сокращений, как фоноидеограммы. Такая ситуация может быть связана с тем фактом, что в русском языке очень мало слов, части которых созвучны с произношением цифр и символов.

Тематика используемых в Твиттере сокращений различается. Пользователи используют эту социальную сеть по разным причинам: кто-то хочет рассказать о прошедшем дне, кто-то – найти новых друзей или тех, кто интересуется похожими играми, музыкой и др. Очень легко найти коммуниканта, который состоит в том или ином фандоме – сообществе, включающем в себя поклонников того или иного литературного произведения, музыкальной группы или кинофильма.

@baldejijij: «фандом **мгчд** когда поняли, что прибудет **англофд**»

Первое сокращение – «мгчд» – в данном примере расшифровывается как «Майор Гром: Чумной Доктор» – название недавно вышедшего фильма и серии комиксов, по которому он был снят. Это графический сигль, он находится в середине предложения и играет роль дополнения, так как характеризует слово «фандом». Данное сокращение выполняет номинативную функцию, называя произведение визуального сторителлинга и кинематографа. Второй пример – «англофд» – сокращение смешанного типа. Первая часть сокращения образована лексически: «англо» от слова «англоговорящий». Вторая часть сокращения – «фд» – сигль слова «фандом». Это сокращение играет роль подлежащего в придаточной части предложения. Оно также выполняет номинативную функцию, называя явление виртуальной действительности, с которым русскоязычная часть пользователей часто взаимодействует.

Большая часть пользователей сервиса Твиттер – подростки и молодежь, т.е. люди в возрасте от 13 до 35 лет. Эта аудитория привыкла сокращать значительное количество слов и соблюдать принцип языковой экономии. При этом некоторые пользователи недоумевают, в чем причина использования сокращений самых обычных слов.

@clernenza: «поч», «зач», «оч», «прив».не пон поч нельз писат слов до конц»

Данный пример практически полностью состоит из сокращенных единиц. Все представленные сокращенные формы представляют собой суспенсии. Суспенсии – это слоговые сокращения одного слова. Большой интерес вызывает вторая половина записи. Во втором предложении примера автор намеренно не дописывает слова целиком, выражая тем самым непонимание ситуации и недовольство ею. То есть, сокращенные единицы в первой части записи – функционирующие суспенсии, закрепившиеся в интернет-лексике,

а вот слова во второй части – намеренно незавершенные. Эти единицы сокращениями не являются.

Таким образом, большинство сокращений, используемых в процессе виртуальной коммуникации, являются графическими (90%). Они могут быть различными членами предложения, как главными, так и второстепенными. Сокращения интернет-коммуникации выполняют ряд функций: номинативную, экспрессивно-эмоциональную, интерактивную, рекреативную, эвфемистическую, замещающую, контактоустанавливающую.

В результате нашего исследования мы выявили, что словообразование играет важную роль в организации языковой картины мира современного человека, который активно участвует в жизни общества и находится на связи 24 часа в сутки. Новая среда общения в силу особых медийных характеристик диктует и особенности построения языкового пространства. Языковая компрессия является одним из ведущих принципов организации текста в интернет-среде. Так называемое «фонетическое письмо» в качестве компактного способа передачи информации способствует более свободному изложению мысли и непринужденному характеру общения, что находит отражение в нестандартном словоупотреблении и словотворчестве.

Список литературы

1. Алексеев, Д. И. Сокращенные слова в русском языке : монография // Д. И. Алексеев. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1979. – 328 с. – Текст : непосредственный.
2. Баринаова, С. О. Классификация сокращений в языке Интернета (на материале английского языка) / С. О. Баринаова. – Текст : электронный // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена : сборник статей. – 2007. – Т. 12. – №33. – С. 24–27. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-sokrascheniy-v-yazyke-interneta-na-materiale-angliyskogo-yazyka> (дата обращения: 29.04.2021).
3. Виноградов, В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): Учеб. пособие для вузов / В. В. Виноградов; Отв. ред. Г. А. Золотова. – 3-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 1986. – 640 с. – Текст : непосредственный.
4. Винокур, Г. О. Избранные работы : монография / Г. О. Винокур. – М., 1959. – 492 с. – Текст : непосредственный.
5. Гончарова, Е. А. Языковые механизмы англоязычного Твиттера: тенденции использования антиязыка // Е. А. Гончарова. – Текст : электронный // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики : сборник статей. – 2019. – № 2. – С. 120–126. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-mehanizmy-angloyazychnogo-tvittera-tendentsii-ispolzovaniya-antiyazyka> (дата обращения: 30.04.2021).
6. Горошко, Е. И. Интернет-коммуникация: проблема жанра / Е. И. Горошко. – Текст : непосредственный // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. – Межвуз. сб. науч. Тр : сборник статей. Вып. 4. – Орел, 2006. – С. 165–175.
7. Дедова, О. В. Лингвосомиотический анализ электронного гипертекста (на материале русскоязычного Интернета): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / О. В. Дедова. – М.: жМГУ, 2006. – 52 с. – URL: <http://cheloveknauka.com/lingvosemioticheskiy-analiz-elektronnogo-gipertekstov> (дата обращения: 03.05.2021). – Текст : электронный.
8. Иванова, Т. С. Сеть как отражение языкового присутствия в реальном мире / Т. С. Иванова. – Текст : электронный // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки : сборник статей. – 2012. – № 1. – С. 251–258. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/set-kak-otrazhenie-yazykovogo-prisutstviya-v-realnom-mire> (дата обращения: 27.04.2021).

9. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с. – Текст : непосредственный.

10. Мартине, А. Основы общей лингвистики / А. Мартине. – Текст : непосредственный // Новое в лингвистике : сборник статей. – В. III. – М., 1963. – С. 532–533.

11. Никишина, С. А. Аббревиатуры: генезис, словообразовательный статус, морфемная структура, тематические группы, употребление и прогнозы / С. А. Никишина. – Текст : электронный // Вестник НВГУ : сборник статей. – 2011. – № 4. – С. 37–47. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/abbreviatury-genezis-slovoobrazovatelnyy-status-morfemnaya-struktura-tematicheskie-gruppy-upotreblenie-i-prognozy> (дата обращения: 30.04.2021).

12. Серебренников, Б. А. Роль человеческого фактора в языке / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова и др. – Текст : электронный // Язык и картина мира : сборник статей. – М., 1988. – 204 с. – URL: https://www.phantastike.com/other/kartina_mira/pdf (дата обращения: 03.05.2021).

13. Тюрина, Р. Я. К вопросу о статусе словообразования в современной русистике / Р. Я. Тюрина. – Текст : электронный // Вестник ТГПУ : сборник статей. – 2007. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-statuse-slovoobrazovaniya-v-sovremennoy-rusistike> (дата обращения: 04.05.2021).

FUNCTIONING FEATURES OF CONTRACTIONS IN VIRTUAL DISCOURSE (ON THE MATERIAL OF TWITTER)

N. G. Asmus

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, nasmus@74.ru

N. D. Poletaeva

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, poletnat877@gmail.com

The article deals with the features of the formation and the functioning of the contractions in English-language virtual discourse. It focuses on the graphical contractions. The main functions of graphical contractions, the reasons for their formation and different types of these contractions are highlighted. The results of the research show that the most used types of contractions in the Internet are the sigles of separate words and of the phrases. They may vary according to the purpose of the sentence or may perform different sentence constituents and carry out different functions in the utterance. Microblogging platform “Twitter” has a number of characteristic features: focus on the addressee, the ability to respond instantly to media messages, freedom of expression. For communication on Twitter phonetic writing is used, which is based on the representation of speech sounds with symbols. Most of the abbreviations used in virtual communication are graphic contractions (90%). They can be different members of the sentence and perform a number of functions: nominative, expressive-emotional, interactive, recreational, euphemistic, substitutional, contact-establishing. Linguistic compression as the basic principle of organizing text space in virtual discourse contributes to a free expression of thoughts and a relaxed nature of communication, which is reflected in non-standard word usage and word creation.

Key words: virtual discourse, abbreviation, graphical and lexical contractions, contraction, sigle, contracture, suspension.

References

1. Alekseev, D. I. (1979). *Sokrashchennye slova v russkom yazyke* [Contracted words in Russian language]. Saratov, Publishing House of the University of Saratov, 328 p. (in Russ.).
2. Barinova, S. O. (2007). Klassifikatsiya sokrashcheniy v yazyke Interneta (na materiale angliyskogo yazyka) [Classification of contractions in the Internet vocabulary]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena : sbornik statey* [News of Russian State Pedagogical University], 12 (33), pp. 24–27, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-sokrascheniy-v-yazyke-interneta-na-materiale-angliyskogo-yazyka>, accessed 29.04.2021 (in Russ.).
3. Vinogradov, V. V. (1986). *Russkiy yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove): Ucheb. posobie dlya vuzov* [Russian language (Word grammar): handbook for universities]. Editor-in-chief G. A. Zolotova, Moscow, Vyssh. Shk., 640 p. (in Russ.).
4. Vinokur, G. O. (1959). *Izbrannye raboty* [Best works]. Moscow, 492 p. (in Russ.).
5. Goncharova, E. A. (2019). Yazykovye mekhanizmy angloyazychnogo Tittera: tendentsii ispol'zovaniya antiyazyka [Language mechanisms of English-language Twitter: trends of anti-language usage]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Contemporary problems of philological and pedagogical linguistics], 2, pp. 120–126, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-mekhanizmy-angloyazychnogo-tittera-tendentsii-ispolzovaniya-antiyazyka>, accessed 30.04.2021 (in Russ.).
6. Goroshko, E. I. (2006). Internet-kommunikatsiya: problema zhanra [Internet communication: the problem of genre]. *Zhanry i tipy teksta v nauchnom i mediynom diskurse* [Genres and types of texts in scientific and media discourse], 4, Orel, pp. 165–175 (in Russ.).
7. Dedova, O. V. (2006). *Lingvosemioticheskii analiz elektronnoho giperteksta (na materiale russkoyazychnogo Interneta): avtoref. dis. ... d-ra filol. Nauk* [Linguistic-semiotic analysis of electronic hypertext (on the material of Internet Russian language)]. Moscow, MGU, 52 p., available at: <http://cheloveknauka.com/lingvosemioticheskii-analiz-elektronnoho-gipertekstov>, accessed 03.05.2021 (in Russ.).
8. Ivanova, T. S. (2012). Set' kak otrazhenie yazykovogo prisutstviya v real'nom mire [The network as reflection of language presence]. *Uchenye zapiski OGU. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Scientific notes of OGU. Series: Social studies], 1, pp. 251–258, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/set-kak-otrazhenie-yazykovogo-prisutstviya-v-realnom-mire>, accessed 27.04.2021 (in Russ.).
9. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* (1990) [Linguistic encyclopedic dictionary]. Editor-in-chief: V. N. Yartseva, Moscow, Soviet encyclopedia, 685 p. (in Russ.).
10. Martine, A. (1963). Osnovy obshchey lingvistiki [Basics of general linguistics]. *Novoe v lingvistike* [New in linguistics], 3, Moscow, pp. 532–533 (in Russ.).
11. Nikishina, S. A. (2011). Abbreviatury: genesis, slovoobrazovatel'nyy status, morfemnaya struktura, tematicheskie gruppy, upotrebleniye i prognozy [Abbreviations: genesis, word-building status, morphemic structure, thematic groups, usage and predictions]. *Vestnik NVGU* [Bulletin of NVGU: collection of articles], 4, pp. 37–47, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/abbreviatury-genesis-slovoobrazovatelnyy-status-morfemnaya-struktura-tematicheskie-gruppy-upotrebleniye-i-prognozy>, accessed 30.04.2021 (in Russ.).
12. Serebrennikov, B. A. (1988). Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke [Role of human factor in the language]. *Yazyk i kartina mira* [Language and world-view], Moscow, 204 p., available at: https://www.phantastike.com/other/kartina_mira/pdf, accessed 03.05.2021 (in Russ.).
13. Tyurina, R. Y. (2007). K voprosu o statuse slovoobrazovaniya v sovremennoy rusistike [About the status of word-building in modern study of Russian language]. *Vestnik TGPU* [Bulletin of TSPU: collection of articles], 2, available at: <https://cyberleninka.ru/article/>

n/k-voprosu-o-statuse-slovoobrazovaniya-v-sovremennoy-rusistike, accessed 04.05.2021 (in Russ.).

Асмус Нина Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка, Челябинский государственный университет.
nasmus@74.ru

Полетаева Наталья Дмитриевна – студентка 4-го курса факультета лингвистики и перевода, Челябинский государственный университет.
poletnat877@gmail.com

УДК 070

DOI: 10.47475/1999-5407-2021-10205

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ И ИНТЕРАКТИВНОСТЬ КАК ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

М. С. Вечканова

Челябинский государственный университет, Челябинск

В процессе исследования современной социальной журналистики автор приходит к выводу, что сегодня эта информационная область подвержена активным изменениям. Прежде всего, это связано с влиянием тенденций современного медиапространства, таких как клиповизация мышления и возможность читателя взаимодействовать как с автором материала, так и с самим текстом.

Таким образом, в статье рассматриваются значимые тенденции социальной журналистики XXI века – визуализация и интерактивность, а также то, как они модернизируют эту область журналистского контента. Исследуются феномены мультимедийности, интерактивных массмедиа и их роль в современной социальной повестке. Автор приходит к выводу, что визуализация и интерактивность становятся важнейшими тенденциями социальной журналистики сегодняшнего дня, без которых она уже не может эффективно привлекать внимание аудитории.

Ключевые слова: социальная журналистика, визуализация, интерактивность, визуальная журналистика, интерактивные масс-медиа

Социальная проблематика сама по себе является актуальной не только в журналистике, но и во всём медиапространстве. Причина заключается в том, что социальные аспекты касаются непосредственно каждого человека – это не только вопросы благополучия и защиты прав населения, но и абсолютно бытовые заботы, с которыми люди сталкиваются ежедневно. Человеку, как существу социокультурному, всегда интересно узнавать об обстановке вокруг, чтобы контролировать течение собственной жизни.

То, как сильно социальная сфера в медиапространстве влияет на нас, подтверждает популярность фото- и видеохостингов, феномены блогосферы, публичных страниц и групп в социальных сетях. По наблюдениям исследователей, именно в этом коммуникативном пространстве в большей степени заявляет о себе социальная журналистика. Контент, транслируемый в СМИ, создается самой аудиторией и отражает то, что действительно интересует людей.

Некоторые исследователи считают, что сегодня социальная тема не является приоритетной в современной журналистике, несмотря на видимую актуальность и значимость, поскольку намного чаще СМИ рассматривают политические и экономические вопросы [10]. Многие авторы приходят к выводу, что средства массовой информации либо избегают освещения проблем социального характера, либо не рассматривают их в контексте решения возникающих проблем и конструктивной работы над ними [1]. Такое положение резко контрастирует с реальной заинтересованностью аудитории в социальных материалах.

По мнению теоретика социальной журналистики Т. И. Фроловой, основная причина снижения роли этого направления связана со старением аудитории печатных СМИ – той, которая когда-то являлась традиционным потребителем «серьезной прессы». Мы можем видеть, что в современной журналистике наблюдается значительное уменьшение социально-аналитических и просветительских материалов, в то время как потребительский спрос на развлекательные жанры постоянно растет.

Большое значение имеет то, что сегодня социальная проблематика сосредотачивается главным образом не в классической прессе, а в более новом медиапространстве: в ток-шоу, блогосфере и специальных интернет-проектах [14].

По нашему мнению, проблемы социального характера не теряют своей актуальности, а лишь изменяются под влиянием тенденций современного медиапространства. Одна из таких тенденций – это клиповизация мышления, ведущая к увеличению зрительного контента в СМИ. Визуальная коммуникация всегда была имманентна человеческому существованию, но сегодня зрительная культура стремительно выходит на первый план [7]. Это происходит благодаря развитию технологий и визуальных инструментов в целом (дизайна, фотографии и видеогрaфии, иллюстрации). Клиповое мышление как способность познания действительности через выделение главного – это адаптация человека к современной информационной среде, стремление к более эффективному усваиванию наглядного контента, нежели тяжелых текстовых данных [6].

Итак, современный человек живет в эпохе непрерывного развития зрительной культуры, поэтому сегодня социально-философское познание активно включено в визуальный поворот и играет более важную роль в зрительных медиа, нежели в текстовых. Это также доказывает утверждение о том, что социальная тематика более популярна в интернет-журналистике, поскольку наибольшее многообразие визуальных форматов наблюдается именно в этой области. В сетевых СМИ социальные материалы встречаются чаще и в большем количестве, чем в печатных изданиях и на телевидении, где эта тематика постепенно переходит в разряд информирования без описания или анализа реального положения дел [5].

Наиболее традиционными видами визуального контента являются:

- 1) иллюстрации (графические формы контента, имеющие не столько информационное, сколько эстетическое предназначение);
- 2) фотографии (в том числе фоторепортажи);
- 3) инфографика и её многочисленные инструменты (графики, схемы, диаграммы);
- 4) различные формы мультимедийного контента (видеоролики, клипы, инсталляции, флеш-анимация, слайд-шоу) [8. С. 164].

При этом, если иллюстрация и фотография, как правило, дополняют текстовую информацию, то инфографика и мультимедийный контент часто становятся полноценными журналистскими материалами.

Тенденция к использованию инфографики для освещения социально-значимых тем появилась почти сразу же, как только этот тип визуализации попал в массовую прессу. Этим обоснована эффективность и универсальность данного инструмента. По определению М. А. Фроловой, информационная графика – графический способ подачи информации, данных и знаний, визуальное представление цифровой, графической и вербальной информации [13]. Инфографика не допускает информационного шума. Она лаконична, но при этом информативна, к тому же, позволяет правильно расставить акценты на изучаемых данных и заранее задать порядковую схему считывания для аудитории, отделяя главное от второстепенного [2].

Главное преимущество инфографики перед другими визуальными инструментами – способность наглядно ответить на основные вопросы журналистского материала («что?», «кто?», «где?», «когда?» и «как?»), поскольку информационная графика объединяет огромное количество других визуальных форматов и действительно разнообразна в своих многочисленных проявлениях. Информационная графика (ИГ) включает в себя как самые основные, базовые элементы (текст, числа, списки, таймлайны, диаграммы разных видов, таблицы, изображения, иллюстрации, карты и т. д.), так и более редкие и уникальные форматы, которые по сути являются отдельными визуальными инструментами. К таким

можно отнести прогресс-бары, комиксы, коллажи, маршруты, календари, фотосравнения, мемы, чек-листы и рейтинги.

Существует большое количество видов и форм информационной графики. С точки зрения технических параметров выделяют статистическую и динамическую инфографику, по визуализируемой информации – количественную и качественную. Количественная ИГ представляет числовые значения с помощью графиков, диаграмм и других элементов, качественная – визуализирует какие-либо объекты и нечисловые данные, используя рисунки, реконструкции, карты, иконки и пиктограммы [8. С. 165].

Другая важная тенденция социальной журналистики сегодняшнего дня – это интерактивность. Именно интерактивность, то есть возможность читателя взаимодействовать как с автором материала, так и с самим текстом, поддерживает активную роль аудитории, позволяет читателю ощутить себя партнером журналиста [4; 9].

Исследователи социальной журналистики придают большое значение интерактивным массмедиа, которые могут выступать в качестве инструмента, обеспечивающего осуществление диалога между различными социальными группами, включая государство и граждан. Под интерактивными массмедиа подразумеваются основанные на базе радио, телевидения и телекоммуникационных сетей общего пользования средства массовой коммуникации, обладающие возможностью прямой связи с аудиторией [3]. Значительное количество интерактивных массмедиа распространяются на интернет-платформах, поскольку сетевые инструменты обладают большим преимуществом в коммуникации с аудиторией. Обратная связь от читателей или зрителей в интернет-СМИ приходит намного быстрее и активнее, что очень важно для социальной журналистики, поскольку она чаще всего направлена на массовую аудиторию и требует широкого отклика.

С развитием интерактивных медиа возникли новые возможности для коллективных действий, направленных на решение социально-значимых проблем [3]. Это поспособствовало появлению различных сетевых форматов и жанров в области социальной журналистики. Сегодня социально-значимый контент все чаще создается при участии самой аудитории, на которую этот контент рассчитан, например, с помощью опросов, статистических данных, комментариев и обращений читателей и зрителей. Мы видим, что чем проще устроена коммуникация между создателями контента и их аудиторией – тем больше возможностей существует для раскрытия социальной проблематики в медиапространстве.

Сегодня основной контент СМИ часто распространяется в социальных сетях и на популярных онлайн-площадках («ВКонтакте», «YouTube», «Instagram», «Telegram» и так далее) именно по причине широкого взаимодействия с аудиторией. Социально-значимая информация, распространяющаяся в интерактивных массмедиа – это удобно и эффективно, причем не только для читателей (зрителей), но и для авторов контента. По реакции аудитории (лайкам и дизлайкам, просмотрам, комментариям, сообщениям, предложенным новостям, участием в опросах, репостах) легко судить об актуальности того или иного материала [См.: 12].

Также интерактивным является мультимедийный контент, о котором мы уже упоминали ранее. Мультимедиа – это система современных аппаратных и программных средств, позволяющих работать в интерактивном режиме с текстом, графикой, звуком и изображением в едином комплексе [11. С. 54]. Мы видим, что интерактивность социальной журналистики может проявляться не только в площадках распространения информации, но и в формах и жанрах самого контента. Так как мультимедиа основано на современных технологиях представления информации и пользуется большим спросом, существует огромное количество мультимедийных форматов: от видео, аудио и анимаций до ботов, трансляций, таймеров, интерактивных карт и инфографик. Взаимодействие с мультимедийными форматами позволяет привлечь внимание к социально-значимой

проблеме, поскольку человек не просто ознакомился с ней, но и оказал соучастие, а значит, не остался в стороне.

Таким образом, визуализация и интерактивность (которые, в свою очередь, часто взаимодействуют в мультимедийных форматах) являются важнейшими тенденциями социальной журналистики, без которых она уже не может эффективно привлекать внимание аудитории. Клиповизация мышления заставляет человека фокусироваться на зрительном контенте, а интерактивность позволяет организовать соучастие. Кроме того, в интерактивных медиа отмечается высокий уровень коммуникации СМИ и аудитории, из чего следует возможность решать социально-значимые проблемы коллективно. Поэтому сегодня социальная проблематика сосредотачивается главным образом не в классической прессе, а в более новом медиапространстве.

Список литературы

1. Бережная, М. А. Социальные неравенства: подходы СМИ и ожидания общества / М. А. Бережная, С. Г. Корконосенко. – Текст : непосредственный // Век информации. Медиа в современном мире – Петербургские чтения: материалы 54-го международного научного форума, Санкт-Петербург, 22–24 апреля 2015 г. – Санкт-Петербург : Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций. – 2015. – С. 32–34.
2. Вечканова, М. С. Средства отражения проблем социального характера в инфографике / М. С. Вечканова. – Текст : непосредственный // Медиасреда. – 2020. – № 2. – С. 144–152.
3. Гасанов, Н. А. Социальная проблематика в контексте интерактивных технологий СМИ / Н. А. Гасанов. – Текст : электронный // Вестник Московского государственного областного университета. – 2017. – № 1. – URL: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/795> (дата обращения: 10.06.2021). – DOI: 10.18384/2224-0209-2017-1-795.
4. Колчина, Е. С. Интерактивность как ресурс data-журналистского материала / Е. С. Колчина. – Текст : непосредственный // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2014. – № 1 (13). – С. 51–56.
5. Макулин, А. В. Философия визуальной грамотности: роль инфографики и визуального мышления в социальном планировании / А. В. Макулин. – Текст : непосредственный // Общество: философия, история, культура. – 2019. – № 1 (57). – С. 27–34.
6. Симакова, С. И. Визуализация в СМИ: вынужденная необходимость или объективная реальность? / С. И. Симакова. – Текст : непосредственный // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2017. – № 23 (1.2). – С. 135–139.
7. Симакова, С. И. Инфографика как способ визуализации журналистского контента / С. И. Симакова. – Текст : непосредственный // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2015. – № 1 (15). – С. 34–40.
8. Симакова, С. И. Влияние новых технологий на визуальный контент журналистских материалов / С. И. Симакова. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 5 (360). – С. 164–165.
9. Симакова, С. И. Интерактивный инфографический контент сайта «RIA.ru» и его сущностная специфика / С. И. Симакова, И. В. Топчий. – Текст : непосредственный // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2018. – № 2 (174). – Том 24. – С. 13–19.
10. Симкачева, М. В. Социальная проблематика в сетевых СМИ глазами будущих журналистов / М. В. Симкачева. – Текст : непосредственный // Гуманизация информационного пространства в контексте диалога культур: Материалы Международной

научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения первого декана факультета журналистики Казанского университета Флорида Агзамов (11 февраля 2016 г., г. Казань) – Казань. – 2016. – С. 271–285.

11. Смирнов, А. В. Что такое мультимедиа? / А. В. Смирнов. – Текст : непосредственный // Наука и школа. – 2006. – № 4. – С. 54–56.

12. Топчий, И. В. Медийный SMM: соединение визуального и эмоционального / И. В. Топчий. – Текст : непосредственный // Знак: проблемное поле медиаобразования. – Челябинск, 2018. – №3 (29). – С. 145–153.

13. Фролова, М. А. История возникновения и развития инфографики / М. А. Фролова. – Текст : непосредственный // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: Информационные компьютерные технологии в образовании. – 2014. – № 10. – С. 135–145.

14. Фролова, Т. И. Гуманитарная повестка российских СМИ: тенденции развития / Т. И. Фролова. – Текст : непосредственный // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2017. – № 6. – С. 226–230.

VISUALIZATION AND INTERACTIVITY AS TRENDS OF MODERN SOCIAL JOURNALISM

M. S. Vechkanova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, vechkanova1@bk.ru

In the process of researching modern social journalism, the author comes to the conclusion that today this information area is subject to active changes. First of all, this is due to the influence of trends in the modern media, such as clip-on thinking and the reader's ability to interact both with the author of the material and with the text itself.

In that way, the article examines the significant trends in social journalism of the 21st century – visualization and interactivity, as well as how they modernize this area of journalistic content. The phenomena of multimedia, interactive mass media and their role in the modern social agenda are investigated. The author comes to the conclusion that visualization and interactivity are becoming the most important trends in social journalism today, without which it can no longer effectively attract the attention of the audience.

Key words: social journalism, visualization, interactivity, visual journalism, interactive mass media.

References

1. Berezhnaya, M. A. and Korkonosenko, S. G. (2015). Sotsial'nye neravenstva: podkhody SMI i ozhidaniya obshchestva [Social inequalities: media approaches and society's expectations]. *Vek informatsii. Media v sovremennom mire – Peterburgskie chteniya: materialy 54-go mezhdunarodnogo nauchnogo foruma, Sankt-Peterburg, 22–24 aprelya 2015 g.* [Age of information. Media in the Modern World - St. Petersburg Readings: Materials of the 54th International Scientific Forum, St. Petersburg, April 22-24, 2015]. St. Petersburg, Higher School of Journalism and Mass Communications, pp. 32–34 (in Russ.).

2. Vechkanova, M. S. (2020). Sredstva otrazheniya problem sotsial'nogo kharaktera v infografike [Means of reflection of social problems in infographics]. *Mediasreda* [Media environment], 2, pp. 144–152 (in Russ.).

3. Gasanov, N. A. (2017). Sotsial'naya problematika v kontekste interaktivnykh tekhnologiy SMI [Social problems in the context of interactive media technologies]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of the Moscow State Regional University], 1, available at: <https://vestnik-mgou.ru/Articles/View/795> (accessed 10.06.2021). DOI: 10.18384 / 2224-0209-2017-1-795 (in Russ.).
4. Kolchina, E. S. (2014). [Interactivity as a resource of data-journalistic material]. [Sign: problematic field of media education], 1 (13), pp. 51–56 (in Russ.).
5. Makulin, A. V. (2019). Filosofiya vizual'noy gramotnosti: rol' infografiki i vizual'nogo myshleniya v sotsial'nom planirovanii [Philosophy of visual literacy: the role of infographics and visual thinking in social planning]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: philosophy, history, culture], 1 (57), pp. 27–34 (in Russ.).
6. Simakova, S. I. (2017). Vizualizatsiya v SMI: vynuzhdennaya neobkhodimost' ili ob'ektivnaya real'nost'? [Visualization in the media: a forced necessity or an objective reality?]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya* [Bulletin of the Samara University. History, pedagogy, philology], 23 (1.2), pp. 135–139 (in Russ.).
7. Simakova, S. I. (2015). Infografika kak sposob vizualizatsii zhurnalistskogo kontenta [Infographics as a way of visualizing journalistic content]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya* [Sign: problematic field of media education], 1 (15), pp. 34–40 (in Russ.).
8. Simakova, S. I. (2015). Vliyanie novykh tekhnologiy na vizual'nyy kontent zhurnalistskikh materialov [Influence of new technologies on the visual content of journalistic materials]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 5 (360), pp. 164–165 (in Russ.).
9. Simakova, S. I. & Topchii, I. V. (2018). Interaktivnyy infograficheskiy kontent sayta «RIA.ru» i ego sushchnostnaya spetsifika [Interactive infographic content of the site “RIA.ru” and its essential specificity]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury* [News of the Ural Federal University. Series 1. Problems of education, science and culture], 2 (174), Volume 24, pp. 13–19 (in Russ.).
10. Simkacheva, M. V. (2016). Sotsial'naya problematika v setevykh SMI glazami budushchikh zhurnalistov [Social problems in the network media through the eyes of future journalists]. *Gumanizatsiya informatsionnogo prostranstva v kontekste dialoga kul'tur: Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 80-letiyu so dnya rozhdeniya pervogo dekana fakul'teta zhurnalistiki Kazanskogo universiteta Florida Agzamova (11 fevralya 2016 g., g. Kazan')* [Humanization of the information space in the context of the dialogue of cultures: Materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 80th anniversary of the birth of the first dean of the Faculty of Journalism of Kazan University Florida Agzamova (February 11, 2016, Kazan)], Kazan, pp. 271–285 (in Russ.).
11. Smirnov, A. V. (2006). Chto takoe mul'timedia? [What is multimedia?]. *Nauka i shkola* [Science and school], 4, pp. 54–56 (in Russ.).
12. Topchii, I. V. (2018). Mediynny SMM: soedinenie vizual'nogo i emotsional'nogo [Media SMM: connection of visual and emotional]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya* [Sign: problematic field of media education], 3 (29), pp. 145–153 (in Russ.).
13. Frolova, M. A. (2014). Istoriya vozniknoveniya i razvitiya infografiki [History of the origin and development of infographics]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Informatsionnye komp'yuternye tekhnologii v obrazovanii* [Bulletin of the Perm State Humanitarian and Pedagogical University. Series: Information computer technologies in education], 10, pp. 135–145 (in Russ.).
14. Frolova, T. I. (2017). Gumanitarnaya povestka rossiyskikh SMI: tendentsii razvitiya [Humanitarian agenda of the Russian media: development trends]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky], 6, pp. 226–230 (in Russ.).

Вечканова Мария Сергеевна – студентка кафедры журналистики и массовых коммуникаций факультета журналистики, Челябинский государственный университет.
vchkanova1@bk.ru

Научный руководитель: Светлана Ивановна Симакова – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций Челябинского государственного университета.

УДК 82.01.09

DOI: 10.47475/1999-5407-2021-10206

«ПАМЯТИ ПАМЯТИ: РОМАНС» МАРИИ СТЕПНОВОЙ: КОММЕМОРАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ЧИТАТЕЛЕМ

Н. Л. Зыховская, В. П. Топольская

Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Челябинской области в рамках научного проекта № 20-412-740015

В статье поднимаются проблемы сопряжения коллективной и индивидуальной (автобиографичной) памяти через обращение к произведению Марии Степановой «Памяти памяти: романс». История собственной семьи автора в соединении с масштабным мемориальным дискурсом постпамяти – видится как значимая коммеморативная стратегия взаимодействия с современными читателями.

Ключевые слова: коммеморация, Мария Степанова, «Памяти памяти: романс», постпамять, стратегии работы с читателем.

Введение

Проблематика культурной памяти приобретает особую актуальность в XXI веке как установка на сознательное движение к будущему в контексте понимания и активной проработки прошлого [1], как потребность вписать личный опыт воспоминаний в пространство «культуры участия» [14]. Расширение тематических рамок и углубление «мемориального дискурса» становятся очевидной и актуальной формой ответа на рефлексию сегодняшнего дня: «откуда мы родом?», каким образом могут быть соединены история страны с историей семейного рода?

Многообразные ракурсы изучения семейной памяти – в динамике представлений о прошлом, взаимодействии различных поколений, отражении исторического фона в «зеркале» автобиографии, в том числе ее трагических страниц [3; 10] – неоднократно становились предметом актуальных философско-культурологических и социологических исследований [2; 5; 6; 11]. Но именно художественный текст, как подчеркивал Ю. М. Лотман [4], обладает способностью максимальной концентрации информации и, соответственно, аналогичным эффектом воздействия на читателя, погружающегося в пространство культурной памяти. Коммеморативные стратегии взаимодействия текста и читателя связываются с реализацией компенсаторной функции памяти [12. С. 74], способствующей эмоциональной проработке прошлого в мире литературных сюжетов.

В 2017 году в «Новом издательстве» вышла первая масштабная прозаическая книга поэта Марии Степановой «Памяти памяти: романс» [9]. Три условные части книги имеют разную направленность и функции. Первая – почти дневниковый рассказ о самой себе, с помощью отсылок к работам и биографиям известных персон. Вторая – сборник эссе, представляющий опыт работы автора с фактами общемировой культуры. Третья – непосредственно история семьи Марии Степановой. Сам способ организации «Памяти памяти» напоминает об устройстве лирического текста, так как сам текст оказывается пронизанным «рифмами», соответствиями, ассоциациями, скрепляющими воедино разные слои произведения: и документальные свидетельства, и комментарии к ним, и повествование об истории создания книги, а также разветвленную систему эссе о персонажах книги.

Книгу Марии Степановой можно назвать попыткой написать историю собственной семьи в соединении с масштабным мемориальным дискурсом постпамяти.

Художественный текст как феноменология памяти

Разбор семейного архива умершей тети автора оборачивается глобальным пересмотром способов жизни прошлого в настоящем. На протяжении всего текста Степанова обращается к опыту прошлого через историю близких, их личную переписку, воспоминания о воспоминаниях, рассказы знакомых, через книги и исторические события. Автор пытается разобраться в возможностях памяти, ее устройстве, способах функционирования и удержания (воскрешения) воспоминаний. Художника окружают те, кто в свое время по-разному выстраивал отношения с памятью: Осип Манделштам, Шарлотта Саломон, Рафаэль Голдчейн и другие.

Феномен памяти в книге Степановой соприкасается со множеством тем, среди которых особое место отводится культурной памяти как травме: гонения евреев, революции, сталинский террор, Холокост, блокада Ленинграда, отречение от памяти (евреи), одержимость памятью (наше время). Интересно, что в документальных письмах и открытках родственников отсутствует речь на идише и даже упоминания о принадлежности к еврейской культуре. Для того, чтобы погрузить читателя в «еврейскую тему» М. Степанова чаще выбирает не собственных родственников, а известных читателю личностей. Например, история Манделштама описана более детально, нежели история ее собственной бабушки.

Проблема памяти и вещей занимает важную позицию в книге: вещи буквально перенимают людские свойства, они такие же травмированные участники событий, как и их «хозяева». Например, в маленьком представителе рода «замороженных Шарлотт» автор узнает себя, осознает себя как часть «постпамяти» и читатели проводят такую же аналогию.

Введение в текст художественного произведения архивных записей, подлинных документов, открыток и писем родственников является одним из самых интересных решений в «Памяти памяти: романс». Эти вставки называются «неглавами». «Неглавы» содержат в себе документы, письма от родственников, описание предметов домашнего обихода в семейных квартирах, которые посетил автор и описание фотографий. В «неглавах» содержатся эпистолярные диалоги, через которые можно проследить личную историю родных Марии Степановой, наблюдать динамику происходящих событий в военный и довоенный период жизни семьи, так как даты написания и их принадлежность выносятся в заглавие, то есть в буквальном смысле выходят на «первый план».

Фундаментальный «романс» М. Степановой вырастает из первоначальной, еще детской задумки и превращается в глобальный труд, где личная история семьи является только одной из частей контекста: «Пока я, месяц за месяцем, переписывала на компьютере письма и документы моих близких, пытаюсь разобрать микроскопические буквы, беглую скоропись остывшего разговора, я уж точно стала понимать их лучше и любить их больше. Я, бережно копирующая запятые и описки своих бабушек, перестаю видеть разницу между их жизнью – и своей» [9. С. 53].

В книге не просто пересказываются истории родных, как в типичных биографиях и автобиографиях, семья в ней превращается в персонажей художественного текста. Несмотря на то, что М. Степанова неоднократно упоминает о том, что ее родственники «ничем не примечательны», в «романсе» родным Степановой редко удаётся сохранить статус частных лиц. Теперь они всё время на виду, а их жизнь воссоздается из множества эпизодов биографии: «В погоне за фактчекингом своей родословной Степанова соединяет Большую историю и частную память. На одном из фото прабабушка стоит рядом с Яковом Свердловым, который подписал постановление о начале красного террора. Повествование

часто сопровождается отсылками к мировой культуре: под одной обложкой Блок играет Гамлета в черных колготках, а Памук пишет новую историю Стамбула. В своей прозе Степанова решает важную для русской литературы задачу – включает русскоязычного героя в зону внимания европейского читателя» [7].

Из-за большого количества гиперссылок и аллюзий на работы известных писателей, эссеистов, художников и пр., кажется, что родственники М. Степановой являются своеобразными иллюстрациями повествования. Например, Сарра Гинзбург – бабушка М. Степановой является наглядным примером для эссе Кракауэра, самобытность автобиографических записей тети М. Степановой обосновывается при помощи личности Сьюзен Зонтаг, а воспоминания о прабабушке не выстраиваются без Марианны Хирш.

Публичные личности становятся своеобразной призмой, через которую автор определяет контекст для Степановых-Фридманов-Гуревичей, так как от этих личностей не осталось ничего кроме вещей и документов, вызывающих к интерпретации.

Актуальные метаморфозы поколения постпамяти

Во многом метод Степановой опирается на методологию профессора английского языка и сравнительной литературы в Колумбийском университете и профессора Института исследований женщин, гендера и сексуальности Марианны Хирш, рассматривающей концепт «постпамяти» в работе «Поколение постпамяти» [13]. После выхода ее книги-эссе термин «постпамять» стали активно использовать в текстах научных работ и книг, связанных с исторической, коллективной и культурной памятью.

М. Хирш в своих трудах часто обращается к теме воспоминаний о Холокосте, исследуя жизнь детей, чьи предки были жертвами катастрофы, а М. Степанова в своей «книге-преемнике» продолжает эту тенденцию и рассказывает о личной памяти семьи, образующей коллективную память современного человека о событиях прошлых лет. Автор разворачивает картину бытового и над-бытового антисемитизма, цитируя Александра Блока и Сергея Маковского, Георгия Иванова и Томаса Манна, Тициана Табидзе и Вячеслава Иванова. Актуализируя информацию и в читательском сознании, завлекая читателя в «хронотопическую петлю».

М. Степанова в интервью для журнала Wonderzine, говорит о необходимости популяризации работы М. Хирш (в частности, о переводе книги на русский язык), потому что она важна для понимания социокультурных процессов современной России: «Хирш пишет об одержимости памятью – и о том, как она влияет на наши попытки жить настоящим временем. Мне в её книге важен не только анализ травмы Шоа – а то, что термин «постпамять», сам этот способ отношения к действительности куда шире своего начального предмета. Я думаю, что постпамять описывает изменения в общественном сознании, которые так или иначе касаются всех: это и о Европе, и об Америке, и особенно о России. Российская история – это коридор непрекращающихся травм, ни одна из которых не была до конца переработана и осмыслена: это эстафета страдания, длившаяся десятилетиями. Сегодняшняя одержимость прошлым (битвы вокруг «Матильды» – хороший пример, но на самом деле таких примеров десятки) хорошо описывается в категориях постпамяти: чужая история, правдивая или выдуманная, заслоняет собственную. Эти похороны прошлого нельзя длить бесконечно. Рано или поздно с ним придется проститься – и сделать это лучше осознанно, с открытыми глазами» [8].

М. Степанова пишет книгу, которая по своему методу выходит из «хиршевской формулы»: «припоминания» и проецирования реальности прошлого в настоящее. Постпамять», лейтмотив которой прослеживается на протяжении всей книги, описывает как изменения мирового общественно-социального сознания, так и, казалось бы, явления и артефакты, вписанные в ракурс повседневности. Например, в главе о селфи «Глава

вторая, селфи и последствия», М. Степанова рассматривает культуру селфи как часть бессознательной одержимости памятью. Потребность в постоянной фиксации себя и своей жизни заключается в том, что человек боится забыть те или иные события. Однако парадокс заключается в том, что фотографий стало настолько много, что никто их не будет пересматривать: ни сами люди, сделавшие снимки, ни их близкие, ни их будущее потомство.

Понятие «постпамяти» выходит за рамки личной истории, оказываясь уже пространством мировой памяти, рифмуя индивидуальную биографию с травмами XX века. Автор как бы создает личную художественную систему, в которой видна синкретичность идей, собранных Степановой: вещьность памяти, память вещи. М. Хирш и М. Степанова всматриваются в «поколение постпамяти», в «территорию воронки, оставшейся от Катастрофы» и сходятся во мнении, что жить прошлым постоянно невозможно и рано или поздно с ним придется попрощаться и целесообразно будет сделать это обдуманно и осознанно.

Опыт прошлого, как показывает автор, становится одним из определяющих проводников настоящего в борьбе против забвения. С. Сдобнов называет произведение «Памяти памяти» – самым личным детективом, где разгадка прошлого оказывается частью иного, политического сюжета и помогает понять, как нам ориентироваться в настоящем. Степанова осмысляет место человека в культуре. В последнем сне Вячеслава Иванова Ахматова видит своего сына, еще младенца, словно приготовленного к смерти, а Тарковский растворяется в одной из своих картин. «Именно это антропологическое оружие против забвения и потерянности создает Степанова, соединяя на страницах своего романа быструю, как лента фейсбука, строку, невероятный русский язык и личные истории родных людей» [7].

В произведении М. Степановой настоящее неотвратно становится прошлым, а прошлое – настоящим. Хронотоп в «романсе» условен, дискретен, многомерен и субъективен. Время и пространство, благодаря своей фрагментарности и «лоскутности», становятся инструментом, помогающим М. Степановой осуществить «рассказывание о прошлом в настоящем». В целом, коммеморативные стратегии взаимодействия Марии Степановой с читателем, выводят личную историю в пространство коллективной памяти поколений и Большой Истории страны, становятся своеобразными мифологизированными сюжетами коллективного прошлого и актуальности настоящего. Автобиографичность, социокультурная составляющая, социально-психологический аспект, феномены коммеморации, вопросы, связанные с сущностью культурной памяти, содержательные и формальные особенности произведения, подобная многоплановость романа позволяет создать уникальное произведение, отражающее взаимодействия исторической и современной действительности.

Список литературы

1. Ассман, А. Новое недовольство мемориальной культурой / А. Ассман. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – Текст : непосредственный.
2. Зубанова, Л. Б. Цифровая память в пространстве мемориальной культуры: образы прошлого и медиа-технологиях будущего / Л. Б. Зубанова. – Текст : непосредственный // Челябинский гуманитарий. – 2020. – № 3 (52). – С. 15–22.
3. Коротецкая, Л. В. Холокост как социальная и культурная конструкция памяти: фактор травмы и позиция жертвы / Л. В. Коротецкая. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2016. – № 3. – С. 107–117.
4. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. – М. : Искусство, 1970. – Текст : непосредственный.

5. Омельченко, Е. Л. Что остается в семейной истории: память о советском сквозь разговор трех поколений / Е. Л. Омельченко, Ю. В. Андреева. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2017. – № 11. – С. 147–156.
6. Покида, А. Н. Динамика исторической памяти в российском обществе (по результатам социологического мониторинга) / А. Н. Покида, Н. В. Зыбуновская. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2016. – № 3. – С. 98–107.
7. Сдобнов, С. «Памяти памяти» Марии Степановой – главный русскоязычный роман 2017-го / С. Сдобнов. – Текст : электронный // Интернет-издание GQ. – URL: <https://www.gq.ru/entertainment/kak-najti-sebya-v-besede-so-svoimi-mertvymi> (дата обращения: 20.04.2020).
8. Степанова, М. М. Поэт Мария Степанова о любимых книгах / М. М. Степанова. – Текст : электронный // Интернет-журнал «Wonderzine». – 2021. – URL: <https://www.wonderzine.com/wonderzine/life/bookshelf/229624-maria-stepanova> (дата обращения: 20.05.2021).
9. Степанова, М. М. Памяти памяти: Романс / М. М. Степанова. – М. : Новое издательство, 2017. – Текст : непосредственный.
10. Штоп-Рутковская, К. Киберпамять, или о чем мы не помним в сети. Анализ локальной памяти: Белосток и Люблин / К. Штоп-Рутковская. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2015. – № 4. – С. 130–139.
11. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс. – Текст : непосредственный // Неприкосновенный зал. – 2005. – № 3. – С. 8–27.
12. Шуб, М. Л. Функции культурной памяти / М. Л. Шуб. – Текст : непосредственный // Вестник культуры и искусств. – 2016. – № 4. – С. 71–76.
13. Hirsch, M. *The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture after the Holocaust* / M. Hirsch. – New York : Columbia University Press, 2012. – Текст : непосредственный.
14. Jenkins, H. *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide* / H. Jenkins. – New York: University Press, 2006. – Текст : непосредственный.

**«IN MEMORY OF A MEMORY: ROMANCE» BY MARIA STEPANOVA:
COMMEMORATIVE STRATEGIES OF INTERACTION WITH THE READER**

N. L. Zykhevskaya, V. P. Topolskaya

*South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk,
ladoga122@gmail.com*

The article raises the problem of conjugation of collective and individual (autobiographical) memory through an appeal of Maria Stepanova work “In Memory of a memory: Romance”. The story of the author’s own family, combined with a large-scale memorial discourse of post-memory, is seen as a significant commemorative strategy for modern readers.

Key words: commemoration, Maria Stepanova, “In memory of a memory: romance”, post-memory, strategies for working with the reader.

References

1. Assman, A. (2016). *Novoe nedovolstvo memorialnoy kulturoy [New dissatisfaction with memorial culture]*. Moscow, New Literary Review (in Russ.).

2. Zubanova, L. B. (2020). Cifrovaja pamjat' v prostranstve memorial'noj kul'tury: obrazy proshlogo i media-tehnologijah budushhego [Digital memory in the space of memorial culture: images of the past and media technologies of the future]. *Cheljabinskij gumanitarij* [Chelyabinsk humanist], 3, pp. 15–22 (in Russ.).
3. Korotetskaya, L. V. (2016). Holokost kak social'naya i kul'turnaya konstrukciya pamyati: faktor travmy i poziciya zhertvy [Holocaust as a social and cultural construction of memory: trauma factor and victim position]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological research], 3, pp. 107–117 (in Russ.).
4. Lotman, Ju. M. (1970). *Struktura hudozhestvennogo teksta* [The structure of artistic text]. Moscow, Iskustvo (in Russ.).
5. Omelchenko, E. L. and Andreeva, Yu. V. (2017). Chto ostaetsya v semejnoy istorii: pamyat' o sovetskom skvoz' razgovor trekh pokolenij [What remains in family history: the memory of the Soviet through a conversation of three generations]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological research], 11, pp. 147–156 (in Russ.).
6. Pokida, A. N. and Zybunovskaya, N. V. (2016). Dinamika istoricheskoy pamyati v rossiyskom obschestve (po rezultatam sotsiologicheskogo monitoringa) [Dynamics of historical memory in Russian society (based on the results of sociological monitoring)]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological research], 3, pp. 98–107. (in Russ.).
7. Sdobnov, S. «Pamjati pamjati» Marii Stepanovoj – glavnyj russkojazychnyj roman 2017-go [“In memory of memory” by Maria Stepanova - the main Russian-language novel of 2017]. *Internet-izdanie GQ* [Internet edition of GQ], available at: <https://www.gq.ru/entertainment/kak-najti-sebya-v-besede-so-svoimi-mertvymi>, accessed 20.04.2020 (in Russ.).
8. Stepanova, M. M. (2021). Pojet Marija Stepanova o ljubimyh knigah [Poet Maria Stepanova about her favorite books]. *Wonderzine*, available at: <https://www.wonderzine.com/wonderzine/life/bookshelf/229624-maria-stepanova>, accessed 20.05.2021 (in Russ.).
9. Stepanova, M. M. (2017). *Pamjati pamjati: Romans* [In memory of memory: Romance]. Moscow, Novoe izdatel'stvo (in Russ.).
10. Shtop-Rutkowska, K. (2015). Kiberpamyat, ili o chem myi ne pomnim v seti. Analiz lokalnoy pamyati: Belostok i Lyublin [Cyber memory, or what we do not remember on the network. Local Memory Analysis: Bialystok and Lublin]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological research], 4, pp. 130–139 (in Russ.).
11. Hal'bvaks, M. (2005). Kollektivnaja i istoricheskaja pamjat' [Collective and historical memory]. *Neprikosnovennyj zal* [Inviolable hall], 3, pp. 8–27 (in Russ.).
12. Shub, M. L. (2016). Funkcii kul'turnoj pamjati [Functions of cultural memory]. *Vestnik kul'tury i iskusstv* [Bulletin of culture and arts], 4, pp. 71–76 (in Russ.).
13. Hirsch, M. (2012). *The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture after the Holocaust*. New York, Columbia University Press.
14. Jenkins, H. (2006). *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide*. New York, University Press.

Зыховская Наталья Львовна – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и русского языка, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет).
ladoga122@gmail.com

Топольская Вероника Павловна – бакалавр кафедры литературы и русского языка по направлению 45.03.01 – Филология, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет).

УДК 070

DOI: 10.47475/1999-5407-2021-10207

МЕДИАФРЕЙМИНГ ЭПИДЕМИИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ ДЛЯ ГОРОДА

О. В. Рыкова

Челябинский государственный университет, Челябинск

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Челябинской области в рамках научного проекта № 20-412-740004

Статья посвящена исследованию медиафреймирования социально-экономических последствий эпидемии в локальных британских СМИ на примере пандемии вируса COVID-19. Актуальность исследования объясняется важностью понимания процесса целенаправленного структурирования реальности в сознании масс. Исследование эксплицирует особенности различных видов фреймирования – образного и буквального. Метафорические фреймы последствий эпидемии включают антропоморфную, механистическую, милитарную, экономическую метафору, а также метафоры природных стихий. Буквальное фреймирование реализуется посредством сцениев медицинской, экономической, юридической направленности, а также в рамках изменений в функционировании социальных институтов и предприятий.

Ключевые слова: медиафрейминг, эпидемия, локальные СМИ, фрейм, медиавоздействие.

Эпидемия коронавируса COVID-19 охватила планету в течение первых пяти месяцев 2020 года и изменила темп, структуру и характер нашей повседневной жизни, отразившись на таких сферах, как занятость, образование, законодательство, экономика, здравоохранение, и оказав масштабное влияние, выходящее за рамки непосредственно самого заболевания и попыток различных стран ограничить его распространение. Важным является понимание того, как реальность, с которой столкнулось подавляющее большинство жителей планеты, моделируется в сознании людей.

Актуальность исследования социального информационного взаимодействия объясняется необходимостью понимания поведенческой матрицы фрейма, которая делает возможным прогнозирование вектора развития социально-экономических процессов в обществе и позволяет выявить поведенческие практики различных социальных групп.

Под фреймингом понимается процесс целенаправленного структурирования реальности в сознании масс. С помощью фрейминга «актер создает и навязывает аудитории систему когнитивно-оценочных и аффективных координат для обсуждения и истолкования социальных феноменов в неоднозначной ситуации, активируя в качестве неявных предпосылок когнитивные схемы, социокультурные сценарии, культурные модели, ценности и нормы» [1. С. 32]. Ряд ученых, среди которых американский исследователь политической коммуникации Э. Бойдстун, подчеркивают, что фрейминг может оказать значительное влияние на отношение общественности к важным политическим вопросам [2]. Массмедийные тексты выступают механизмом, который, взаимодействуя с индивидуальным и групповым сознанием, позволяет *конструировать* смыслы.

В данном исследовании проводится анализ того, как присущая СМИ идейная составляющая влияет на фреймирование определенных аспектов реальности. Эффекты фреймирования относятся к коммуникационному воздействию, которое не связано с

различиями в том, что сообщается, а скорее с различиями в том, как данный фрагмент информации представляется (или фреймируется) в публичном дискурсе [9]. Измерение фреймирования всегда связано с выбором вопросов, акцентированием и фокусировкой внимания на определенных аспектах проблемы. Шойфеле утверждает, что фреймирование может функционировать как конструктор социальной реальности [8]. Таким образом, новостной репортаж - это не констатация фактов, а *воссоздание* реальности.

Медиафрейминг отдельных фрагментов реальности или событий вызывает интерес у исследователей-лингвистов во всем мире. К примеру, за последние несколько лет были представлены результаты изучения фреймирования политической предвыборной кампании в Индонезии [13], пандемии COVID-19 в Китае с выделением социальной и культурной составляющих [4], зависимости от социальных сетей в Великобритании и США [6], ЛГБТ-сообществ в Индонезии [10], аквакультуры в Норвегии [7] и т.д.

Ученые проводят различие между различными видами фреймирования, одним из которых является образный фрейминг. Некоторые исследователи утверждают, что метафора, гипербола и ирония содержат как лингвистическое, так и когнитивное содержание, и они могут по отдельности или «совместно» функционировать как образные инструменты фреймирования в дискурсе [3]. Метафорическое фреймирование является подкатегорией образного фреймирования, и его возможное влияние на реципиентов было подтверждено рядом эмпирических исследований [См., например: 5; 11; 12]. В противовес метафорическим фреймам, мы предполагаем существование неметафорических, или буквальных фреймов. «Буквальные фреймы» противопоставляются «образным фреймам» [3], функционируя исключительно в рамках поля прямых значений.

Метафорические фреймы последствий эпидемии охватывают образы, эксплицированные посредством антропоморфной, механистической, военной, экономической метафоры, а также метафоры природных стихий, преимущественно огня. Более того, в корпусе медийной репрезентации пандемии COVID-19 были найдены и буквальные фреймы, такие как ответственность, сотрудничество, нестабильность/непредсказуемость ситуации, глобальные изменения – в функционировании заведений, жизненном укладе, восприятии реальности. Все фреймы, как метафорические, так и буквальные, вместе формируют представление о том, что такое COVID-19, какую роль в борьбе с пандемией играет среднестатистический житель, а также государственные институты и органы и какой вклад они могут внести в общее дело.

СМИ – важный источник информации, роль которого в чрезвычайных ситуациях в области общественного здравоохранения заслуживает пристального внимания. В данном исследовании на примере локальных СМИ города Ноттингем, Великобритания мы ставим перед собой задачу изучить то, как медиа-фреймирование пандемии COVID-19 связано с реакцией СМИ и правительства, а также какое влияние оно может оказать на реакцию общественности.

Материал для исследования отобран с помощью платформы NOW Corpus (www.english-corpora.org), объединяющей публикации, размещенные на веб-ресурсах англоязычных периодических изданий. Методом поиска по ключевым словам ‘pandemic’, ‘coronavirus’, ‘COVID-19’ для анализа было отобрано 372 контекста из статей, опубликованных за период с января 2020 года по настоящее время в британском местном таблоиде «The Nottingham Post», выпускаемом на территории графства Ноттингемшир и, частично, таких графств, как Лестершир, Линкольншир и Дербишир.

Процентное соотношение фреймов, которые служат матрицей для эксплицирования последствий эпидемии в разных сферах функционирования общества на примере локального британского издания The Nottingham Post, свидетельствует о преобладании поля «Медицина» (47 %) с такими сценариями, как распространение вируса, нестабильность ситуации, статистические флуктуации заболевших; действия, предпринимаемые

местными органами здравоохранения для сокращения заболеваемости; повышенная нагрузка на медицинские учреждения.

Большое количество контекстов описывает новые случаи заражения в абсолютных показателях, акцентируя внимание на возрасте зараженных, серьезности симптомов и последствий, проценте смертности, апеллируя, таким образом, к чувству страха перед вирусом:

«To date there have been over 10,600 confirmed cases of coronavirus across Nottingham, most of them *under the age of 30*. Since the start of the pandemic, more than 1,000 people in Nottinghamshire *have died after contracting the virus*» (Coronavirus live: Furlough extension expected as country enters first day of national lockdown; URL: <https://www.nottinghampost.com/news/live-updates-nottingham-enters-first-4670170>; 09.11.2020).

Описываемые в публикациях издания случаи течения болезни, помимо упоминания среднестатистических граждан, привлекают внимание общественности за счет медийных персон и известных личностей – к примеру, членов королевской семьи - путем детального перечисления симптомов и указания на течения заболевания:

«William’s father, the Prince of Wales, contracted coronavirus in March and he quarantined with *mild symptoms* separately from the Duchess of Cornwall, who tested negative, for 14 days. In his first public engagement after recovering from mild symptoms, Charles revealed he *lost his sense of taste and smell* when he had coronavirus» (Prince William ‘tested positive for coronavirus in April’; URL: <https://www.nottinghampost.com/news/uk-world-news/prince-william-tested-positive-coronavirus-4660191>; 12.11.2020).

Статистика заболеваемости и динамика распространения вируса отображается через призму нестабильности ситуации – наблюдаются попеременно сменяющие друг друга снижение и рост заболеваемости, периодически достигается недолгосрочное плато, что говорит об отсутствии четко прослеживаемой тенденции и указывает на необходимость сохранять режим самоизоляции и ограничений на передвижения внутри страны:

«Rates of coronavirus have risen across the whole of Nottinghamshire as the county prepares for Christmas - with the *largest spikes* in Gedling borough and Mansfield» (Further increase in Covid cases reported in all areas of Nottinghamshire; URL: <https://www.nottinghampost.com/news/nottingham-news/further-increase-covid-cases-reported-4821385>; 25.12.2020).

«Speaking during the weekly briefing, director for Public Health for Nottinghamshire Jonathan Gribbin said there was a “glimmer of encouragement” from the *declining case numbers* in the overall rate of coronavirus infections, but the rate showing levels of transmission across the county was of “grave concern” ... While coronavirus rates are *plateauing*, they are still much *too high*» (Huge rise in Covid hospital admissions in Nottinghamshire; URL: <https://www.nottinghampost.com/news/nottingham-news/more-1000-covid-patients-admitted-4675897>; 09.11.2020).

Вакцинация как возможное решение в сложившейся ситуации нередко отображается в свете возможных негативных последствий и побочных эффектов:

«British regulators said they have identified 30 cases of *rare blood clot* events associated with the AstraZeneca vaccine but stressed *the benefits of the jab in preventing coronavirus outweigh any risks*» (Thirty cases of rare blood clots after AstraZeneca jab; URL: <https://www.nottinghampost.com/news/uk-world-news/thirty-cases-rare-blood-clots-5258410>; 06.04.2021).

В данном примере указывается опасность использования вакцины, но внимание акцентируется на том факте, что польза превышает риски – без уточнений и статистического подтверждения. Вместо нейтрального слова ‘vaccine’ используется лексема разговорного регистра ‘jab’.

«A US pharmacist convinced the world was “crashing down” told police he tried to ruin hundreds of doses of coronavirus vaccine because he believed the shots would *mutate people’s DNA*» (US pharmacist ‘tried to ruin Covid vaccine’; URL: <https://www.nottinghampost.com/news/uk-world-news/pharmacist-tried-ruin-covid-vaccine-4855245>; 10.01.2021).

С другой стороны – масштабность и серьезность эпидемии, а также нависающая угроза очередной вспышки заболеваемости делают вакцинирование едва ли не единственным оружием в борьбе с вирусом ('to pin hopes on the coronavirus vaccines'):

«The vaccination drive has been given renewed *emphasis amid warnings of another flurry of coronavirus cases in the summer*» (Boris Johnson faces grilling today over handling of pandemic; URL: <https://www.nottinghampost.com/news/uk-world-news/boris-johnson-faces-grilling-today-5220445>; 24.03.2021).

Органы системы здравоохранения в регионе отображаются в свете действий, направленных на снижения заболеваемости, подчеркивается важность профилактических и превентивных мер – тестирования в больницах и других общедоступных местах, статистики после проведения всеобщего тестирования жителей города:

«To deliver fast access to *coronavirus testing on campus*, two NHS walk-in testing stations are based on University Park Campus and Jubilee Campus. Appointments are bookable online and facilities are open to staff, students and members of the local community» (Covid cases at the University of Nottingham continue to fall significantly; URL: <https://www.nottinghampost.com/news/nottingham-news/covid-cases-university-nottingham-continue-4685830>; 11.11.2020).

В публикациях подчеркивается рост нагрузки на лечебные заведения, масштабность предпринимаемых усилий, которых, тем не менее, недостаточно в сложившейся ситуации:

«England is one week into a national lockdown and coronavirus continues to “circulate widely” across the county, the county’s Director of Public Health said, which translates to *pressures on local services and the economy*» (Covid-19 cases ‘leveling off’ in parts of Nottinghamshire – but ‘more needs to be done’, URL: <https://www.nottinghampost.com/news/nottingham-news/covid-19-cases-levelling-off-4698480>; 13.11.2020).

«It also gives rise to “*severe pressures*” in care homes and hospitals in the county, Jonathan Gribbin explained during his latest update» (Covid-19 cases ‘leveling off’ in parts of Nottinghamshire – but ‘more needs to be done’, URL: <https://www.nottinghampost.com/news/nottingham-news/covid-19-cases-levelling-off-4698480>; 13.11.2020).

Таким образом, фреймирование эпидемии в рамках поля «Медицина» представляет рассматриваемый феномен в контексте нестабильности, непредсказуемости, недостаточности текущих мер. Работа органов здравоохранения оценивается как напряженная, но недостаточная.

Весомая роль отведена фреймированию эпидемии через призму закона (24,5 %) с акцентом на факте нарушения требований, личной ответственности каждого жителя, наказании за несоблюдение установленного режима. Фрейм «Закон» представлен такими слотами, как «Факт нарушения», «Ограничительные меры», «Наказание, юридическая ответственность».

Факт нарушения обозначается как общим указанием на несоблюдение требований ('to contravene the coronavirus requirements', 'to breach coronavirus restrictions'), так и более конкретным описанием действий – к примеру, предоставление поддельной справки об отсутствии коронавирусной инфекции с целью пересечение границы страны ('trying to enter the UK each day with ‘fake’ certificates showing recent negative coronavirus tests'). Статистически, большинство жителей региона ответственно и четко выполняют требования, тем самым обеспечивая свой вклад в борьбу с пандемией коронавируса:

«Although sadly a minority of people are choosing not to adhere to the regulations, I’d like to thank *the vast majority of the public who are following the rules and helping to stop the spread coronavirus*» (Dispersal order in place in parts of Beeston; URL: <https://www.nottinghampost.com/news/nottingham-news/dispersal-order-place-parts-beeston-4678756>; 09.11.2020).

Использование таких эпитетов, как 'stringent', 'tough', 'robust' подчеркивает строгость мер, направленных на снижение заболеваемости ('stringent restrictions', 'tough new

coronavirus quarantine rules’). К нарушителям общественного порядка и установленных законом ограничений применяются строгие меры:

«A Government spokesperson said: “We introduced *robust border controls* to stop coronavirus variants in their tracks and *every essential check* we’ve introduced for arrivals has *strengthened our defences* against new mutations”» (Foreign holidays this summer should be discouraged; URL: <https://www.nottinghampost.com/news/uk-world-news/foreign-holidays-summer-should-be-discouraged-5369437>; 03.05.2021).

Особое внимание уделяется юридической ответственности и наказанию, предусмотренному законом за невыполнение требований. Указывается количество нарушений и, соответственно, случаев применения наказания:

«The *number of fines* handed out to people breaching coronavirus restrictions has been revealed... According to the National Police Chief’s Council (NPCC), a total of 20,233 fixed *penalty notices* were handed out across England and Wales between March 27 and October 19» (The number of fines handed out for coronavirus rule; URL: <https://www.nottinghampost.com/news/local-news/number-fines-handed-out-coronavirus-4664300>; 09.11.2020).

Чуть реже (18,3 % контекстов) эпидемия позиционируется в свете изменений в функционировании социальных институтов и предприятий (образовательные учреждения, общественный транспорт, проведение массовых предприятий), а также новых реалий ежедневной рутины и жизненного уклада, включая психологические последствия таких изменений. Прежде всего, отмечается, что жизненные условия в целом изменились. Происходит переоценка приоритетов (‘reassessing priorities in life due to the pandemic’), меняется режим трудовой деятельности (‘trend towards homeworking’), растет популярность определенных хобби и занятий в свободное время (‘a surge in online gambling’), увеличивается нагрузка на психику (‘mental health crisis’).

Последствия эпидемии особенно очевидны при рассмотрении отдельных особенно уязвимых социальных групп, а именно бездомных:

«The coronavirus pandemic has completely changed life as we know it, but *Nottingham’s homeless community* are among those who have been hit the hardest» (The true impact of coronavirus in Nottingham’s homeless; URL: <https://www.nottinghampost.com/news/nottingham-news/true-impact-coronavirus-nottinghams-homeless-4725410>; 22.11.2020).

Подчеркивается влияние пандемии на работу предприятий различных отраслей. Среди таковых отдельно выделяется сфера общественного транспорта:

«Nottingham’s *tram operator* has had to overcome difficult challenges throughout the coronavirus pandemic – including *managing hoards of people* queueing up in the wake of the 10pm pub curfew. Head of operations Mike Mabey spoke about how the company has *kept services running* – and why he thinks *passenger travel habits may change in the future*» (The coronavirus pandemic through the eyes of Nottingham; URL: <https://www.nottinghampost.com/news/coronavirus-pandemic-through-eyes-nottingham-4810618>; 31.12.2020).

Компании, занимающиеся пассажирскими перевозками, были вынуждены приспособливаться к новым условиям повышенной нагрузки. Фреймирование указывает на успешность трансформаций.

Образовательным учреждениям также пришлось искать пути сохранения максимально возможной эффективности обучения в условиях новой реальности:

«At the start of the first lockdown in March, the decision was taken *to move all teaching online* for the rest of the the 2019/20 academic year to mitigate the spread of coronavirus. When term restarted in the autumn, it was announced that online teaching would continue in a “*blended-approach*” where students would have face-to-face seminars and tutorials when this could not be avoided» (How Nottingham’s universities changed as a result of Covid; URL: <https://www.nottinghampost.com/news/nottingham-news/how-nottinghams-universities-changed-result-4775306>; 27.12.2020).

Гостиничный и туристический бизнес, индустрия гостеприимства в целом подвержены влиянию ограничений в первую очередь:

«Detective Sergeant Andy Hall, who is investigating the incidents, said: “We all know that *hospitality businesses are some of the hardest hit by the coronavirus pandemic*, so the last thing they need is to be targeted by criminals”» (Nottingham bar has £7,000 of ‘specialist alcohol’ stolen; URL: <https://www.nottinghampost.com/news/local-news/chapel-bar-nottingham-olivias-townhouse-4747070>; 04.12.2020).

С отменой празднований и массовых мероприятия изменился облик города, люди выбирают другие доступные способы проведения свободного времени в период новогодних и рождественских праздников:

«Nottingham on New Year’s Eve is typically pulsing with vibrant music and the explosive reverberations of fireworks, but *this year the scenes on the streets look set to be vastly different amid the coronavirus pandemic*. # Last year, Nottingham saw in the New Year with a street party and fireworks display in Old Market Square, a far-cry from the celebrations which many will be partaking in this year. # No doubt many people *hunkered down in their homes with a bottle (or two) of their favourite drink*, with Tier 4 restrictions now in place upon rising infection rates across most of the UK» (Live updates from the city as Nottingham marks the end of 2020; URL: <https://www.nottinghampost.com/news/local-news/live-updates-city-nottingham-marks-4846407> 31.12.2020).

Период коронавирусных ограничений метафорически описывается как «размытые дни» (*‘blurdays’*). Внимание акцентируется на психологических эффектах и влиянии эпидемии на восприятие базовых концептов, таких как течение времени:

«This is backed up by research I conducted in April, which explored how the early months of the coronavirus pandemic had *affected people’s experiences of the passage of time*. Of particular interest was how quickly time felt like it was passing during lockdown in comparison to “normal” (that long-ago time before lockdown)» (A year of blurdays: How coronavirus distorted our sense of time; URL: <https://www.nottinghampost.com/news/uk-world-news/year-blurdays-how-coronavirus-distorted-4837520>; 28.12.2020).

В рамках изменений, с которыми столкнулись все без исключения жители региона, продуктивным является фреймирование ситуации с акцентом на сотрудничество, важность совместных усилий (*‘we are going to continue needing your ongoing help with that’, ‘our collective fight’*), личной ответственности каждого (*‘a level of personal responsibility’, ‘we all have our part to play’*), поддержке (*‘provide the best support to people throughout this pandemic’, ‘how to best support people’*), осуждении нарушителей ограничений (*‘but a minority of the public have still chosen to put others at risk through their behaviour’*), которые подвергают опасности не только себя, но и всех окружающих.

Фрейм «Экономика» реализуется в 10,2 % контекстов. С финансовыми последствиями эпидемии столкнулись как компании и сфера бизнеса в целом, так и отдельные граждане (физические лица) – *‘sales plummeted’, ‘transactions plunged by 43 per cent’, ‘a huge funding shortfall’, ‘a 95 percent year-on-year cut on revenues’, ‘income cuts’, ‘problems facing the economy because of the coronavirus crisis’, ‘to expect shortages’*. Люди в свете нависшей угрозы и неопределенности ситуации пытаются обезопасить финансовое будущее своих близких, распорядившись судьбой своего имущества с помощью завещания:

«There has been a massive hike in the number of *people making a will* since the start of the coronavirus pandemic» (More people making a will since start of Covid pandemic; URL: <https://www.nottinghampost.com/news/uk-world-news/more-people-making-start-covid-4876213>; 11.01.2021).

Фрейм «Финансы» эксплицируется в контексте потери денег, невозможности полного возврата вложенных средств (покупки авиабилетов, билетов на мероприятия):

«Customers were urged to accept vouchers instead of immediate cash refunds when the majority of flights were cancelled following the outbreak of Covid-19» (Passengers could lose ‘hundreds of pounds’ in airline; URL: <https://www.nottinghampost.com/news/uk-world-news/passengers-could-lose-hundreds-pounds-46821777>; 09.11.2020).

Страх перед будущим, наполненным неопределенностью, долгосрочные последствия пандемии передаются посредством сценария, согласно которому экономическое бремя по устранению последствий локдауна придется на будущие поколения. Катастрофичность и разрушительное влияние на экономику региона подчеркивает использование стилистически окрашенного прилагательного ‘humongous’ («огромный», «чудовищных размеров») для описания размеров долга, образовавшегося в результате эпидемии:

«The economic burden of the coronavirus lockdowns and other restrictions will be borne by the next generation, a Treasury minister has acknowledged» (Burden of “humongous” coronavirus debt will fall on next generations; URL: <https://www.nottinghampost.com/news/uk-world-news/burden-humongous-coronavirus-debt-fall-4688685>; 11.11.2020).

Метафорические фреймы эпидемии репрезентуются посредством антропоморфной метафоры, с такими типичными слотами, как «Физиологические процессы» (‘passengers lose hundreds of pounds in airline’) и «Нанесение вреда организму» (‘...the whole travel sector being crippled by the coronavirus crisis’), которые используются преимущественно для вербализации экономических последствий. Образное фреймирование также реализуется через метафору с такими сферами-источниками, как «Торговые отношения» (‘to import coronavirus variants from other countries’), «Механизм» (‘to throttle economic growth’), «Война» (‘for international research projects assisting the fight against the virus’, ‘callous and invisible enemy’, ‘fighting in the dark’), «Природная стихия» (‘Covid could reignite’). Метафорическое фреймирование феномена эпидемии подчеркивает опасность и неконтролируемость ситуации, острое противостояние человека вирусу, создает образ механического препятствия, помехи на пути экономического развития, а также «товара», который можно «импортировать» из другой страны, что подчеркивает важность ограничений на международные передвижения.

Общая тональность фреймирования эпидемии в местном издании Nottingham Post позволяет говорить о тревожности и непредсказуемости ситуации, первостепенности слаженной работы государственных учреждений и социальных институтов, взаимной поддержки. Усилия органов городского управления оцениваются как масштабные, но, тем не менее, недостаточные. Особо подчеркивается ответственность каждого члена социума. На первое место выходит страх перед эпидемией, связанный с негативными последствиями для здоровья и угрозой жизни человека.

Список литературы

1. Пономарев, Н. Ф. Коммуникационный менеджмент власти. Институциональные теории и дискурсивные практики : учебное пособие / Н. Ф. Пономарев. – М. : Флинта, 2016. – 128 с. – Текст : непосредственный.
2. Boydston, A. E. Tracking the Development of Media Frames within and across Policy Issues / A. E. Boydston, D. Card, J. Gross, P. Resnick, N. A. Smith // APSA 2014 Annual Meeting Paper. – 2014. – Текст : электронный. – URL : <https://scholar.google.com/citations?user=wTcD0lQAAAAJ&hl=en> (дата обращения: 10.04.2021).
3. Burgers, C. Figurative framing shaping public discourse through metaphor, hyperbole and irony / C. Burgers, E. A. Konijn, G. J. Steen. – Текст : непосредственный // Communication theory. – № 26. – 2016. – P. 410–430.
4. Gui, L. Media Framing of Fighting COVID-19 in China / L. Gui. – Текст : электронный // Sociology of Health & Illness. – 2021. – URL : <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/1467-9566.13271> (дата обращения: 25.04.2021).

5. Jia, L. Distance makes the metaphor grow stronger: A psychological distance model of metaphor use / L. Jia, E. R. Smith. – Текст : непосредственный // *Journal of Experimental Social Psychology*. – № 49. – 2013. – P. 492–497.
6. Lundahl, O. Media framing of social media addiction in the UK and the US / O. Lundahl. – Текст : электронный // *International Journal of Consumer Studies*. – 2020. – URL: <https://doi.org/10.1111/ijcs.12636> (дата обращения: 10.04.2021).
7. Olsen, M. S. Media framing of aquaculture / M. S. Olsen, T. C. Osmundsen. – Текст : электронный // *Marine Policy*. – № 76. – 2017. – URL: https://www.researchgate.net/publication/310600055_Media_framing_of_aquaculture (дата обращения: 10.04.2021).
8. Scheufele, D. A. (1999). Framing as a Theory of Media Effects / D. A. Scheufele. – Текст : электронный // *Journal of Communication*. – № 49 (1). – 1999. – URL: https://www.researchgate.net/publication/209409815_Framing_As_a_Theory_of_Media_Effects (дата обращения: 10.05.2021).
9. Scheufele, D. A. The State of Framing Research: A Call for New Directions / D. A. Scheufele, Sh. Yiengar. – Текст : электронный // *The Oxford Handbook of Political Communication* / Edited by Kate Kenski and Kathleen Hall Jamieson. – Oxford University Press, 2014. – URL : https://www.researchgate.net/publication/224818492_The_state_of_framing_research_A_call_for_new_directions (дата обращения: 05.05.2021).
10. Syam, H. M. Ideology and Media Framing: Stigmatisation of LGBT in Media Coverage in Indonesia / H. M. Syam, N. Anisah, R. Saleh, M. A. Lingga. – Текст : электронный // *Jurnal Komunikasi: Malaysian Journal of Communication*. – № 37(1). – 2021. – URL: https://www.researchgate.net/publication/350550263_Ideology_and_Media_Framing_Stigmatisation_of_LGBT_in_Media_Coverage_in_Indonesia (дата обращения: 15.04.2021).
11. Thibodeau, P. H. Metaphors we think with: The role of metaphor in reasoning / P. H. Thibodeau, L. Boroditsky. – Текст : электронный // *PLOS One*. – № 6 (2). – 2011. – URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0016782> (дата обращения: 01.05.2021).
12. Van Stee, S. K. Meta-analysis of the persuasive effects of metaphorical vs. literal messages / S. K. Van Stee. – Текст : непосредственный // *Communication studies*. – № 69 (5). – 2018. – P. 545–566.
13. Yahya, I. P. (2019). Media Framing vs Framing by Politicians / I. P. Yahya. – Текст : электронный // *Jurnal Studi Pemerintahan*. – № 10 (1). – 2019. – URL : https://www.researchgate.net/publication/333240942_Media_Framing_and_Framing_by_Politicians (дата обращения: 18.04.2021).

MEDIA FRAMING OF PANDEMIC IN THE LIGHT OF SOCIAL AND ECONOMIC IMPACT ON THE CITY

O. V. Rykova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, olga.pribylova@mail.ru

*The research was funded by RFBR and Chelyabinsk Region,
project number 20-412-740004*

The article is devoted to the study of media framing of social and economic consequences of pandemic by as exemplified by the COVID-19 virus pandemic. It is important to understand how the reality faced by the vast majority of the planet's population is modeled in people's minds. The relevance of the research stems from the importance of understanding the process of purposeful structuring of reality in the minds of the masses. This study analyzes how the

inherent narrative component of mass media influences the framing of certain aspects of reality. Framing effects refer to communication effects that are not related to differences in what is communicated, but rather to differences in how a given piece of information is presented (or framed) in public discourse. Mass media are an important source of information whose role in public health emergencies deserves close attention. In this study, we aim to explore how the media framing of the COVID-19 pandemic is related to the mass media and government response, as well as the impact it may have on the public response, by using the local periodical of Nottingham, UK as a case study. The study explicates the peculiarities of different types of framing – figurative (metaphorical) and literal. Metaphorical frames of the pandemic consequences include anthropomorphic, mechanistic, militaristic, economic metaphors, as well as metaphors of natural elements. Literal framing is realized by means of scenarios including medical, economic and legal aspects, as well as in the framework of changes in the functioning of social institutions and enterprises.

Key words: media framing, pandemic, local media, frame, media influence.

References

1. Ponomarev, N. F. (2016). *Kommunikatsionnyi menedjment vlasti. Institucionalnye teorii i diskursivnye praktiki* [Communicative management of power. Institutional theories and discursive practices]. Moscow, Flinta, 128 p. (in Russ.).
2. Boydston, A. E., Card, D., Gross, J., Resnick, P. and Smith, N. A. (2014). Tracking the Development of Media Frames within and across Policy Issues. *APSA 2014 Annual Meeting Paper*, available at: <https://scholar.google.com/citations?user=wTcD0lQAAAAJ&hl=en>, accessed 10.04.2021.
3. Burgers, C., Konijn, E. A. and Steen, G. J. (2016). Figurative framing shaping public discourse through metaphor, hyperbole and irony. *Communication theory*, 26, pp. 410–430.
4. Gui, L. (2021). Media Framing of Fighting COVID-19 in China. *Sociology of Health & Illness*, available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/1467-9566.13271>, accessed 25.04.2021.
5. Jia, L. and Smith, E. R. (2013). Distance makes the metaphor grow stronger: A psychological distance model of metaphor use. *Journal of Experimental Social Psychology*, 49, pp. 492–497.
6. Lundahl, O. (2020). Media framing of social media addiction in the UK and the US. *International Journal of Consumer Studies*, available at: <https://doi.org/10.1111/ijcs.12636> (accessed 10.04.2021).
7. Olsen, M. S. and Osmundsen, T. C. (2017). Media framing of aquaculture. *Marine Policy*, 76, available at: https://www.researchgate.net/publication/310600055_Media_framing_of_aquaculture, accessed 10.04.2021.
8. Scheufele, D. A. (1999). Framing as a Theory of Media Effects. *Journal of Communication*, 49 (1), available at: https://www.researchgate.net/publication/209409815_Framing_As_a_Theory_of_Media_Effects, accessed 10.05.2021.
9. Scheufele, D. A. and Yiengar, Sh. (2014). The State of Framing Research: A Call for New Directions. *The Oxford Handbook of Political Communication*. Edited by Kate Kenski and Kathleen Hall Jamieson. Oxford University Press, available at: https://www.researchgate.net/publication/224818492_The_state_of_framing_research_A_call_for_new_directions, accessed 05.05.2021.
10. Syam, H. M., Anisah, N., Saleh, R. and Lingga, M. A. (2021). Ideology and Media Framing: Stigmatisation of LGBT in Media Coverage in Indonesia. *Jurnal Komunikasi: Malaysian Journal of Communication*, 37 (1), available at: <https://www.researchgate.net/>

publication/350550263_Ideology_and_Media_Framing_Stigmatisation_of_LGBT_in_Media_Coverage_in_Indonesia, accessed 15.04.2021.

11. Thibodeau, P. H. and Boroditsky, L. (2011). Metaphors we think with: The role of metaphor in reasoning. *PLOS One*, 6 (2), available at: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0016782>, accessed 01.05.2021.

12. Van Stee, S. K. (2018). Meta-analysis of the persuasive effects of metaphorical vs. literal messages. *Communication studies*, 69 (5), pp. 545–566.

13. Yahya, I. P. (2019). Media Framing vs Framing by Politicians. *Jurnal Studi Pemerintahan*, 10 (1), available at: https://www.researchgate.net/publication/333240942_Media_Framing_and_Framing_by_Politicians, accessed 18.04.2021.

Рыкова Ольга Викторовна – доцент, кандидат филологических наук, Челябинский государственный университет.
olga.pribylova@mail.ru

УДК 070+ 316.472.4

DOI: 10.47475/1999-5407-2021-10208

ОСОБЕННОСТИ СПОРТИВНОГО ОНЛАЙН-РЕПОРТАЖА В СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ПАБЛИКАХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ МОРДОВИИ (НА ПРИМЕРЕ СООБЩЕСТВА «ФУТБОЛ МОРДОВИИ»)

Е. А. Сафонов, М. А. Кузьмина

Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева, Саранск

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся проблемы освещения спортивных событий регионального масштаба. Дается подробная характеристика и анализ специфических особенностей онлайн-репортажа в специализированных пабликах Республики Мордовия, а также предлагаются способы вовлеченности аудитории. В качестве изучаемого объекта взяты материалы сообщества «Футбол Мордовии», размещенного в социальной сети «ВКонтакте».

Ключевые слова: онлайн-репортаж, спортивная журналистика, «ВКонтакте», «Футбол Мордовии», особенности, Евгений Сулейманов.

Как известно, спортивный онлайн-репортаж возник совсем недавно. Это говорит о том, что современная журналистика продолжает стремительно развиваться, занимаясь поиском более интересных форм подачи материала. Вместе с этим на просторах Интернета активно создаются специальные ресурсы, посвященные онлайн-репортажу, а также мобильные приложения, пользующиеся большим спросом у пользователей AppStore, GooglePlay и др.

Отличным примером может послужить российский интернет-ресурс – FlashScore, освещающий практически все виды спорта. Именно он является одним из популярнейших поставщиков достоверной информации о спортивных событиях на территории Российской Федерации [7. С. 953].

Стоит отметить, что появление такого жанра, как онлайн-репортаж существенно повлияло на развитие региональной спортивной журналистики. Многие районы Российской Федерации с любительскими или профессиональными командами сталкиваются с одной и той же проблемой - невозможностью освещения спортивных событий. Виной этому могут послужить следующие причины.

Во-первых – нехватка ресурсов. Это связано с тем, что руководство региона или клуба не выделяет деньги на профессиональных пресс-атташе. Отсюда и возникают проблемы с информацией, которая, к сожалению, не доходит до аудитории.

Во-вторых – дилетантизм журналистов. Уровень подготовки специалистов в регионах страны, как правило, достаточно низкий. Особенно, если это касается спортивной журналистики, т.к. в большинстве высших учебных заведениях данное направление подготовки отсутствует.

В-третьих - потеря интереса. О каком полноценном освещении спортивных событий может идти речь, если команда постоянно терпит поражения? У населения автоматически пропадает интерес, трибуны пустеют, а СМИ обходят стадионы стороной.

В настоящее время спортивные события высшего уровня формируют социокультурные представления и стереотипы, как отдельных слоев населения, так и целых поколений. Они становятся медийным продуктом, который существует в виде последовательности медийных событий [1. С. 1].

Вследствие чего, на современном этапе особое внимание к себе привлек спортивный онлайн-репортаж. Он представляет собой текстовую форму репортажа, в котором

подробно описываются моменты, происходящие на поле в прямом эфире. Именно этот жанр является подходящей формой передачи информации в малоразвитых регионах нашей страны.

Отличным примером развития и применения на практике спортивного онлайн-репортажа может послужить сообщество «Футбол Мордовии», созданное в социальной сети «ВКонтакте». Это информационный партнер Федерации футбола Республики Мордовия и Межрегионального центра подготовки юных футболистов Приволжья «Мордовия».

Как известно, профессиональный футбольный клуб «Мордовия» прекратил свое существование, поэтому все внимание приковано к любительскому спорту. Чаще всего на страницах сообщества публикуются онлайн-репортажи матчей 3-го российского дивизиона, республиканских турниров (Radisson Congress Center Saransk Чемпионат Мордовии по футболу, чемпионат Мордовии среди ветеранов, AGAT Group Кубок Мордовии), выезды юношеских команд на всероссийские соревнования, а также новости об успехах воспитанников мордовского футбола.

Современный спорт сочетает лучшее из того, что человечество достигло за время своего развития и существования [8, С. 19].

Рассматривая онлайн-репортажи специализированного паблика «Футбол Мордовии» можно выделить несколько специфических особенностей:

1 Афиша. Как правило, любое спортивное событие требует качественного освещения со стороны СМИ, но, перед этим, необходима публикация предматчевой афиши. В нее обязана входить информация о времени, командах, составах, судейской бригаде и стадионе, на котором должен состояться футбольный матч;

Спортивные журналисты, как и любые другие журналисты, должны изучать историю отображаемого спортивного процесса или явления, а не просто полагаться на информацию, полученную в спортивном штабе, организации, команде или от информационного агентства [10. С. 66].

2. Фоторепортаж. Для создания «эффекта присутствия» в онлайн-репортаже, стоит насыщать его снимками футболистов, трибун и ключевых моментов игры;

3. Футбольный лексикон. У каждого вида спорта существует своя собственная терминология. Именно специальные слова помогают журналистам сделать из обычного текста полноценный и красочный спортивный онлайн-репортаж. Отличными примерами могут послужить следующие термины: «арбитр» - главный судья матча, «голкипер» - вратарь, «корнер» - угловой удар, «экстра-тайм» - дополнительное время и т.д.;

4. Доступность и оперативность.

Язык футбола можно разделить на следующие составляющие: узкоспециализированные термины, термины широкой сферы употребления, жаргон, футбольные афоризмы и поговорки. При этом стоит отметить, что обогащение языка футбола теми или иными лексическими единицами происходило неравномерно, что было обусловлено колебаниями уровня интереса к футболу со стороны болельщиков, а также некоторыми социальными и даже политическими факторами [5. С. 48].

Все вышеперечисленные особенности можно встретить в онлайн-репортажах специализированного паблика «Футбол Мордовии», который с каждым днем становится популярнее не только среди мордовской аудитории, но и других регионов Поволжья. За работой спортивных журналистов сообщества следят жители таких городов, как: Тольятти, Вурнары, Каменка, Ижевск, Энгельс, Ульяновск и др.

От автора репортажа зависит, в какой очередности будут излагаться детали, какие картины действительности будут представлены наиболее зримо, какова будет сюжетно-композиционная структура материала [6. С. 235].

Из этого следует, что интернет-ресурс «Футбол Мордовии», функционируя на высшем уровне, оперативно обеспечивает аудиторию достоверной информацией в режиме – LIVE. Просматривая спортивные репортажи, зритель имеет прекрасную возможность воссоздать в своем подсознании происходящее на футбольном поле.

Спортивной журналистике знакомы и доступны практически все современные жанры. Традиционно жанровая палитра в спортивной прессе и особенно в газетной периодике по преимуществу ориентирована на информационные жанры, где важны оперативность, точность, компактность, хотя, безусловно, и не ограничивается ими [2. С. 62].

Необходимо отметить, что ведущим корреспондентом сообщества «Футбол Мордовии» является Евгений Альбертович Сулейманов. Его профессиональный творческий путь начался в июле 2002 года с еженедельник «Аргументы и факты – Мордовия». До сентября 2003 он являлся внештатным корреспондентом. В этом же году, но в октябре, он начал свою трудовую деятельность в еженедельнике «Вечерний Саранск», где проработал в качестве корреспондента отдела спорта до февраля 2004 года. Затем перешел в газету «Республика Молодая» в качестве спортивного обозревателя, где проработал до февраля 2005 года. Начиная с марта 2005 года и по сей день работает на должности редактора отдела спорта еженедельника «Вечерний Саранск». Кроме занятости в газете, с февраля 2012 по июль 2017 года, известный журналист работал специалистом пресс-службы ФК «Мордовия». Если рассматривать творчество Евгения Сулейманова за все время работы в еженедельнике «Вечерний Саранск», то на его счету свыше трех тысяч спортивных полос [3. С. 4].

Сам специализированный паблик «Футбол Мордовии» начал свою профессиональную деятельность 1 августа 2015 года. В это время активно освещались республиканские и детско-юношеские соревнования. Постепенно информация о создании данного ресурса расходилась в кругах футболистов, тренеров и тех, кому небезразличен мордовский футбол. К тому же, огромный вклад в популяризацию паблика внес Евгений Сулейманов, который своими обзорами и репортажами привлекал новую аудиторию.

На сегодняшний день спортивная деятельность стала неотъемлемой частью общественной жизни, формируя значительную долю новостного и развлекательного контента [4. С. 520].

Таким образом, современная спортивная журналистика, стремительно развиваясь, открыла для себя новый способ передачи информации – онлайн-репортаж, который, в свою очередь, существенно повлиял на региональную журналистику. Это говорит о том, что людям больше неинтересны статистические данные, заполняющие целые страницы газет и журналов. Человечество развивается, создаются новые ресурсы, облегчающие восприятие информации.

Спортивная статья сегодня не является ведущим жанром спортивного дискурса СМИ, так как болельщикам, в первую очередь, интересен сам процесс игры, которая лежит в основе спорта как сферы деятельности, поэтому их больше привлекает репортаж непосредственно с места события, чем последующий письменный анализ на страницах печати [9. С. 235].

Спортивный онлайн-репортаж – это самый простой и экономичный метод освещения спортивных событий в режиме – LIVE. К тому же, он имеет несколько отличительных особенностей – оперативность, доступность, афишизация, фоторепортаж и футбольный сленг.

Список литературы

1. Алексеев, Е. Г. Звучащий спортивный репортаж как жанр / Е. Г. Алексеев. – Текст : электронный // Огарев-online. – 2017. – № 10. – URL: <http://journal.mrsu.ru/arts/zvuchashhij-sportivnyj-reportazh-kak-zhanr> (дата обращения: 22.06.2021).

2. Алексеев, К. А. Основы спортивной журналистики: учеб. пособие для студентов вузов / К. А. Алексеев, С. Н. Ильченко. – М. : Изд-во «Аспект Пресс», 2016. – 240 с. – Текст : непосредственный.
3. Грызунова, А. С. Творчество корреспондента Евгения Сулейманова в аспекте спортивной журналистики Республики Мордовия / А. С. Грызунова. – Текст : электронный // Огарев-online. – 2018. – № 3. – URL: <http://journal.mrsu.ru/arts/tvorchestvo-korrespondenta-evgeniya-sulejmanova-v-aspekte-sportivnoj-zhurnalistiki-respubliki-mordoviya> (дата обращения: 22.06.2021).
4. Данилова, М. Н. Спорт как медиакommunikационный феномен / М. Н. Данилова. – Текст : непосредственный // Вопросы теории и практики журналистики. – Т. 7. – № 3. – 2018. – С. 519–538.
5. Кашин, М. Ю. Язык футбола: основные этапы формирования / М. Ю. Кашин. – Текст : непосредственный // Вестник Новгородского государственного университета. – 2009. – № 52. – С. 46–49.
6. Несын, Е. Н. Проблемы изучения истории и теории жанра репортажа / Е. Н. Несын. – Текст : непосредственный // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2010. – № 66. – С. 233–240.
7. Сафонов, Е. А. Специфические особенности онлайн-репортажа в спортивной журналистике / Е. А. Сафонов. – Текст : электронный // СНК-2020. Материалы Юбилейной LXXX открытой международной студенческой научной конференции Московского Политеха. Москва. 2020. – С. 952–954. – URL: http://snto.mospolytech.ru/files/Sbornik_SNK_2020_fin.pdf (дата обращения: 22.06.2021).
8. Силкин, В. В. Развитие спортивной журналистики в России: история и современность / В. В. Силкин, А. Ю. Суворова. – Текст : непосредственный // Коммуникология. – 2018. – Том № 6. – № 5. – С. 15–23.
9. Шарафутдинова, С. В. Спортивная аналитическая статья как жанр дискурса СМИ / С. В. Шарафутдинова. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 34 (172). – С. 141–144.
10. Шарков, Ф. И. Спортивная журналистика в системе современной медиакommunikации / Ф. И. Шарков, В. В. Силкин, Р. А. Лайшев. – Текст : непосредственный // Коммуникология. – 2018. – Т. 6. – № 4. – С. 60–75.

FEATURES OF ONLINE SPORTS REPORTING IN SPECIALIZED PUBLIC SOCIAL NETWORKS OF MORDOVIA (USING THE EXAMPLE OF THE “FOOTBALL OF MORDOVIA” COMMUNITY)

E. A. Safonov

Mordovian State University named after N. P. Ogarev, Saransk, evgeny_saf70@mail.ru

M. A. Kuzmina

*Mordovian State University named after N. P. Ogarev, Saransk,
the.marina.kuzmina@gmail.ru*

The article addresses issues related to the problem of coverage of regional sports events. A detailed description and analysis of the specific features of online reporting in the specialized public of the Republic of Mordovia is given, as well as ways of audience engagement are proposed. The materials of the Football of Mordovia community, posted on the Vkontakte social network, were taken as the studied object.

Key words: online reporting, sports journalism, Vkontakte, «Football of Mordovia», features, Evgeny Suleymanov.

References

1. Alekseev, E. G. (2017). *Zvuchaschiy sportivnyiy reportazh kak zhanr* [Sounding sports report as a genre]. *Ogarev-online*, 10, available at: <http://journal.mrsu.ru/arts/zvuchashhij-sportivnyj-reportazh-kak-zhanr>, accessed 22.06.2021 (in Russ.).
2. Alekseev, K. A., Ilchenko, S. N. (2016). *Osnovyi sportivnoy zhurnalistiki: ucheb. posobie dlya studentov vuzov* [Fundamentals of sports journalism: text. manual for university students], Moscow, Publishing House “Aspect Press”, 240 p. (in Russ.).
3. Gryzunova, A. S. (2018). *Tvorchestvo korrespondenta Evgeniya Suleymanova v aspekte sportivnoy zhurnalistiki Respubliki Mordoviya* [The work of correspondent Yevgeny Suleymanov in the aspect of sports journalism of the Republic of Mordovia]. *Ogarev-online*, 3, available at: <http://journal.mrsu.ru/arts/tvorchestvo-korrespondenta-evgeniya-sulejmanova-v-aspekte-sportivnoj-zhurnalistiki-respubliki-mordoviya>, accessed 22.06.2021 (in Russ.).
4. Danilova, M. N. (2018). *Sport kak mediakommunikatsionnyiy fenomen* [Sport as a media communication phenomenon]. *Voprosyi teorii i praktiki zhurnalistiki* [Questions of the theory and practice of journalism], 3, vol. 7, pp. 519–538 (in Russ.).
5. Kashin, M. Yu. (2009). *Yazyk futbola: osnovnyie etapyi formirovaniya* [Football language: the main stages of formation]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Novgorod State University], 52, pp. 46–49 (in Russ.).
6. Nesyn, E. N. (2010). *Problemyi izucheniya istorii i teorii zhanra reportazha* [Problems of studying the history and theory of the reporting genre]. *Vestnik Stavropolskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Stavropol State University], 66, pp. 233–240 (in Russ.).
7. Safonov, E. A. (2020). *Spetsificheskie osobennosti onlayn-reportazha v sportivnoy zhurnalistike* [Specific features of online reporting in sports journalism]. *SNK-2020. Materialy Yubileynoy LXXX otкрытой mezhdunarodnoy studencheskoy nauchnoy konferentsii Moskovskogo Politeha* [SNK-2020. Materials of the Jubilee LXXX Open International Student Scientific Conference of Moscow Polytechnic], pp. 952–954, available at: http://snto.mospolytech.ru/files/Sbornik_SNK_2020_fin.pdf, accessed 22.06.2021 (in Russ.).
8. Silkin, V. V. and Suvorova, A. Yu. (2018). *Razvitie sportivnoy zhurnalistiki v Rossii: istoriya i sovremennost* [Development of sports journalism in Russia: history and modernity]. *Kommunikologiya* [Communicology], 5, vol. 6, pp. 15–23 (in Russ.).
9. Sharafutdinova, S. V. (2009). *Sportivnaya analiticheskaya statya kak zhanr diskursa SMI* [Sports analytical article as a genre of media discourse]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 34 (172), pp. 141–144 (in Russ.).
10. Sharkov, F. I., Silkin, V. V. and Laishev, R. A. (2018). *Sportivnaya zhurnalistika v sisteme sovremennoy mediakommunikatsii* [Sports journalism in the system of modern media communication]. *Kommunikologiya* [Communicology], 4, vol. 6, pp. 60–75 (in Russ.).

Сафонов Евгений Андреевич – магистрант, Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева.
evgeny_saf70@mail.ru

Кузьмина Марина Анатольевна – магистр, Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева.
the.marina.kuzmina@gmail.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 37.378

DOI: 10.47475/1999-5407-2021-10209

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЛИЧНОСТНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ХАРАКТЕРА
ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ ПОСРЕДСТВОМ МЕТОДА
«ПЕРЕВЕРНУТЫЙ КЛАСС»****К. В. Горшкова, Л. Н. Лубожьева***Челябинский государственный университет, Челябинск*

Данное исследование представляет изучение личностно ориентированного характера обучения иностранному языку в ВУЗе. В работе раскрывается понятие «личностно ориентированное обучение» и принципы данного подхода, демонстрируется метод «Перевернутый класс» как метод, имеющий основные характеристики личностно-ориентированного подхода к обучению; результаты анализа опыта применения данного метода зарубежными исследователями. Основной целью статьи является привлечение интереса отечественных педагогов к применению метода «Перевернутый класс» в вузах.

Ключевые слова: личностно ориентированный характер, метод «перевернутый класс», субъект-субъектные отношения, дистанционное обучение, принципы личностно ориентированного подхода.

В современных высших учебных заведениях иностранный язык включен в большинство программ технического и гуманитарного направления подготовки. Умение общаться на английском языке становится одним из самых важных в постоянно меняющейся реальности. Сегодня сложно стать успешным и востребованным профессионалом, не владея одним из самых главных мировых языков. На данный момент актуальной задачей теории и практики высшего образования является построение образовательного процесса на основе личностно ориентированного подхода.

Личностно-ориентированный характер обучения влияет на все компоненты системы образования и на весь учебно-воспитательный процесс в целом. По мнению Д. А. Белухина, личностно ориентированный характер обучения основывается на гуманистической направленности и «психотерапевтическом характере деятельности педагога и имеет своей целью свободное, творческое развитие личности человека». Именно такой характер обучения позволяет раскрыть весь потенциал обучающегося, способствует созданию благоприятной обучающей и воспитывающей среды. Такой характер обучения предполагает учет индивидуальности каждого обучающегося, направленность на личность и самовыражение.

Согласно исследованиям ученых, основными принципами личностно – ориентированного подхода являются следующие положения:

1. Принцип самоактуализации. Каждый обучающийся имеет потребность в актуализации своих интеллектуальных, коммуникативных, художественных и физических способностей. Важно побудить и поддержать стремление обучающихся к проявлению и развитию своих природных свойств и социально-приобретенных возможностей.

2. Принцип индивидуальности. Главная задача педагога – создание возможностей для формирования индивидуальности личности. Необходимо не только учитывать индивидуальные особенности обучающегося, но и содействовать их дальнейшему развитию.

3. Принцип субъектности. В данном случае необходимо помочь обучающемуся стать подлинным субъектом жизнедеятельности в коллективе, способствовать формированию и обогащению его субъектного опыта. Межсубъектный характер взаимодействия должен быть доминирующим в процессе воспитания и обучения.

4. Принцип выбора. Формирование индивидуальности невозможно без выбора. Логично, чтобы обучающийся жил, учился и воспитывался в условиях постоянного выбора, обладал субъектными полномочиями в выборе цели, содержания, форм и способов организации учебно-воспитательного процесса.

5. Принцип творчества и успеха. Индивидуальная и коллективная творческая деятельность позволяет определять и развивать индивидуальные особенности обучающегося и уникальность учебной группы

6. Принцип доверия и поддержки. Решительный отказ от идеологии и практики социоцентрического по направленности и авторитарного по характеру учебно-воспитательного процесса, присущего педагогике насильственного формирования личности [2].

Необходимость поставить обучающегося в центр учебного процесса, придать учебному процессу реальную практическую направленность заставляет отдавать предпочтение такому методу обучения, как «Перевернутый класс».

По мнению Т. Ю. Павельева, «Перевернутый класс» – технология, так как «студенты впервые знакомятся с новым материалом за пределами класса, как правило, через чтение или видео лекции, а затем используют время урока, чтобы сделать более трудную работу по ассимиляции этих знаний, возможно, через решение задач, обсуждение или дебаты» [9].

В определении, предложенном М. В. Ворониной, «Перевернутый класс» представлен как педагогический подход, где «обучение непосредственно переходит от пространства обучения группы к отдельному, индивидуальному пространству обучения, а конечное пространство группы преобразуется в динамичную интерактивную среду обучения, где преподаватель ведёт студентов, когда они применяют концепции и творчески участвуют в изучении предмета» [7]. Другими словами, традиционная схема обучения «переворачивается». Преподаватель больше не является центральной фигурой процесса обучения. Он становится помощником в овладении материала, даёт обучающимся возможность почувствовать собственную ответственность за учебный процесс, развить критические навыки мышления при подготовке вопросов по изученному самостоятельно материалу.

Н. А. Белашевская говорит о перевернутом классе как о модели и компоненте смешанного обучения: «Модель «Перевернутый класс» как один из компонентов современной технологии смешанного обучения (Blended Learning) используется для организации самостоятельной учебной деятельности обучающихся по освоению программного или дополнительного учебного материала». При этом «для данной модели обучения характерно чередование компонентов очного и дистанционного (электронного) обучения» [5].

О. К. Мельникова и А. А. Благовещенская в своей работе придерживается мнения, что «Перевернутый класс» – это метод и утверждают, что он «является разновидностью смешанного обучения, поскольку сочетает традиционные формы обучения с элементами электронного обучения» [8].

По мнению А. А. Вербицкого, методом обучения «называют упорядоченные способы взаимосвязанной деятельности педагога и обучающегося (обучающихся), направленной на достижение целей обучения, воспитания и развития личности субъектов» [6].

В нашем исследовании мы придерживаемся мнения О. К. Мельниковой и А. А. Благовещенской о том, что «Перевернутый класс» – это метод обучения.

При личностно-ориентированном подходе обучения иностранному языку в вузе и использовании изучаемого метода обучения создаются особые отношения между

педагогом и обучающимся, и так же между самими обучающимися, формируется многообразная обучающая и воспитывающая среда, часто с выходом за пределы учебных занятий.

Метод «Перевернутый класс» относится к явлениям гуманистического направления в педагогике. Данный метод обладает большой гибкостью и обеспечивает полную вовлеченность обучающихся в учебный процесс, в ходе которого обучающиеся учатся мыслить критично и прорабатывать поставленные передними задачи. При этом, аудиторная и внеаудиторная работа меняются местами. Обучающиеся предварительно готовятся к занятию самостоятельно вне учебного заведения – читают статьи, смотрят видео, изучают конспекты, составляют вопросы для занятия. Самым главным преимуществом является то, что каждый обучающийся уделяет столько времени на подготовку, сколько ему нужно, чтобы полностью усвоить материал.

Исходя из вышесказанного, при использовании метода «перевернутый класс» в образовательном процессе, обучающийся находится в центре обучения: аудиторные задания направлены на применение знаний, полученных дома, и выявление проблемных зон при освоении материала, позволяют студенту глубже вникнуть в изучаемую проблематику и дают возможность освоить сложный материал при поддержке преподавателя, что придает личностно-ориентированный характер данному процессу.

Рассмотрим основные характеристики метода «перевернутый класс» через призму принципов личностно-ориентированного подхода к обучению:

1. Развивается самостоятельность студентов в освоении дисциплины: внеаудиторная деятельность не только охватывает теоретические блоки материала, но и погружает в проблематику. Обучающийся становится более ответственным, так как он сам может контролировать процесс освоения материала, его скорость, процесс оценивания результатов, а значит и сам процесс обучения. Преподаватель, в свою очередь, старается поддержать обучающегося, доверяя ему осваивать материал в индивидуальном режиме. Таким образом, прослеживается один из принципов личностно-ориентированного обучения – принцип поддержки и доверия.

2. Понятие «перевернутое обучение», безусловно, не является синонимичным видео обучению онлайн, не заменяет преподавателя видео технологиями и не является дистанционным видом обучения, как и не предполагает постоянную работу студентов за компьютерами на аудиторных занятиях или изоляцию студента в процессе обучения [10]. В перевернутом обучении особое значение приобретает взаимодействие преподавателя и обучающегося, осмысленный подход к предлагаемым заданиям в процессе живого общения. Преподавателю необходимо показать обучающемуся как использовать полученные самостоятельно знания в реальных ситуациях. В связи с чем, задания, предлагаемые на аудиторных занятиях, должны охватывать все сферы жизнедеятельности обучающегося, а результаты данной деятельности должны быть применимы на практике, тем самым обогащая жизненный опыт обучающегося. В данном случае можно отметить проявление еще одного принципа личностно-ориентированного подхода – принципа субъектности.

3. Создаются предпосылки для персонализации обучения и развития творческого потенциала, прежде всего, это изучение материала, вынесенного для самостоятельной работы, в индивидуальном режиме. Но самое главное, это подбор заданий для аудиторной работы. При использовании метода «Перевернутый класс» на занятиях всегда используется групповая работа и работа в парах. Преимущество групповой работы в том, что команда включает в себя обучающихся с разным уровнем владения иностранным языком, где каждый имеет часть задания по силам, согласно своей индивидуальности, но при этом вся группа, выполняя свои задания, пытается достичь общей цели. Работая на общий результат, участники команды поддерживают и помогают друг другу. При этом,

следует отметить, что обучающийся самостоятельно выбирает часть задания, используя возможность выбора. Задания могут быть творческими, направленными на создание какого-либо продукта или связанными, например, с оформлением документации. Эти характерные особенности демонстрируют такие принципы личностно-ориентированного подхода к обучению как принцип индивидуальности, принцип выбора и принцип творчества и успеха [10].

При использовании метода «Перевернутый класс» повышается адаптивность учебного материала в различных образовательных средах с учетом индивидуальных потребностей обучающихся и создаются равные условия для обучающихся с разными навыками относительно предметно-логического мышления.

Основное преимущество метода «Перевернутый класс» при организации личностно-ориентированного обучения в вузе заключается в формировании навыков практического применения знаний и повышении мотивации к профессионально-личностному развитию. Став активными участниками образовательного процесса, обучающиеся приучаются самостоятельно получать новые знания, решая, что, каким образом и где лучше изучить [11].

Таким образом, «Перевернутый класс» – это метод обучения, в котором реализуется совместная деятельность обучающегося и педагога на основе субъект-субъектных отношениях, а организация и проведение учебной деятельности строится на основе сочетания элементов традиционного и электронного обучения. Так, например, теоретический материал изучается обучающимися дома при помощи электронных ресурсов, а практические задания выполняются на занятиях; контрольные мероприятия могут быть проведены как очно, так и дистанционно. Являясь вариацией смешанного обучения, при котором теоретический материал изучается обучающимися самостоятельно внеаудиторно, что позволяет выполнить большее количество практических заданий на закрепление изученного материала во время занятия, исследуемый метод предоставляет обучающимся некоторую автономность при обучении. Более того, это метод обучения, при котором преподаватель выступает в роли медиатора учебного процесса, а обучающийся – в роли человека, несущего ответственность за полученные результаты обучения с использованием деятельностно-конструктивистского подхода.

По результатам теоретического исследования удалось выявить, что метод «Перевернутый класс» не часто применяется в российских образовательных учреждениях. Ситуация в зарубежных колледжах и вузах прямо противоположная, о чем свидетельствуют результаты исследований зарубежных коллег [4; 5; 8; 11 и др.].

В Китае метод оказался эффективным при обучении студентов колледжей как с низким уровнем знания языка, так и с высоким. Исследования доказали, что «Перевернутый класс» способствовал включению обучающихся в работу, усилению роли обучающегося, который становится субъектом обучения практически наравне с преподавателем, развитию умения обучаться как независимо (дома), так и в команде (в аудитории) [4]. Экспериментальной группой стали 25 китайских обучающихся со знанием языка на уровне low-intermediate одного из китайских профессиональных колледжей. В конце каждого занятия студентам открывался доступ к учебным материалам для предстоящего занятия. Перед ним обучающиеся обменивались идеями, пытались обсудить непонятные моменты. Во время занятия преподаватель оценивал домашнюю работу обучающихся, задавая им вопросы, связанные с материалом, который должен был быть изучен. Затем обучающимся предстояло применить все новые знания на практике, выполняя ряд коммуникативных задач, включающих ролевые игры, ситуационные диалоги или краткие монологи. Чтобы оценить эффективность метода в повышении учебной мотивации и совершенствовании разговорного английского языка обучающихся, были проведены устный и письменный опросы, а также тест на определение уровня речевого общения на английском языке. В данном случае «Перевернутый класс» мотивировал обучающихся

проводить больше времени и прилагать больше усилий на подготовку к каждому занятию. Метод также предоставил возможности для обсуждения различных вопросов обучающихся как дома, при подготовке к занятию, так и в аудитории. Кроме того, метод способствовал кооперативному изучению английского языка. Обучающиеся сплочённо работали над новым материалом, помогая друг другу понять его как можно лучше. Результаты также информируют нас о том, что студенты стали более вовлечёнными в различные коммуникативные задания. Обучающиеся, кроме того, оказались более активными во время занятий. Подводя итог китайскому описанию опыта внедрения метода «Перевернутый класс» в процесс обучения иностранному языку, хотелось бы подчеркнуть, что метод активизирует личностно-ориентированный подход, трансформируя обучающихся в «независимых наставников своего собственного обучения» [4].

Далее обратимся к опыту Иранских исследователей, которые использовали платформу «Telegram» при внедрении метода «Перевернутый класс» в свою работу. Целью эксперимента стало наблюдение за развитием навыков аудирования и устной коммуникации у обучающихся. Отметим, что в отличие от китайского эксперимента группы было две – экспериментальная и контрольная. В начале исследования были проведены тесты с целью контроля за прогрессом или его отсутствием. Результаты показали значительную разницу в результатах тестов в пользу экспериментальной группы. По результатам опроса отмечена позитивная реакция обучающихся на метод «Перевернутый класс». Обучающиеся восприняли новый метод воодушевлённо, поняв, что он поможет им добиться больших успехов в изучении английского языка [11].

Рассмотрим опыт внедрения изучаемого метода в Афганистане. Исследование 2016-го года, в котором принимало участие 72 обучающихся, изучающих английский язык, показало, что метод способствовал развитию устных коммуникативных навыков. В исследовании отмечено, что важен добросовестно подготовленный преподавателем материал и спланированный урок.

В экспериментальной работе исследователей из одного из университетов Таиланда 2017-го года участвовали 46 участников. Эксперимент был сконцентрирован на развитии лексических и грамматических навыков. Обучающимся предлагались видео-лекции, на основе которых на занятии разыгрывались ролевые игры с целью практики устной речи. Контрольная группа состояла из 48-и участников, которые обучались с использованием традиционных методов без видео-лекций. Результаты показали, что экспериментальная группа получила более высокие оценки в итоговом тесте по сравнению с контрольной группой. Студенты позитивно отреагировали на использование данного метода при обучении. Отмечено, что обучающиеся проводят значительную часть времени на занятии в продуктивном общении, совершенствовании разговорных навыков [8].

Интересен эксперимент французского исследователя Венсана Файе, который, рассматривая исследуемый концепт как технологию, в 2014-м году включил её в свои уроки в парижском лицее. Оказалось, что обучающиеся, которые успешно работали при использовании традиционных методов были менее успешны в ситуации с применением метода «Перевернутый класс», а обучающиеся, имеющие более низкий уровень знаний в традиционных рамках были более успешны в ситуации обучения на основе метода «Перевернутый класс» [5].

Личностно-ориентированное обучение иностранному языку предполагает активное иноязычное общение обучающихся, поэтому крайне важно на занятии найти способ вовлечения обучающихся в реальную языковую коммуникацию, в информационный обмен, смоделировать реальный процесс вхождения в культуру и профессиональную деятельность с использованием изучаемого языка. Анализ теоретических источников по теме и обобщение опыта практики обучения иностранным языкам показал, что личностно-ориентированный подход позволяет внедрить в учебный процесс активные

формы обучения, способствующие развитию иноязычных компетенций и творческих способностей студентов; развивать самостоятельность, критическое мышление. При этом, метод обучения «Перевернутый класс» в наибольшей степени отвечает принципам личностно-ориентированного подхода.

Список литературы

1. Азимов, Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – М.: Издательство ИКАР, 2009. – 448 с. – Текст : непосредственный.
2. Белухин, Д. А. Основы личностно ориентированной педагогики. Часть 1 / Д. А. Белухин. – М. : Издательство «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. – 318 с. – Текст : непосредственный.
3. Билюк, Е. Г. Создание ситуации успеха для каждого ученика / Е. Г. Билюк, Н. С. Круглова. – Текст : электронный // Международный журнал экспериментального образования. – 2014. – № 7 (часть 2) – С. 67–68. – URL: <https://expeducation.ru/ru/article/view?id=5562> (дата обращения: 02.02.2021).
4. Гладких, Д. С. Использование технологии Flipped Classroom при обучении иноязычной письменной речи в старшей школе / Д. С. Гладких. – Текст : электронный // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. – 2018. – № 14. – С. 118–123. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37607234> (дата обращения 22.07.2021).
5. Енбаева, Л. В. Технология Flipped Classroom на уроке английского языка / Л. В. Енбаева, М. А. Иванова. – Текст : электронный // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. – 2017. – № 13. – С. 131–135. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32382209> (дата обращения 22.07.2021).
6. Кобзева, Н. А. Коммуникативная компетенция как базисная категория современной теории и практики обучения иностранному языку / Н. А. Кобзева. – Текст : электронный // Молодой ученый. – 2011. – № 3 (26). – Т. 2. – С. 118–121. – URL: <https://moluch.ru/archive/26/2790/> (дата обращения: 02.07.2021).
7. Локалова, Н. П. Школьная неуспеваемость: причины, психокоррекция, психопрофилактика / Н. П. Локалова. – Текст: электронный // Учебное пособие. – СПб.: Питер, 2009. – 368 с. – URL: <https://studfile.net/preview/1811813/> (дата обращения: 08.07.2021).
8. Серёгина, И. Н. Формы организации учебной деятельности детей с СДВГ в школе и дома / И. Н. Серёгина. – Текст: электронный // Школьные Технологии. – 2014. – № 2. – С. 119–126. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21705825> (дата обращения 02.07.2021).
9. Современные педагогические технологии : учебное пособие для студентов-бакалавров, обучающихся по педагогическим направлениям и специальностям / Автор-составитель: О. И. Мезенцева; под. ред. Е. В. Кузнецовой; Куйб. фил. Новосиб. гос. пед. ун-та. – Новосибирск : ООО «Немо Пресс», 2018. – 140 с. – URL: <http://ouartyn.mur.obr55.ru/files/2018/12/Учебное-пособие.-О.-И.-Мезенцева-Современные-педагогические-технологии.pdf> (дата обращения: 08.07.2021). – Текст : электронный.
10. Bergmann, J. The Flipped Class: Myths vs. Reality / J. Bergmann, J. Overmyer, B. Wilie. – Текст : электронный // The Daily Riff. – 2011, July. – URL: <http://www.thedailyriff.com/articles/the-flipped-class-conversation-689.php> (дата обращения: 08.07.2021).
11. Mohan, D. Flipped Classroom, Flipped Teaching and Flipped Learning in the Foreign/ Second Language Post-Secondary Classroom / D. Mohan. – Текст : электронный // Second

Language Pedagogies: From Theory to Practice. – 2018. – Vol. II. – № 11. – URL: <https://journal.lib.uoguelph.ca/index.php/nrsc/article/view/4016> (дата обращения: 22.05.2021).

ENSURING THE PERSONALLY ORIENTED NATURE OF LEARNING A FOREIGN LANGUAGE AT THE UNIVERSITY THROUGH THE «FLIPPED CLASS» METHOD

K. V. Gorshkova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, xen.gorshkova@yandex.ru

L. N. Lubozheva

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, lionella.lubozheva@mail.ru

This study presents the study of the personality-oriented nature of teaching of a foreign language at a university. The work reveals the concept of “personality-oriented learning” and the principles of this approach. The study demonstrates the “Flipped class” method as the method that has the main characteristics of a student-centered approach to learning. Besides the results of the application of this method by foreign researchers are illustrated in this work. The main purpose of the article is to attract the interest of Russian researchers to the application of the “Flipped class” method in universities.

Key words: personality-oriented character; flipped class method; subject-subject relations, distance learning, principles of a personality-oriented approach.

References

1. Azimov, E. G. and SHCHukin, A. N. (2009). *Novyj slovar' metodicheskikh terminov i ponyatij (teoriya i praktika obucheniya yazykam)* [New dictionary of methodical terms and concepts (theory and practice of teaching languages)]. Moscow, Izdatel'stvo IKAR, 448 p. (in Russ.).
2. Beluhin, D. A. (1996). *Osnovy lichnostno orientirovannoj pedagogiki. CHast' 1* [Fundamentals of personality-oriented pedagogy. Part 1]. Moscow, Izdatel'stvo «Institut prakticheskoy psihologii»; Voronezh, NPO «MODEK», 318 p. (in Russ.).
3. Bilyuk, E. G. and Kruglova, N. S. (2014). Sozdanie situacii uspekha dlya kazhdogo uchenika [Creating a situation of success for each student]. *Mezhdunarodnyj zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya* [International Journal of Experimental Education], 7 (part 2), pp. 67–68, available at: <https://expeducation.ru/ru/article/view?id=5562>, accessed 02.02.2021 (in Russ.).
4. Gladkih, D. S. (2018). Ispol'zovanie tekhnologii Flipped Classroom pri obuchenii inoyazychnoj pis'mennoj rechi v starshej shkole [Using the Flipped Classroom technology in teaching foreign language writing in high school]. *Problemy romano-germanskoj filologii, pedagogiki i metodiki prepodavaniya inostrannyh yazykov* [Problems of Romano-Germanic philology, pedagogy and methods of teaching foreign languages], 14, pp. 118–123, available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37607234>, accessed 22.07.2021 (in Russ.).
5. Enbaeva, L. V. and Ivanova, M. A. (2017). Tekhnologiya Flipped Classroom na uroke anglijskogo yazyka [Technology Flipped Classroom at an English lesson]. *Problemy romano-germanskoj filologii, pedagogiki i metodiki prepodavaniya inostrannyh yazykov* [Problems of Romano-Germanic philology, pedagogy and methods of teaching foreign languages], 13, pp. 131–135, available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32382209>, accessed 22.07.2021 (in Russ.).

6. Kobzeva, N. A. (2011). Kommunikativnaya kompetenciya kak bazisnaya kategoriya sovremennoj teorii i praktiki obucheniya inostrannomu yazyku [Communicative competence as a basic category of modern theory and practice of teaching a foreign language]. *Molodoj uchenyj* [Young scientist], 3 (26), vol. 2, pp. 118–121, available at: <https://moluch.ru/archive/26/2790/>, accessed 02.07.2021 (in Russ.).

7. Lokalova, N. P. (2009). *SHkol'naya neuspevaemost': prichiny, psihokorrekcija, psihoprofilaktika* [School academic failure: reasons, psychocorrection, psychoprophylaxis]. Saint-Petersburg, Piter, 368 p., available at: <https://studfile.net/preview/1811813/>, accessed 08.07.2021 (in Russ.).

8. Seryogina, I. N. (2014). Formy organizacii uchebnoj deyatel'nosti detej s SDVG v shkole i doma [Forms of organizing educational activities of children with ADHD at school and at home]. *SHkol'nye Tekhnologii* [School Technologies], 2, pp. 119–126, available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21705825>, accessed 02.07.2021 (in Russ.).

9. *Sovremennye pedagogicheskie tekhnologii : uchebnoe posobie dlya studentov-bakalavrov, obuchayushchihsya po pedagogicheskim napravleniyam i special'nostyam* (2018) [Modern pedagogical technologies: a textbook for bachelor students studying in pedagogical areas and specialties]. Novosibirsk, OOO «Nemo Press», 140 p., available at: <http://ouartyn.mur.obr55.ru/files/2018/12/Uchebnoe-posobie.-O.-I.-Mezenceva-Sovremennye-pedagogicheskie-tekhologii.pdf>, accessed 08.07.2021 (in Russ.).

10. Bergmann, J., Overmyer, J., and Wilie, B. (2011, July). The Flipped Class: Myths vs. Reality. *The Daily Riff*, available at: <http://www.thedailyriff.com/articles/the-flipped-class-conversation-689.php>, accessed 08.07.2021.

11. Mohan, D. (2018). Flipped Classroom, Flipped Teaching and Flipped Learning in the Foreign/Second Language Post-Secondary Classroom. *Second Language Pedagogies: From Theory to Practice*, 11, vol. II, available at: <https://journal.lib.uoguelph.ca/index.php/nrsc/article/view/4016>, accessed 22.05.2021.

Лубожева Лионелла Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры делового иностранного языка, Челябинский государственный университет.

lionella.lubozheva@mail.ru

Горшкова Ксения Викторовна, магистрант основной образовательной программы Иностранные языки по направлению подготовки 44.0.401 Педагогическое образование, Челябинский государственный университет.

[xen.gorshkova@yandex.ru](mailto: xen.gorshkova@yandex.ru)

УДК 37

DOI: 10.47475/1999-5407-2021-10210

ФОРМИРУЮЩЕЕ ОЦЕНИВАНИЕ КАК ПЕРСПЕКТИВНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ОЦЕНОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Ю. А. Рудакова, И. А. Бобыкина

Челябинский государственный университет, Челябинск

Одной из актуальных проблем педагогического процесса в высшей школе является повышение качества иноязычного образования. В статье рассмотрена современная технология формирующего оценивания как основа самостоятельной, рефлексивной и непрерывной оценочной деятельности обучающихся. Проведен анализ ее отличительных характеристик от традиционной системы оценивания. Реализация технологии формирующего оценивания представлена в контексте подготовки обучающихся иностранному языку по программам бакалавриата психолого-педагогического направления подготовки. Обозначены электронные ресурсы для осуществления формирующего оценивания при обучении иностранному языку в вузе. Теоретически обоснована перспективность избранной технологии.

Ключевые слова: формирующее оценивание, оценочная деятельность, иностранный язык, письменная коммуникация, электронное обучение, высшее иноязычное образование.

В настоящее время в системе высшего российского образования происходят значимые перемены: внедряются новые образовательные стандарты, инновационные методы, подходы и образовательные технологии. Изменения в образовательной сфере обусловлены тенденциями, происходящими на разных уровнях жизнедеятельности современного общества: формирование информационного социума и профессионалов нового формата, автоматизация и цифровизация разных сфер деятельности человека, персонализация и индивидуализация процессов, смена поколений и международная интеграция. С развитием новых информационно-коммуникационных технологий появляются новые требования к качеству высшего образования, формам проведения контроля и системе оценивания. Актуальность исследования вызвана недостаточным изучением специфики формирующего оценивания компетенций выпускников образовательных программ, в том числе той ее части, в которой представляются результаты иноязычного образования.

В фокусе нашего внимания находится формирующее оценивание учебных достижений обучающихся иностранному языку, которое мы понимаем как механизм, реализующийся на основе самооценки студентов и обеспечивающий их и преподавателя информацией для совершенствования процесса освоения иноязычной компетенции.

Материалом исследования являются нормативные документы относительно вопросов иноязычного образования в высшей школе, работы отечественных и зарубежных исследователей избранной проблематики.

В качестве основных методов исследования использованы: анализ нормативной и учебно-методической документации, трудов отечественных и зарубежных исследователей по данной проблеме; обобщение педагогического опыта.

Вопрос развития у обучающихся способности к формирующему оцениванию представляется весьма актуальным, поскольку регистрация и оценка результатов обучения студентов привлекает в настоящее время особое внимание в связи с все большим вовлечением обучающихся в самоуправляемый образовательный процесс и повышение их ответственности за результаты собственного обучения. Как правило,

незнание критериев и отсутствие опыта оценивания достижений существенно затрудняет адекватную оценку формируемых компетенций. Понятие формирующего оценивания было предметом интерпретации западными учеными в 90-е гг. [11; 12; 14]. В отечественной теории и методике обучения данный феномен является относительно новым объектом исследования, которое предстоит изучить и внедрить в систему российского образования.

Как показывают результаты обобщения опыта образовательной практики, при реализации актуальной балльно-рейтинговой системы в вузах предпочтение отдается внешнему контролю, что не способствует формированию самооценки, самоконтроля обучающихся. Помимо прочего, такой тип традиционного оценивания ориентирован на конечный предметный результат, в то время как формирующее оценивание направлено на развитие способности к самооценке и самоуправлению обучающегося с помощью критериев, однозначно определенных и заранее известных всем участникам образовательного процесса. Достаточно наглядна в этом плане аналогия Р. Стейка с двумя этапами оценивания супа. Дегустация супа поваром есть формирующее оценивание (формативная оценка), обедающим (или экспертом) – суммативная оценка. Другими словами, формативная оценка отражает внутренний контроль качества, тогда как суммативная оценка представляет, насколько хорошо функционирует конечный продукт в реальном мире.

Традиционный подход к оцениванию обучения направлен на выставление оценок за итоговый контроль знаний в предметной области. Как правило, оценивание происходит на основании таких показателей, как:

- 1) активная работа,
- 2) объективная оценка письменных работ;
- 3) субъективная оценка педагога (наблюдение, самоанализ);
- 4) стандартизированное оценивание, выносимое по результатам стандартизированных тестов [3. С. 32].

Результаты анализа научной литературы позволили выявить принципиальные отличительные характеристики формирующего оценивания:

- центрировано на обучающемся. Во-первых, служит развитию мета-предметных способностей обучающихся: самооценки, рефлексии, критического мышления, самостоятельности и т.д. Во-вторых, благодаря соучастию в оценивании студенты более глубоко погружаются в изучаемый материал и более осознанно осваивают соответствующие компетенции;
- концентрация внимания на прогрессе, а не на «провалах», т.е. отмечается переход к оценке «метода сложения» на основе рефлексии: что приобрел, чему научился, в чем продвинулся, в чем «мои» сильные стороны?;
- контроль уровня успешности обучающихся не по отметкам, а с помощью обратной связи (комментарий, символ, взаимооценка, поощрение и т.д.);
- добровольная демонстрация обучающимися своих знаний, умений, способностей и понимание темы для себя, а не потому, что контролирует педагог;
- нацелено на определение индивидуальных достижений каждого студента и не предполагает сравнения результатов обучающихся;
- направлено на выяснение, достигнуты ли поставленные учебные цели [3; 4; 6; др.].

Как видно из приведенных характеристик, технология формирующего оценивания позволяет мотивировать студентов более активно включиться в свое учение, способствует развитию навыков самооценки, запускает механизм обратной связи относительно результатов оценивания и возможностей улучшения процесса обучения.

Предметом нашего внимания является формирующее оценивание процесса развития способности к деловой коммуникации в письменной форме обучающихся иностранному языку по программам бакалавриата психолого-педагогических направлений подготовки в вузе.

В условиях активного развития онлайн коммуникаций способность вести грамотное иноязычное общение и составлять деловую корреспонденцию в письменной форме (мотивационное письмо, резюме, сопроводительное письмо, статьи, деловая корреспонденция, рецензии, отзывы, комментарии и т.д.) является одним из основных показателей профессионализма.

Письменная речь является одним из четырех видов речевой деятельности наряду с говорением, аудированием и чтением и относится к продуктивному типу. По мнению Н. Д. Гальсковой, она представляет собой продуктивную аналитико-синтетическую деятельность, связанную с порождением и фиксации письменного текста. В нашем исследовании письменная речь понимается как процесс выражения мыслей в графической форме [1. С. 249].

В методической литературе выделяют следующие особенности текста как продукта письменной речи:

1. Композиционно-структурная завершенность и логико-смысловая структура.
2. Единство начала, центрального коммуникативного блока и заключительной части.
3. Соотнесенность заголовка с содержанием.
4. Индуктивная или дедуктивная форма изложения, которая облегчает вероятностное прогнозирование самого пишущего и реципиента.
5. Предметное содержание.
6. Коммуникативные качества.
7. Монообъектные или полиобъектные связи.

В отличие от говорения или слушания письменная речь реализуется более медленно, так как при порождении текста пишущий может изменить первоначальный замысел, скорректировать содержание, дополнить или изменить его.

Согласно ФГОС ВО и рабочим программам дисциплины «Иностранный язык» по программам неязыкового бакалавриата вуза развитие способности обучающегося к деловой коммуникации в письменной форме на государственном языке Российской Федерации и иностранном языке является одним из основных требований к иноязычному образованию в вузе (универсальная компетенция - УК-4) [10].

С точки зрения И.С. Сергеева, компетенция представляет собой готовность человека к мобилизации знаний, умений и внешних ресурсов для эффективной деятельности в конкретной жизненной ситуации, готовность действовать в ситуации неопределенности [8]. Ряд ученых рассматривают понятие компетенции как базовые качества индивида, влияющие на эффективность и качество выполняемой им деятельности [15]. В данном исследовании под компетенцией понимается способность обучающегося применять полученные знания, умения, навыки, личностные качества и практический опыт владения иностранным языком для успешной профессиональной деятельности.

Структура универсальной компетенции (УК-4) включает в себя следующие компоненты:

Знать:

- грамматические структуры и лексические единицы изучаемого иностранного языка, необходимые для осуществления письменной коммуникации в ситуациях делового общения;
- правила и принципы деловой письменной коммуникации на иностранном языке.

Уметь: осуществлять деловую коммуникацию в письменной форме на иностранном языке.

Владеть: навыками использования языковых средств для осуществления письменной деловой коммуникации на иностранном языке.

Данные компоненты можно оценить с помощью фонда оценочных средств – комплекта методических и оценочных (контрольно-измерительных) материалов, предназначенных для определения уровня знаний, умений, навыков и сформированности компетенции обучающихся по образовательным программам высшего образования.

Такие виды оценочных средств, как кейс-задача, проект, творческое задание, эссе, электронное портфолио могут быть использованы при формирующем оценивании результатов обучения студентов неязыковых направлений подготовки [7].

Согласно исследованиям ученых (Е. Н. Землянская, М. А. Пинская, Н. П. Тряпицына, Н. Ф. Родионова, Г. А. Цукерман и др.), выделяются следующие требования к реализации формирующего оценивания:

- обучающиеся четко знают цель и задачи занятия, обозначена тема;
- до начала выполнения задания студенты должны быть ознакомлены с системой критериев и конкретизирующих их показателей, а также с балльной шкалой;
- студенты могут самостоятельно разработать систему критериев, исходя из желаемого уровня овладения;
- обсуждение содержания критериев и обоснование необходимости каждого из критериев должны предшествовать работе студентов над заданием;
- критерии и показатели должны быть зафиксированы и доступны всем обучающимся постоянно. Для этого можно, например, использовать электронные обучающие среды или доску объявлений;
- критерии должны быть разработаны по степени важности;
- при выполнении объемного задания должно быть предусмотрено промежуточное сопоставление деятельности студентов с системой критериев для совершенствования их учебной деятельности или ее своевременной коррекции;
- обучающиеся и преподаватели понимают уровневую модель прогресса, чтобы отслеживать индивидуальные успехи обучающихся в движении к образовательному результату.

На разных этапах обучения (Представление нового материала, закрепление представленного материала, этап размышлений, итоговое тестирование) рекомендуется использовать различные техники формирующего оценивания:

- ассоциативные («светофор», «карточки», «речевые образцы», «голосование» и др.);
- интерактивные («одноминутное эссе», «интервью», «правильные вопросы», «карты приложений», «недельный отчет» и др.);
- дистрибутивные («классификация ошибок», «доска помощи», «сравнение с образцом» и др.) [9. С. 36].

Учитывая тот факт, что современные обучающиеся являются представителями поколения «Z», «digital natives», которые в совершенстве владеют цифровыми технологиями, инструментарий формирующего оценивания с применением электронных ресурсов создает дополнительные возможности повышения как эффективности образовательного процесса, так и качества результатов иноязычного образования.

Согласно Федеральному закону №273 в Российской Федерации, под электронным обучением понимается организация образовательной деятельности с применением содержащейся в базах данных и используемой при реализации образовательных программ информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий, технических средств, а также информационно-телекоммуникационных сетей, обеспечивающих передачу по линиям связи указанной информации, взаимодействие обучающихся и педагогических работников [5]. Под дистанционными образовательными технологиями

понимаются образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников [5].

Каждый из видов электронных обучающих ресурсов может быть использован на разных этапах обучения:

1. Google-форма – совместная рабочая область для студентов (онлайн офис, виртуальный класс, совместные папки, сайт), которая позволяет заранее размещать задания контрольных мероприятий, план их выполнения и критерии оценки. Это дает возможность студентам заранее планировать свое время на выполнение заданий и/или выбирать интересующие их задания. Кроме того, важные возможности для формирующего оценивания предоставляет использование сервисов коллективной работы. Например, такие инструменты Google-диска, как совместная подготовка презентаций, сценариев, докладов, схем, опросов и др. Инструменты предусматривают, что при работе группы над совместным проектом вклад каждого члена группы становится виден всем ее участникам. Если задание включает элементы совместной работы с использованием сервисов, то в процессе его выполнения каждый студент может сравнить свой уровень компетенции по изучаемому вопросу и сделать соответствующие выводы относительно самообразования.

2. iSpring – работающий в интерфейсе Microsoft PowerPoint конструктор презентаций и курсов. Программа включает iSpring QuizMaker – редактор тестов и опросов, который позволяет работать с аудио, видео и изображениями.

3. Kahoot – сервис для создания онлайн викторин, тестов и опросов.

4. LearningApps – бесплатный сервис для поддержки процесса преподавания или самостоятельного обучения с помощью интерактивных модулей. Пользователи могут использовать имеющиеся модули, модифицировать их и создавать новые модули с использованием предлагаемого конструктора и шаблонов.

5. Moodle – система для обучения и онлайн тестирования. Сервис позволяет создавать: вопросы с одним правильным ответом или с множественным выбором ответов из нескольких вариантов, вопросы с открытыми ответами, создавать поле для коротких сочинений, проводить опросы, подключаться к Google Classroom.

6. Quizlet – сервис, который позволяет легко запоминать любую информацию в виде учебных карточек. Есть возможность создавать собственные карточки, добавляя к ним картинки и аудиофайлы и затем выполнять упражнения и играть в игры, чтобы запомнить данный материал в игровой форме и отработать изученную лексику.

7. <https://www.liveworksheets.com>, <https://en.islcollective.com/> – конструкторы интерактивных рабочих листов и др.

Таким образом, технология формирующего оценивания позволяет развивать у обучающихся рефлексию, критическое мышление, самостоятельность, умение оценить себя и других, анализировать свою работу и сделать конечный продукт качественным, навыки сотрудничества и взаимодействия, способность становится активным участником учебного процесса [13].

Применение технологии формирующего оценивания в полной мере соответствует требованиям нормативных документов в сфере высшего образования относительно реализации основных образовательных программ высшего образования на основе компетентностного подхода к определению результатов иноязычного образования и субъектно-деятельностного подхода к процессу развития заданных ФГОС ВО компетенций обучающихся, согласно которому обучающийся выступает активным деятелем собственного развития и образования. Анализ научных источников подтверждает предположение о том, что использование в образовательном процессе вуза технологии формирующего оценивания является перспективным в свете тенденций развития современного высшего образования.

Список литературы

1. Гальскова, Н. Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. / Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез. – М. : Академия, 2009. – 335 с. – Текст : непосредственный.
2. Бурлакова, И. И. Качество образования и его оценка в системе высшего образования: теория и методология: монография / И. И. Бурлакова. – М. : Изд-во Рос НОУ, 2013. – 112 с. – Текст : непосредственный.
3. Землянская, Е. Н. Формирующее оценивание (оценка для обучения) образовательных достижений обучающихся / Е. Н. Землянская. – Текст : электронный // Современная зарубежная психология: электронный журнал. – 2016. – Т. 5. – № 3. – С. 50–58. – URL: https://psyjournals.ru/files/83909/jmfp_2016_n_3_Zemlyanskaya.pdf (дата обращения: 25.07.2021).
4. Землянская, Е. Н. Критериальное оценивание образовательных достижений студентов вуза / Е. Н. Землянская. – Текст : непосредственный // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2020. – Том 5. – Выпуск 2. – С. 142–147.
5. Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ : ред. от 31.07.2020 : принят Государственной Думой 21 декабря 2012 года : одобрен Советом Федерации 26 декабря 2012 года. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 25.07.2021).
6. Пинская, М. А. Формирующее оценивание: оценивание для обучения: практическое руководство для учителей / М. А. Пинская. – Текст : электронный // Методические материалы Института развития образования. – Ярославль: Ин-т развития образования, 2014. – 35 с. – URL: http://www.iro.yar.ru/fileadmin/iro/crui/metod_material/Ocenivanie_dlya_obucheniya_M.A._Pinskaya.pdf (дата обращения: 25.07.2021).
7. Положение о фонде оценочных средств по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, специалитета и магистратуры, реализуемым в ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет» : утверждено 26.09.2019 года. – Текст : электронный. – URL: <https://www.csu.ru/Shared%20Documents/Troitck/2021/%D0%9F%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%BE%20%D1%84%D0%BE%D0%BD%D0%B4%D0%B5%20%D0%BE%D1%86%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D1%87%D0%BD%D1%8B%D1%85%20%D1%81%D1%80%D0%B5%D0%B4%D1%81%D1%82%D0%B2.pdf> (дата обращения: 25.07.2021).
8. Сергеев, И. С. Как реализовать компетентностный подход на уроке и во внеурочной деятельности / И. С. Сергеев, В. И. Блинов. – М. : АРКТИ, 2007. – Текст : непосредственный.
9. Тряпицына, Н. П. Модернизация общего образования: оценка образовательного результата / Н. П. Тряпицына, Н. Ф. Родионова. – СПб., 2017. – 225 с. – Текст : непосредственный.
10. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования: Специальное (дефектологическое) образование по специальности 44.03.03 // Портал федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. – официальный сайт портала. – URL: <http://fgosvo.ru/fgosvo/151/150/24/94> (дата обращения: 15.06.2021). – Текст : электронный.
11. Black, P. Developing the theory of formative assessment / P. Black, D. Wiliam. – Текст : непосредственный // Educational Assessment, Evaluation and Accountability (formerly: Journal of Personnel Evaluation in Education). – 2009. – Т. 21. – №. 1. – С. 5–31.

12. Clark, I. Formative assessment: Assessment is for self-regulated learning / I. Clark. – Текст : непосредственный // *Educational Psychology Review*. – 2012. – Т. 24. – №. 2. – С. 205–249.
13. Кока, R. Formative Assessment in Higher Education: From Theory to Practice / R. Koka, A. Jurane-Bremane. – Текст : электронный // *European Journal of Social Sciences Education and Research*. – January 2017. – Vidzeme University of Applied Sciences, Riga Stradins University. – P. 28–34. – URL : <https://www.researchgate.net/publication/318538190> (дата обращения: 25.07.2021). DOI: 10.26417/ejser.v9i1.
14. Shepard, L. A. Formative assessment: Caveat emptor / L. A. Shepard. – Текст : непосредственный // *The future of assessment: shaping teaching and learning: ETS Conference*. – New York, 2005. – 37 p.
15. Spencer, L. M. Jr. Competence at work: models for superior performance / L. M. Jr. Spencer, S. Spencer. – John Wiley & Sons Inc., 1993. – URL: <https://studfile.net/preview/6343870/> (дата обращения: 25.07.2021). – Текст : электронный.

FORMATIVE ASSESSMENT AS A MODERN TECHNOLOGY OF EVALUATION ACTIVITY IN HIGHER EDUCATION

Y. A. Rudakova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, guachel@mail.ru

I. A. Bobykina

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, bobykina-ia@mail.ru

One of the urgent problems of the pedagogical process in higher education in Russian university today is the problem of ensuring the quality of foreign language education of students. The article discusses the modern technology of formative assessment as the basis of independent, reflective and continuous evaluation activity of students. The analysis of its distinctive characteristics from the traditional assessment system is carried out. The implementation of the technology of formative assessment is presented in the context of the foreign language education of students in the psychological and pedagogical bachelor's degree programs. Electronic resources for the implementation of formative assessment when teaching a foreign language at a university are discussed. The prospects of the chosen technology are theoretically justified.

Key words: formative assessment, evaluation activity, foreign language, written communication, e-learning, higher foreign language education.

References

1. Galskova, N. D. (2009). *Teoriya obucheniya inostrannym yazikam. Lingvodidaktika i metodika* [The theory of teaching foreign languages. Linguodidactics and methodology]. 335 p. (in Russ.).
2. Burlakova, I. I. (2013). *Kachestvo obrazovaniya i ego ocenka v sisteme vysshego obrazovaniya: teoriya i metodologiya: monografiya* [The quality of education and its assessment in the system of higher education: theory and methodology: monograph]. Moscow, Izd-vo Ros NOU, 112 p. (in Russ.).
3. Zemlyanskaya, E. N. (2016). Formiruyushee ocenivanie (ozenka dl'ya obucheniya) obrazovatelnyh dostigeniy obuchajushihhsya [Formative assessment (assessment for teaching) of educational achievements of students]. *Elektonniy jurnal Sovremennaya zarubegnaja*

psihologija [Modern foreign psychology: electronic journal], 3, vol. 5, pp. 50–58, available at: https://psyjournals.ru/files/83909/jmfp_2016_n_3_Zemlyanskaya.pdf, accessed 25.07.2021 (in Russ.).

4. Zemlyanskaya, E. N. (2020). Kriterial'noe ocenivanie obrazovatelnyh dostigeniy studentov vuza [Criteria assessment of educational achievements of university students]. *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki* [Pedagogy. Theory & Practice], 2, vol. 5, pp. 142–147 (in Russ.).

5. Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii : Federal'nyy zakon ot 29.12.2012 № 273-FZ : red. ot 31.07.2020 : prinyat Gosudarstvennoy Dumoy 21 dekabrya 2012 goda : odobren Sovetom Federatsii 26 dekabrya 2012 goda [On education in the Russian Federation: Federal Law of December 29, 2012 No. 273-FZ: ed. from 31.07.2020: adopted by the State Duma on December 21, 2012: approved by the Federation Council on December 26, 2012]. *Konsul'tantPlyus : spravочно-pravovaya sistema* [ConsultantPlus: reference and legal system], available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/, accessed 25.07.2021 (in Russ.).

6. Pinskaya, M. A. (2014). Formiruyushee ocenivanie: ocenivaniye dlya obuchenija: prakticheskoye rokovodstvo dlya uchitelei [Formative assessment: assessment for teaching: a practical guide for teachers]. *Metodicheskie materialy Instituta razvitiya obrazovaniya* [Methodological materials of the Institute for the Development of Education], p. 35, available at: http://www.iro.yar.ru/fileadmin/iro/crui/metod_material/Ocenivanie_dlya_obucheniya_M.A._Pinskaya.pdf, accessed 25.07.2021 (in Russ.).

7. *Pologenie o fonde ocenochnyh sredstv po obrazovatelnyh programmam vysshego obrazovaniya – programmam bakalavriata, specialiteta I magistratury, utvergdno Chelyabinskiy gosudarstvenniy universitet 26 Sentyabrya 2019* [Regulations on the fund of appraisal funds for educational programs of higher education – bachelor's, specialist's and master's programs, implemented at the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Chelyabinsk State University”], approved by Chelyabinsk state university on September 26, 2019, available at: <https://www.csu.ru/Shared%20Documents/Troitck/2021/%D0%9F%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%BE%20%D1%84%D0%BE%D0%BD%D0%B4%D0%B5%20%D0%BE%D1%86%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D1%87%D0%BD%D1%8B%D1%85%20%D1%81%D1%80%D0%B5%D0%B4%D1%81%D1%82%D0%B2.pdf>, accessed 25.07.2021 (in Russ.).

8. Sergeev, I. S. and Blinov, V. I. (2007). *Kak realizovat' kompetentnostniy podhod na uroke i vo vneurochnoy deyatel'nosti* [How to implement a competence-based approach in the classroom and in extracurricular activities], 132 p. (in Russ.).

9. Tryapitsyina, N. P. and Rodionova, N. F. (2017). *Modernizatsiya obshchego obrazovaniya: otsenka obrazovatel'nogo rezultata* [Modernization of general education: an assessment of the educational result]. Saint-Petersburg, 225 p. (in Russ.).

10. Federalnii gosudarstvenniy obrazovatel'nii standart visshogo obrazovaniya, Specialnoje (defektologicheskoye obrazovanie) po specialnosti 44.03.03 [Federal state educational standard of higher education: Special (defectological) education in the specialty 44.03.03]. *Portal federalnyh gosudarstvennyh obrazovatelnyh standartov vysshego obrazovaniya* [Portal of federal state educational standards of higher education], available at: <http://fgosvo.ru/fgosvo/151/150/24/94>, accessed 15.06.2021 (in Russ.).

11. Black, P. and Wiliam, D. (2009). Developing the theory of formative assessment. *Educational Assessment, Evaluation and Accountability (formerly: Journal of Personnel Evaluation in Education)*, 1, vol. 21, pp. 5–31.

12. Clark, I. (2012). Formative assessment: Assessment is for self-regulated learning. *Educational Psychology Review*, 2, vol. 24, pp. 205–249.

13. Koka R. and Jurane-Bremane, A. (2017). Formative Assessment in Higher Education: From Theory to Practice. *European Journal of Social Sciences Education and Research*.

Vidzeme University of Applied Sciences, Riga Stradins University, pp. 28–34, available at: <https://www.researchgate.net/publication/318538190>, accessed 25.07.2021. DOI: 10.26417/ejsr.v9i1.

14. Shepard, L. A. (2005). Formative assessment: Caveat emptor. *The future of assessment: shaping teaching and learning: ETS Conference*. New York, 37 p.

15. Spencer, L. M. Jr. and Spencer, S. M. (1993). *Competence at work: models for superior performance*. John Wiley & Sons Inc. Available at: <https://studfile.net/preview/6343870/>, accessed 25.07.2021.

Бобыкина Ирина Александровна – доктор педагогических наук, заведующий кафедрой делового иностранного языка, Челябинский государственный университет.
bobykina-ia@mail.ru

Рудакова Юлия Андреевна – магистрант основной образовательной программы Иностранные языки по направлению подготовки 44.04.01 Педагогическое образование, Челябинский государственный университет.
guachel@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Челябинский гуманитарий» издавался с 2006 года под эгидой Челябинского научного центра РАН; с 2020 года издается Челябинским государственным университетом по следующим специальностям:

- культурологии (5.10.1. Теория и история культуры, искусства);
- филологии (5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации; 5.9.3. Теория литературы; 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика);
- педагогике (5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования; 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования); 5.8.7. Методология и технология профессионального образования).

Входит в РИНЦ.

ISSN 1999-5407.

Требования к публикациям:

Объем статьи: от 16000 до 40000 символов (включая заголовочный комплекс и перевод на английский язык).

Обязательные элементы статьи:

– ФИО автора, город, вуз, e-mail, название статьи, аннотация на русском языке (50-100 слов), ключевые слова (не более 10);

– текст статьи;

– список литературы (не менее 10 позиций);

– сведения об авторе на русском языке: полностью ФИО, должность и ученая степень (указываются полностью, без сокращений!), место работы (полное название, без сокращений и аббревиатур!), рабочий и домашний адреса с указанием почтового индекса, контактные телефоны, адрес электронной почты;

– фамилия автора, указание места его работы (вуз и город) и электронной почты, название статьи, аннотация и ключевые слова на английском языке, при этом аннотация обязательно расширенная, с учетом того, что с нею знакомится человек, который не сможет прочитать полный текст русскоязычной статьи. Объем расширенной аннотации – от 1000 до 3000 символов с пробелами;

– References (список литературы на латинице с частичным переводом на английский язык, оформление списка см. ниже). Для транслитерации русских слов латинскими буквами автор может воспользоваться помощью сайта www.translit.ru, выбрав стандарт транслитерации – BGN. Вся библиография транслитерируется, при этом названия статей и места их размещения (журналы, сборники) переводятся на английский язык и меняется порядок элементов библиографического описания (см. ниже).

Оформление списка литературы (на русском языке)

Список литературы должен быть выстроен по алфавиту, в текстовых ссылках в квадратных скобках указывается номер источника по списку и номер страницы, на которую ссылается автор (пример: [8. С. 97]). В самом списке указывается либо общее количество страниц источника, либо, если это статья из сборника, номера страниц, на которых напечатана эта статья. Иноязычные источники приводятся по алфавиту после русскоязычных.

Если автору необходимо в одной текстовой ссылке перечислить несколько источников из Списка литературы, необходимо сделать следующее: «... неоднократно становилось предметом исследования [См., например: 1; 2; 6]».

Уважаемые авторы! Не забывайте о том, что алфавитный порядок определяется по первой букве в фамилии автора, а не его имени. Если автор отсутствует, по первой букве названия книги. Необходимо также указывать вид издания: монография, коллективная монография, сборник статей, сборник тезисов докладов, учебник, учебное пособие.

Требования к оформлению списка литературы на русском языке

Источники располагаются строго в алфавитном порядке (сначала источники на русском языке, потом – на иностранном). Выделения курсивом или кавычками не используются. Законодательные акты располагаются в общем списке, соблюдается алфавитный порядок.

Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.100-2018.

Иностранные источники оформляются в русскоязычном списке литературы по требованиям российского ГОСТ.

Примеры:

1. Гарбовский, Н. К. Теория перевода : учебник / Н. К. Гарбовский. – Москва : Изд-во Московского университета, 2004. – 544 с. – Текст : непосредственный.
2. Грязев, А. «Пустое занятие»: кто лишает Россию права вето в СБ ООН : в ГА ООН возобновлены переговоры по реформе Совета Безопасности / А. Грязев. – Текст : электронный // Газета.ru : [сайт]. – 2018. – 2 февр. – URL: https://www.gazeta.ru/politics/2018/02/02_a_11634385.shtml (дата обращения: 09.02.2018).
3. Делез, Ж. Логика смысла. Фуко, М. *Theatrum philosophicum* / Ж. Делез, М. Фуко ; пер. с фр. Я. И. Свирского ; под науч. ред. А. Б. Толстова. – М.: Раритет ; Екатеринбург : Деловая книга, 1998. – 480 с. – Текст : непосредственный.
4. Дмитриев, А. В. Россия в контексте пространственного развития: взгляд с периферии Ближнего Севера / А. В. Дмитриев, В. В. Воронов. – Текст : непосредственный // Мир России : социология, этнология. – 2017. – Т. 26, No 4. – С. 169–181.
5. Казакова, О. В. Особенности художественного перевода: практикум-хрестоматия / О. В. Казакова. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2006. – 160 с. – Текст : непосредственный.
6. Кэрролл, Л. Приключения Алисы в Стране Чудес : Сказка / Л. Кэрролл ; пересказ с англ. Б. Заходера. – Москва : Дет. лит., 1979. – 159 с. – Текст : непосредственный.
7. Литвин, Ф. А. Многозначность слова в языке и речи / Ф. А. Литвин. – Изд. 2-е, стереотипное. – Москва : КомКнига, 2005. – 120 с. – Текст : непосредственный.
8. Мир бессмыслиц. Лимерики, старые и новые : сборник (на англ. и русск. яз.) / сост. К. Н. Атарова. – Москва : Радуга, 2003. – 272 с. – Текст : непосредственный.
9. Можейко, М. А. Нонсенс / М. А. Можейко. – Текст : непосредственный // Новейший философский словарь. – 3-е изд., испр. – Минск : Книжный Дом, 2003. – С. 702–703.
10. Скрипник, К. Д. Лингвистический поворот и философия языка Дж. Локка: интерпретации, комментарии, теоретические источники / К. Д. Скрипник. – Текст : непосредственный // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2017. – Т. 27, вып. 2. – С. 139–146.
11. Carroll, L. *Alice's Adventures in Wonderland* / L. Carroll. – Moscow : Progress Publishers, 1979. – 235 p. – Текст : непосредственный.
12. Jakobson, R. *Linguistics and Poetics* / R. Jakobson // *Style in Language*. – New-York, 1960. – Текст : непосредственный.
13. Topsy-Turvy, World. *English Humour in Verse* / World Topsy-Turvy. – Moscow : Progress Publishers, 1978. – 319 p. – Текст : непосредственный.

Оформление списка литературы на английском языке

В англоязычном списке литературы источники располагаются в том же порядке, что и в русскоязычном.

Примеры:

1. Zagidullina, M. V. (2018). Tipologiya polikodovykh yedinstv v aspekte medialogiki [Typology of Policode Unities in the Aspect of Medialogics]. *Mediascope* [Mediascope], available at: <http://www.mediascope.ru/2464>. DOI: 10.30547/mediascope.3.2018.2 (accessed 25.02.2019) (in Russ.).
2. Raspopova, S. S. & Bogdan, E. N. (2018). *Feykovyye novosti: Informatsionnaya mistifikatsiya:*

uchebnoye posobiye [Fake news: Information hoax: study guide]. Moscow: The Aspect of Press, 112 p. (in Russ.).

3. Simakova, S. I. (2018). Vizual'nyy obraz v SMI – formirovaniye mediaestetiki potrebitelya massovoy informatsii [Visual images in the media – formation of media esthetics of the consumer of mass information]. *Znak: problemnoye pole mediaobrazovaniya* [Sign: problematic field of media education], 3 (29), pp. 83–92 (in Russ.).

4. Simakova, S. I. (2017). Vizual'nyy povorot v massovykh kommunikatsiyakh: kollektiv. monogr. [A visual turn in mass communications: the team. monograph]. *Vizual'nyy povorot i mediareal'nost'* [The Visual Turn and Media Reality]. Chelyabinsk, Publishing House of Chelyabinsk State University, pp. 21–29 (in Russ.).

5. DePaulo B. M., Rosenthal R. The structure of nonverbal decoding skills. *Journal of Personality*. 1979. N 47 (3). P. 506–517.

Статьи принимаются только в электронном виде по адресу chelgum@yandex.ru. Файл со статьей озаглавляется указанием научного направления и фамилией автора (пример: экономика_Иванова.doc). В теме письма указывать «Челябинский гуманитарий». В случае несоответствия статьи требованиям автору высылается мотивированный отказ. Отправка статьи для публикации в журнале одновременно означает согласие автора с ее размещением в открытых интернет-источниках. Вопросы можно задавать по электронной почте chelgum@yandex.ru.

Публикация в журнале бесплатная.